

**КУЛЯБСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
АБУАБДУЛЛОХА РУДАКИ**

На правах рукописи

НОДИРОВА САЙЁРАМО САЛИМШОЕВНА

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ
НАИМЕНОВАНИЯ «ХҶРОК – FOOD (ПИЦЦА)» В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ
ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ТАДЖИКСКОГО И АНГЛИЙСКОГО
ЯЗЫКОВ)**

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности:
5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
(филологические науки).

Научный руководитель:

доктор филологических наук,
профессор Джаматов С.С.

Куляб – 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4-14
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКИ НАИМЕНОВАНИЯ «ХЎРОК – FOOD (ПИЦЦА)» В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	15-58
1.1 Слово как единица языка и речи	15-20
1.2 Теория «семантического поля» в языкознании	20-29
1.3 Понятие «структура» и «система» в лингвистике	29-33
1.4 Наименование как лексико-семантической единицы	33-34
1.5 Пицца как историко-культурное явление в этнолингвистике	34-35
1.6 Источники становления и развития лексики наименования «хўрок – food (пицца)» в таджикском и английском языках	36-45
1.7 О лексических единицах, относящихся к таджикской кухне	45-51
1.8 О лексических единицах, относящихся к английской кухне	51-57
Выводы по первой главе	57-58
ГЛАВА 2. СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ НАИМЕНОВАНИЯ «ХЎРОК – FOOD (ПИЦЦА)» В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	59-111
2.1 Формально-структурная классификация лексики наименования «хўрок – food (пицца)» в таджикском и английском языках	61
2.2 Структурный анализ однокомпонентной лексики наименования «хўрок – food (пицца)» в таджикском и английском языках	62
2.2.1 Структурный анализ однокомпонентной лексико-семантического поля (ЛСП) «нон ва маҳсулоти нонӣ – bread and products made of bread (хлеб и хлебобулочные изделия)»	62-70
2.2.2 Структурный анализ однокомпонентной ЛСП «хўрокҳои якӯм – first dishes (первые блюда)»	71-73
2.2.3 Структурный анализ однокомпонентной ЛСП «хўрокҳои дуюм – second dishes (вторые блюда)»	74-77
2.2.4 Структурный анализ однокомпонентной ЛСП «шириниҳо – desserts (десерты)»	77-80
2.2.5 Структурный анализ однокомпонентной ЛСП «шир ва маҳсулоти ширӣ – milk and dairy product (молоко и молочные продукты)»	81-84
2.2.6 Структурный анализ однокомпонентной ЛСП «нӯшокиҳо – drinks (напитки)»	84-87
2.2.7 Структурный анализ однокомпонентной ЛСП «меваҳо ва сабзавот – fruits and vegetables (фрукты овощи)»	87-91
2.3 Структурный анализ поликомпонентной лексики наименования «хўрок – food (пицца)» в таджикском и английском языках	91-92
2.3.1 Структурный анализ поликомпонентной лексико-семантического поля (ЛСП) «нон ва маҳсулоти нонӣ – bread and products made of bread (хлеб и хлебобулочные изделия)»	92-94
2.3.2 Структурный анализ поликомпонентной ЛСП «хўрокҳои якум –	

first dishes (первые блюда)»	94-96
2.3.3 Структурный анализ поликомпонентной ЛСП «хӯрокҳои дуюм – second dishes (вторые блюда)	96-99
2.3.4 Структурный анализ поликомпонентной ЛСП «шириниҳо – desserts (десерты)»	100-101
2.3.5 Структурный анализ поликомпонентной ЛСП «шир ва маҳсулоти ширӣ – milk and dairy product (молоко и молочные продукты)»	101-102
2.3.6 Структурный анализ поликомпонентной ЛСП «нӯшокҳо – drinks (напитки)	102-103
2.3.7 Структурный анализ поликомпонентной ЛСП «меваҳо ва сабзавот – fruits and vegetables (фрукты и овощи)»	104-105
2.4 Роль конверсии в образование лексики наименования «хӯрок – food(пища)»	105-110
Выводы по второй главе	110-111
ГЛАВА 3. «ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОСВЕЩЕНИЕ ЛЕКСИКИ НАИМЕНОВАНИЯ «ХҶРОК – FOOD (ПИЩА)» В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ»	112-178
3.1 Полисемия в лексике наименования «хӯрок – food (пища)» в таджикском и английском языках	112-117
3.2 Явления омонимии в лексике наименования «хӯрок – food (пища)» в таджикском и английском языках	117-122
3.3 Синонимия в лексике, относящиеся к наименованию «хӯрок – food (пища)» в сопоставляемых языках	122-126
3.4 Антонимия в лексике наименования «хӯрок – food (пища)» в сопоставляемых языках	126-130
3.5 Роль заимствованной лексики наименования «хӯрок – food (пища)» в сопоставляемых языках	130-137
3.6 Репрезентация лексики наименования «хӯрок – food (пища)» в фразеологизмах, пословицах и поговорках в таджикском и английском языках	137-145
Выводы по третьей главе	145-146
Заключение	147-150
Библиография	151-166
Приложения	167-178

ВВЕДЕНИЕ

Исследование лексики разных отраслей привлекала внимание большинство таджикских и зарубежных учёных и лингвистов на протяжении последних трёх десятилетий. Наряду с этим, тематика работ по изучению лексических единиц разноструктурных и разносистемных языков в последнее время стала более обширной: проблемы сущности лексики и его определения, проблемы словообразования, лексико-семантические процессы в исследовании лексических единиц различных отраслей, разработка отраслевых словарей и др. Изучения и толкование процесса формирования и развития лексики отдельной науки удостоверяет о том, что лексической науке предшествовал период скапливания лексических единиц в каком-либо языке, по тематике объединяясь в установленном количестве и объёма в пределах разных сфер науки и техники, а также в специальных словах и отраслевых лексических единицах.

Следует отметить, что проблема становления и развития лексико-семантической системы разноструктурных языков активно разрабатывается в современной лингвистике. Благодаря введению в научный оборот новых лексических единиц и всестороннему анализу лексического состава, данное направление успешно развивается на каждом этапе своего развития. Пища занимает значительное место среди всех групп лексики, поскольку её состав, способы её приготовления являются одним из важнейших элементов материальной культуры.

Пища – одно из главнейших условий существования человека. Пища является одной из более существенных составных частей материальной жизни человечества. Она входит в число условий материальной жизни общества вместе с жильём, одеждой, средой обитания. Пища является связующим звеном с культурой прошлого, с традициями, обычаями народов. Пища является основой жизни человека, универсальной категорией жизнеобеспечения, источником энергии, без которой жизнь невозможна. В каждой культуре существуют свои особенности рецептуры, приготовления и употребления. Это тот элемент

материальной культуры, в котором по сравнению с другими элементами сохраняются традиционные черты, с ним более всего связаны представления народа о собственной национальной специфике. Такая реалья, как пища, является источником сведений не только о быте народа и восприятия им вкусовых качеств, цвета, формы, размера, но и, благодаря её номинации предоставляется информация о лингвистических тенденциях, обусловленных языковыми и экстралингвистическими факторами. Определение их классифицирующих признаков, выделение и очерчивание отдельных микроструктур, установление внутренних связей слов внутри отдельных парадигм и отношений с другими группами лексики парадигм слов входит в общую проблематику изучения лексико-семантической системы каждого языка.

Состояние научной разработки наиболее актуальных проблем лингвистики в современном периоде, основные цели и задачи лексикологии, перспективы всеобщего формирования теории значения и оценок приобретают необходимость отыскивания языковедческих нововведений, нового принципа на предшествующие вопросы и вовлекают в орбиту научных изысканий по лингвистике многочисленные вопросы, не исследовавшийся в теоретическом и контрастивном планах.

И наконец, наряду с особо актуальными проблемами современной сравнительной языкознания, охватывающий всестороннее научное изыскание, особое место занимает лексика наименования той или иной отрасли науки и техники.

Актуальность темы. Актуальность исследования лексики наименования «хӯрок – food (пища)» таджикского и английского языков обусловлена тем, что система лексики наименования пищи в сравниваемых языках еще не становилась объектом специального исследования. В настоящее время, несмотря на все эти закономерности формирования лексики наименования пищи, в исследуемых языках выявляются некоторые свойства типологического сходства, а в большинстве случаев раскрываются специфические черты, обусловленные

историей становления лингвокультурной науки в общей истории науки как процесса культурных достижений таджикского и английского народов.

Как любое социально-культурное явление, межнациональные языковые отношения, необходимость осведомление различных народов в пределах языковой культуры, появление нового измерения лингвокультурного интеграционного процесса и всеобщей склонности народов строит свои взаимосвязи на совершенно качественно новой духовно-культурном основаниях и выдвигают перед лингвистикой проблемы сравнительного изучения и исследования языков и их субуровней.

Сравнительное изучение лексической системы наименования пищи таджикского и английского языков оказывает содействие дальнейшему развитию теории лексики, определению закономерностей становления лексической системы конкретной области науки, и, прежде всего, формирования лексики наименования пищи. Вышеуказанное положение свидетельствует об актуальности исследования лексики наименования пищи таджикского и английского языков в сравнительном плане.

Степень разработанности проблемы научного исследования. Проблема изучения лексики отдельных отраслей науки и техники в настоящее время является одним из наиболее часто исследуемых вопросов таджикской и английской лингвистики.

Учёные и языковеды давно занимались проблемой разделения лексических единиц на различные классы, разряды и категории. Наибольшее внимание следует уделять классификации слов на семантическом уровне. Основы теоретического поля, возникшие в конце XIX и начала XX вв. были разработаны зарубежными лингвистами как: Г. Ипсен, И. Трир, В. Порциг, Л. Вейсгербер. В русском языкознании с точки зрения семантики лексику исследовали М.Д. Степанова, А.А. Уфимцева, Н.М. Минина, В.И. Кодухов, Т.А. Агапкина, Н.П. Антропова, Е. Бартминьский, О.В. Белова, Е.Л. Березович, Т.И. Вендина, А.В. Гуры, Л.П. Дронова, А.Ф. Журавлева, В.И. Коваля, Д. Младенова, И.А. Седакова, Н.И.

Толстой, С.М. Толстой, А.В. Юдина и другие, а в иранской – М.А. Хакшинас, М. Эхтиёр, К. Сафави, Д. Мукаддам, М.Р. Пахлаваннежад, А. Пакатчи, Х.Р. Шаъири, А. Афраши и др.

Следует отметить, что существенное влияние на разработку принципов очерчивания лексики отдельных отраслей оказали исследования и труды общетеоретического характера таких выдающихся лексикологов и лингвистов, как: А.А. Реформатский [1961, 1968, 1986], С. Лотте [1961, 1968]. Значительную роль в общетеоретическом исследовании лексики сыграли также работы Б.Н. Головина [1987], А.С. Герда [1981, 1981, 1991], В.Н. Немченко [1984], Р. Ю. Кобрина [1987], З.И. Комаровой [1990, 1991, 2008], В.Н. Прохоровой [1996], Н. Шаропова [1978], М. Султона [1999; 2008], А. Мамадназарова [2013], С. Джаматова [2006, 2015].

В Послании Президента Республики Таджикистан, Лидера нации уважаемого Эмомали Рахмона от 26 декабря 2019 года отмечается «Мы расширяем изучение и освоение языков не для декларативности, а с целью повышения образованности общества. Поэтому каждый осознавший себя человек должен стремиться к обогащению родного языка и изучению иностранных языков».

При всём этом, в таджикском языке существует целый ряд работ, которые посвящены исследованию данной проблемы. Вопросы изучения лексики таджикского языка в теоретическом и прикладном аспектах представлены в трудах Т. Бердиевой [1978], Н. Шаропова [1978], М. Касымовой [1983], Д. Саймидиннова [2003, 2007], М.Б. Шахобовой [1985], Д. Ходжаева [1998; 2004; 2006; 2013], М. Султон [1999; 2008, 2010, 2021], С.Назарзода [2010, 2014, 2015, 2021], Х. Маджидов [2014] и др. То же самое касается исследования системы лексики в английском языке в исследованиях К.Я. Авербуха [2006], О.С. Ахмановой [2005], С.Л. Cabre [1999], R. Kocourek [1968], F.W. Riggs [1979], G. Rondeau [1980] и многих др.

Также стоит отметить, что в большинстве работ таджикских ученых Ф.М.Турсунова «Продукты питания в лингвокультурном пространстве английского и таджикского языков», М. Шовалиева «История кулинарной культуры таджикского народа». Статья Ф.Турсунова освещает вопросы, связанные с сопоставительным исследованием лексики, обозначающей продукты питания в лингвокультурном аспекте. В статье отмечается, что сопоставительное изучение лексического пласта, специфического для определенной социальной и культурной среды даёт возможность глубже понять национальные особенности народов-носителей языка. Подчеркивается, что, данный подход способствует решению ряда вопросов, связанных с процессом изучения иностранного языка, в данном случае английского, а также перевода в рамках рассматриваемых языков. В своей докторской диссертации Д. Саймиддинов «Лексика среднеперсидского языка» во второй части лексику среднеперсидского языка разделяет на тематические группы. В шестой группе второй части диссертации «Названия пищи и продуктов питания» таджикский ученый для сгруппирования наименования пищи использует эквиваленты *xwar*, *xwarisn*, *xwardan*, которые восходят к иранскому *xwar* (*xwardan* –«есть»). Ученый рассматривает огромное количество отдельных наименования пищи, разных видов кушаний и прочей еды, которые восходят к среднеперсидскому языку.

Наряду с этим, в лингвистике имеются ряд исследований по лексике наименования пищи в других языках: в русском [Куренкова, 2008], в персидско-русском [Косвои, 2014], в русско-французском [Т. И. Митричева, 2009] в русско-польском языках [Гулова, 2009] и т.д.

В диссертации Т.Н. Куренковой «Лексико-семантическое поле «Еда» в произведениях Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, М.А. Булгакова» исследуется описание структуры, состава, свойств, взаимодействия лексических единиц лексико-семантического поля «Еда» в произведениях М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», «Собачье сердце», Н. В. Гоголя «Мертвые души», А. П. Чехова «Глупый француз», «Свадьба с генералом». Автор диссертации классифицирует

все лексико-семантические поля «еды» указанных в произведениях на подполя и микрополя, как: первые блюда, вторые мясные блюда, вторые рыбные блюда, дичь, закуски, десерты, грибы, мучные и крупяные блюда, фрукты и овощи, морепродукты, специи и жиры, способы приготовления и приема пищи, способы приёма пищи, способы приёма напитков, способы приготовления пищи, ресторан, предприятия общественного питания, обобщающие названия еды, время приёма пищи, бытовые приборы для приготовления пищи, характеристики еды, проявления чувства аппетита, посуда, напитки, алкогольные напитки и безалкогольные напитки.

М.М. Косвои в своей диссертации «Лексико-семантическое поле "Еда/خوراک/ в персидском и русском языках» рассматривает лексические единицы с компонентами, относящимися к лексико-семантическому полю «еда» двух генетически и структурно отдаленных языков – персидского и русского. В дополнение к этому, автор подробно освещает лексико-семантические поля данного явления в персидском и русском языках. Все лексические единицы, относящиеся к полю «еда», автор разделяет на следующие микрополя: ингредиенты, первые блюда, вторые блюда, холодные блюда, десерты, соусы, хлеб, напитки. Фонетико-семантические сходства и различия, а также заимствований лексических единиц, относящиеся к «еде» персидского и русского языков исследуется в указанной работе.

Следовательно, лексика наименования пищи на материале таджикского языка в сопоставлении с английским языком не подвергалось специальному исследованию. Такое обстоятельство представляется нам неоправданной, так как лингвистика среди других фундаментальных дисциплин как развивающаяся наука, занимает значительное место, включает в себя глубокие знания, которых обеспечивает базу профессиональной подготовки будущих специалистов по обслуживанию отечественных и зарубежных посетителей внутри республики. В этой связи изучения и сравнение лингвистических особенностей лексики наименования пищи, её лексического аппарата необходимо для исследования

базовых положений этой отрасли, что, обладает значительным практическим значением.

Цель и задачи исследования. Целью настоящей диссертационной работы является структурно-семантический анализ лексики наименования «хӯрок – food (пицца)» в таджикском и английском языках.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие **задачи**:

- проведение структурного и семантического анализа лексики наименования «хӯрок – food (пицца)» в сопоставляемых языках;
- проведение словообразовательного анализа лексики наименования «хӯрок – food (пицца)» в сопоставляемых языках;
- выявить роль продуктивных способов словообразования лексики, относящихся к наименованиям «хӯрок – food (пицца)» в сопоставляемых языках;
- обнаружить лексико-семантические особенности лексики наименования «хӯрок – food (пицца)» в сопоставляемых языках;
- выявить явления полисемии, синонимии, антонимии, омонимии, заимствования в лексике наименования «хӯрок – food (пицца)» в сопоставляемых языках.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые осуществлено структурно-семантический и сопоставительный анализ таджикских и английских лексики наименования «хӯрок – food (пицца)»; определены структурные особенности наименований традиционных национальных и региональных блюд и напитков. Проведен лексико-семантический анализ на предмет соответствия семантических полей с наименованием «хӯрок – food (пицца)» и их соответствия в сопоставляемых языках.

Новизна исследования также заключается в том, что впервые предлагается комплексное монографическое очерчивание лингвистической основы таджикской и английской лексики наименования пищи; рассматриваются диахронические и синхронические аспекты – исторический, формальный, структурно-

деривационный, семантические особенности лексики наименования пищи современного таджикского и английского литературного языков.

Наряду с этим, научная новизна данной диссертации обуславливается тем, что таджикская и английская лексика, обозначающая наименования пищи, впервые стала объектом этнолингвистического анализа. В исследуемой диссертации введен новый лексический материал, в том числе содержащийся в неопубликованных источниках и собранных в полевых условиях.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что результат систематизации и анализа лексического материала дал возможность охарактеризовать и пополнить этнический пласт и выявить особенности таджикской и английской кухни как часть культуры народов. Результат исследования является определенным вкладом в развитии теории сопоставительного, структурного, семантического анализа лексики.

Наряду с этим, отдельные выдвигаемые исследованием теоретические положения диссертации могут быть применены при дальнейшей разработке вопросов по лексикологии не только таджикского и английского, но и других групп германских и иранских языков.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты, материалы, основные положения и выводы диссертации могут быть использованы при написании статей, монографий, учебников и Вузовских пособий по лексике и семантике таджикского и английского языков. Фактический материал может быть полезен в лексикографической практике при создании двуязычных и многоязычных отраслевых словарей, а также при чтении спецкурсов и спецсеминаров по лексикологии, лексикографии и сравнительному языкознанию на филологических факультетах высших учебных заведениях.

Методология и методы исследования. Теоретической основой исследования послужили труды ведущих представителей зарубежного и отечественного языкознания Л. Смита, Ж. Вандриеса, Э. Жилбера, А.А. Реформатского, В.В. Виноградова, Б.Н. Головина, М. Шукурова, Ш. Рустамова,

М. Касымовой, М.Б.Шахобовой, Х. Хусейнова, Н. Шаропова, Д. Саймиддинова, М. Султона, Д. Ходжаева, С.Назарзода, Х. Маджидова С. Джаматова и др.

В исследовании использованы следующие методы: описательный, этимологический, трансформационный, формальный, комплексный, методика компонентного анализа и количественной обработки изучаемого материала.

Материал исследования. Основным источником при написании диссертации послужила картотека в объеме свыше 4000 лексических единиц, собранных из таджикских, персидских и английских словарей и глоссариев, научных изданий на таджикском, английском и русском языках, а также справочной литературы по наименованию пищи.

Материалом для работы послужили также этимологические, энциклопедические и общие словари и научная литература по наименованию пищи в исследуемых языках.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Лексическая система таджикского и английского языков представляет собой строго структурированное пространство, имеющее взаимовлияющее и взаимодействующие друг на друга микросистемы, образующие центр, ядро и периферию макросистемы.

2. Основную базу таджикской и английской макросистемы лексики наименования пищи составляют те языковые единицы, для которых функционально-семантическая специализированность характерна на минимальном уровне, вследствие чего, они обслуживают максимальное количество областей языкознания и лингвокультурологии.

3. Усложнение морфолого-синтаксической структуры английской и таджикской лексики наименования пищи, прежде всего, коррелирует с уровнем развития лексикологии, семасиологии и морфологии как науки, и отображает варьирующую необходимость в номинации лингвокультурологических предметов в разные исторические периоды.

4. В сфере семантики лексики наименования пищи в таджикском и английском языках фиксируются те же процессы, что и в общей лексической системе языка, при всем том, объем, и особенность их реализации могут не совпадать со схожими параметрами, характеризующими эти процессы в лексической системе языка.

5. Лексика наименования пищи в таджикском и английском языках с точки зрения генезиса представляет собой единицы с не исконными, большей частью греко-латинскими (для обоих языков) и французскими (для английского языка), русскими и арабскими (для таджикского языка) основами, число которых константно увеличивалось в процессе формирования лингвистики как науки. Процесс интернационализации лексики наименования пищи в таджикском и английском языках носит перманентный характер и сопровождается неуклонным уменьшением части лексики исконного происхождения в лексическом массиве указанных языков.

6. Лексика наименования пищи в таджикском и английском языках в плане содержания является по преимуществу моносемантическим. Полисемия наименования пищи в таджикской и английской лексике выражена в наименьшей степени и свойственна для позднего периода их формирования.

Личный вклад. Данная работа является результатом самостоятельного исследования. Диссертантом проанализированы ряд работ отечественных и зарубежных ученых по проблемам лексики наименования пищи в таджикском и английском языках в теоретическом и практическом аспектах.

Научная специальность, которой соответствует научная работа. Тема исследования соответствует основному направлению работы языкознания и научной специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки). Диссертационная работа выполнена в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности: пункт 6: Лексический строй языка или языковой семьи (слово как основная единица языка, лексическая семантика, типы лексических единиц и категорий, структура словарного состава, функционирование

лексических единиц, развитие и пополнение словарного состава, лексика и ономастика и их связи с неязыковой деятельностью. Пункт 10: Методы исследования языковых единиц и категорий: структурные и функциональные исследования конкретного говора, корпусные исследования языка, или языковой семьи, вопросы языковых единиц ономастического уровня горонского говора таджикского языка. Пункт 11: Исследование уровневой культурно (или национально) обусловленной специфики в репрезентации знаний в том числе, представителем конкретного говора в языковой семье.

Степень достоверности и апробация результатов. Достоверность полученных результатов обеспечивается научной базой, методологией и методикой исследования, соответствием полученных результатов теоретической концепции работы, решением поставленных задач и постановкой новых проблем, связанных с выявлением сходств и различий в семантике и структуре исследуемых лексических единицах в двух сопоставляемых языках.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации опубликованы в виде 6 научных статей в научных журналах рецензируемых ВАК Российской Федерации, а также 18 статей различных научно-практических конференциях профессорско-преподавательского состава КГУ имени Абуабдуллоха Рудаки (2014-2022) на международных и республиканских конференциях, посвящённых актуальным проблемам филологии, лингвистики, таджикского языкознания (2015-2022).

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на совместном заседании кафедры иностранных языков и кафедры языкознания и сравнительной типологии Кулябского государственного университета имени Абуабдуллоха Рудаки (протокол № 4 от 23 ноября 2023 г.).

Объем и структура диссертации. По структуре диссертация состоит из вводной части, трёх глав, заключения, библиографии, насчитывающей более 207 научных изданий и 12 приложений.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКИ НАИМЕНОВАНИЯ «ХҲҮРОК – FOOD (ПИЦЦА)» В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

1.1. Слово как единица языка и речи

Язык – это система человеческого общения при помощи слов. Слово считается всякий членораздельный звук или комплекс звуков, имеющий самостоятельное конкретное или абстрактное значение [Широков:1985, с.4]. Слово – сущность языка, его первоэлемент. Слово – это и есть язык и речь. Слово является основной единицей языка. В последние годы проблема соотношения языка и речи привлекает внимание многих лингвистов. Язык и речь не отождествляется, соотношениями между ними трактуется по-разному.

Соотношение языка и речи рассматривается как единство общего и частного, индивидуального, в котором язык является общим, а речь – частным, отдельным. В речи индивидов мы находим реальное проявление всех закономерностей, которые существуют в системе данного языка, т.к. закономерности системы языка обнаруживаются в речи отдельных людей. Речь формируется по законам данного языка, но именно речь является источником непрерывного развития и совершенствование языка как общественного явления.

Всё что мы находим в структуре языка, имеется обязательно и в структуре речи, т.к. все языковые закономерности выявляются в речи отдельных людей. «Если морфологическая, парадигматическая система грамматика в целом, именно как система отношений, существует непосредственно только в языке, то все без исключения компоненты этой системы существуют обязательно в речи» [6,33]. Речевая деятельность человека непосредственно связано с работой мозга и подчиняется его законам. Человек мыслит всегда словами, потому что слово не только понятие материального бытия (понятий), но и орудие мышления человека. Следовательно, слово является основной единицей языка и основной единицей

речи, т.к. любая речь состоит из слов. Но слово как единица языка и слово как единица речи имеет не только общие, но и отличительные черты.

Понятие и слово находятся в единстве, но они не тождественны. Общеизвестно, что в разных языках слова, содержащие одно и то же понятие, имеет различную звуковую оболочку и грамматически оформляются по-разному. Но в одном и том же языке обнаруживаются различные отношения между словом и понятием, которые также нетождественные. Так одно и то же понятие может оформляться разными словами. Понятие также может выражаться не одним словом, а несколькими словами, как это имеет место в фразеологических единицах. Однако, в большинстве случаев, в одном и том же слове закрепляется целый комплекс понятий, т.к. в любом языке слов гораздо меньше, чем понятий.

Благодаря своей назывной функцией слово может «материализовать несколько понятий, потому что оно является всего лишь единицей целого – языка, который своими другими средствами (грамматическими, сочетаемостью с другими словами) уточняет, выделяет названное словом понятия, соотнося его с конкретным предметом или явлением». Поэтому характеристика слова как единицы языка и единицы речи, тесно связана с такими актуальными проблемами общего языкознания, как проблема определения слова (тождество слова), полисемии и омонимии. В лингвистической литературе большое внимание уделялось и уделяется проблеме слова как основной единицей языка. Но многочисленные попытки многих лингвистов дать полное и всестороннее определение слова пока еще не увенчались успехом.

В.В. Виноградов отмечает, что *«одним из способов решения сложных вопросов, связанных с изучением слова и его значения, с исследованием законов изменений значений слов, является выяснение разных типов или видов лексических значений слова и способов или форм их связи в смысловой структуре слова»* [34, с. 4].

Наибольший интерес представляет определение слова, данное академиком В.В. Виноградовым в его статье «О формах слова». В этой статье В.В. Виноградов

отмечает, что «смысловое единство слова должно обязательно сочетаться с реальным или потенциальным многообразием его форм, «... слово (во всяком случае изменяемое слово) – это система сосуществующих, обуславливающих друг друга и функционально объединенных форм, из которых каждая связана со строго определенными, оправданными структурой языка, контекстами употребления» [32, с.46].

Можно согласиться с А.И. Смирницким в том, что семантика слова имеет двойственный характер. Каждое слово характеризуется своей особой индивидуальной семантикой и общей семантикой, характерной для всего лексико-грамматического разряда слов выступающий в каждом отдельном слове как «категориальная оболочка, в которую заключена особая, индивидуальная часть семантики слова» [109, с.19]. Для слова как единицы языка характерна многозначность. «В значение слова с наибольшей очевидностью обнаруживается взаимосвязь всех элементов языка», взаимосвязь морфологических и синтаксических форм слова [52, с.114]. Полисемия слова обуславливает неизбежную омонимию словоформ внутри парадигмы. Но «форма не есть нечто только поверхностной, но и внутреннее проникающее, пронизывающее содержание, которое формировано во всех своих элементах» [46, с. 182].

Поэтому важнейшую роль в формировании и реализации значений слова играет его сочетаемость с другими словами в предложении. «Сочетаемость важнейший собственно языковой показатель значения слова, но именно показатель значения, а не само значение» [139, с.72].

Сочетаемость, в которой выявляется одно из значений многозначного слова, можно назвать синтаксической словоформой. При совокупности таких сочетаний выявляются все значения многозначного слова, есть не что иное, как синтаксическая парадигма данного слова. Необходимо подчеркнуть, что морфологические и синтаксические формы слова находятся в неразрывной взаимосвязи. Лингвисты, которые не учитывают сочетаемость, т.е. синтаксическую форму слова, при определении тождества слова, неправы.

Морфологические и синтаксические формы слова находятся во взаимосвязи и взаимозависимости и дополняют друг друга, «поскольку взаимодействие между морфологическими и синтаксическими явлениями строя языка наблюдается в системе языка каждый момент его существования» [143,436]. Таким образом, единства морфолого-синтаксических словоформ, обеспечивает неразрывное единство содержания и формы, т.е. единство понятия (понятий) и слова во всех его элементах.

Следовательно, тождество слова – это совокупность всех морфолого-синтаксических словоформ, в которых реализуются все значения многозначного слова, с единой «категориальной оболочкой». Язык состоит только из слов. Слово не центральная и не основная единица языка, оно – просто единица языка. Представить язык без слов невозможно. Слово – сущность языка, его первоэлемент. Одной из основных черт слова как единицы языка является его вопроизводимость в речи. В процессе обмена мыслями слова не создаются каждый раз заново, а воспроизводятся как готовые единицы, которые имеются в памяти говорящего. Но можно и не согласиться с Н.М. Шанским в том, что «слова извлекаются из памяти или какого-либо речевого контекста в виде единого структурно-семантического целого. Когда мы говорим и пишем, мы не употребляем слова во всей их совокупности морфолого-синтаксических словоформ и лексических значений» [130, с.11].

Называемым словом, является основной, «узловой» по определению А.И. Смирницкого, с которой так или иначе связаны все остальные единицы языка. Слово как единица речи характеризуется всегда однозначностью и употребляется для выражения одного из значений многозначного слова как единицы языка. Но значение слова как единицы речи не тождественно отдельному значению слова как единицы языка. Оно оказывается богаче в речи, т.к. значению слова в речи присуще эмоциональная окраска, стилистическая и иные характеристики. Такие характеристики зависят от того, с какой стороны мы подходим к слову, имея в виду фонетическое слово – как комплекс звуков, морфологическое слово –

комплекс морфем, обладающие самостоятельным значением, синтаксическое слово – член предложения, обладающий самостоятельным значением. Таким образом, тождество слово как единицы речи конституируется совокупностью морфологически-синтаксических форм, необходимых для выражения определенного значения со всеми его эмоциональными и иными характеристиками. Эти формы слова как единицы речи соотносительна с одной из морфолого-синтаксических словоформ многозначного слова как единицы языка.

Большинство лингвистов не согласны с мнением В.А. Звегинцева о том, что «слово не может иметь несколько значений» [52, с.128]. В.А. Звегинцев, наверное, отождествляет слово с понятием, потому что отрицает возможность закрепления нескольких понятий в одном и том же слове, хотя и признает наличие в языке «полисемантического слова» [52, с.157]. Утверждение В.А. Звегинцева о том, что «лексическое значение в слове одно» справедливо в отношении слова как единицы речи [52, с.126]. Слово как единица речи всегда имеет одно значение потому, что непосредственно соотносится с определенным понятием, а через него и с предметом или явлением объективной действительности. Благодаря неразрывной связи слова как единицы речи с определенным понятием мы получаем возможность не только выражать свои мысли, но и обмениваться мыслями с другими людьми в процессе речевой деятельности. Так, любой неологизм является словом в речи, если он даже только один раз употреблен. Но не каждый неологизм становится словом, как единицей языка. Слово возникает, а потом воспроизводится в речи не во всей его морфолого-синтаксической парадигме, характерной для слова как единицей языка, а только в одной словоформе с одним значением. Однако частичная омонимия морфологических словоформ внутри парадигмы и морфологическая омонимия словоформ разных слов обуславливают важность сочетаемости т.е. синтаксической словоформы для реализации того или иного значения слова, для установления принадлежности отдельной словоформы к определяемому лексико-грамматическому разряду слов. Исходя из вышеизложенного, необходимо сделать следующие выводы:

1. Слово как единицы языка – многозначно и характеризуется омонимией словоформ. Для реализации всех значений полисемантического слова необходимо учитывать его морфологические формы в неразрывном единстве с синтаксическими формами.

2. Тождество слова как единицы языка конституируется с совокупностью морфолого-синтаксических словоформ, которые обеспечивают формирования и реализацию всех значений слова.

3. Слова как единица языка всегда воспроизводится в речи в одной морфолого-синтаксической словоформе.

4. Слово как единица речи характеризуется, прежде всего, однозначностью. Наличие омонимии словоформ обязывает нас учитывать не только морфологическую, но и синтаксическую формы слова для реализации его значения.

5. Тождество слова как единицы речи состоит из совокупности морфолого-синтаксических форм, в которых возникает и воспроизводится значение моносемантического слова или одно из значений полисемантического слова.

1.2 Теория «семантического поля» в языкознании

Основатель структурализма в языкознании Ф. де Соссюр отметил, что: «язык есть система знаков, выражающая понятия» [112, с.23]. Немецкий ученый Й. Трир попытался провести анализ языка, опираясь на труды Ф. де Соссюра. Й. Трир в своих исследованиях отмечает, что «язык представляет собой стабильную замкнутую систему и в системе все получает смысл только из целого. Слово имеет смысл только потому, что его имеют другие смежные с ним слова» [186, с.41].

В дальнейшем, Й. Трир предложил способ изучения лексики с использованием семантических полей [30, с.106]. Именно Й. Триру принадлежат идеи разделения полей на «лексические» и «понятийные». Согласно теории Й. Трира, «вся система языка состоит из 2-х типа полей: понятийные поля и

словесные поля» [186, с.1-2]. Однако, термин «семантическое поле» был введен Г. Ипсеном еще в 20 - е годы XX века. В дальнейшем, термин «семантическое поле» использовал в своих трудах Г. Ипсен. В учении Г. Ипсена «семантическое поле» – совокупность слов, которые обладают общим значением [179, с.30]. Й. Трир посчитал, что именно термин «семантическое поле» Г. Ипсена отражает совокупность семантического признака и представлялся ему применимым к группе лексем. При этом Й. Трир отметил, что использование этого термина при анализе вполне допустим [141, с.24].

Теоретические поля в дальнейшем были разработаны зарубежными лингвистами, в частности Л. Вейсгербером, Г. Ипсеном и В. Порцигом. Эти ученые считались родоначальником «теории поля», однако во взглядах они не были едины [23, с.94].

В целом, концепция Й. Трира очень близка концепции И. Вайсгербера. По мнению последнего, «семантические поля» рассматривались как несвободные объекты, «вне языка» дожидаящиеся своих обозначений, а как создаваемые языком «духовные объекты», упорядочивающие действительность [28, с.53]. Языковое поле у И. Вайсгербера выступает в виде «динамической действительности», он не мог ограничиться «двухмерными полями» Й. Трира и поставил вопрос о трехчленном соотношении, «звук» – «посредствующий мир мысли» – «реальное бытие». [28, с.54]. В языкознании категория «поле» широко представлена в трудах и научных исследованиях лингвистов. Различные подходы и исследования системных связей лексического состава привели к генезису теории семантического поля. И. Трир опираясь на учение Ф. Гумбольдта, предлагал идеи «членение языка на поля, которые войдут в будущие теории о внутренней формы» [186, с.20]. Й. Трир анализировал только именные образования, значение слова не рассматривалось как самостоятельная единица [186, с.41]. Г. Ипсен, В. Порциг, А. Йоллес добились значительного результата в области изучения семантического поля добились, они изучали действительно имеющиеся факты языка, собственно слова, группы слов, словосочетания.

Понятие «поле» у В. Порцига заключается в том, что он обратил внимание на семантическое соотношение между глаголами и именами прилагательным и существительным и приводит ряд глаголов (идти – ноги, хватать - руки и т.д.), что составляет основу для построения «семантических полей» [17,80].

В отличие от трировского положения, слова у В. Порцига сохраняли право на самостоятельное существование, а само «смысловое поле» Г.Ипсена, «элементарное смысловое поле» В. Порцига, характеризовали как постоянно изменяемую и расширенную группу слов [86, с.138]. После выхода ряда работ немецких лингвистов Г. Ипсена, Р. Майера, Й. Трира, Л. Вайсгербера, которые характеризовали поле как совокупность слов с общим значением, как упорядоченную совокупность лексических единиц, и как понятийные и словесные поля, в дальнейшем теория поля получила широкое распространение среди лингвистов. Теория полей Й. Трира, Л. Вайсгербера и В. Порцига была продолжена не только зарубежными лингвистами, но и нашла отражение в трудах русских лингвистов прошлого столетия В.В. Виноградова, А.А. Уфимцева (1961), Д.Н. Шмелева (1973), С.Д. Кацнельсона (2004), Ю.Д. Апресяна (1994), Г.С. Щура, (1974) С.Г. Шафикова (1999), З.Д. Попова (1989), Л. М. Васильева (1971), Ю.Н. Караулова (1976), Л.А. Новикова (1982).

Согласно мнению А.А. Уфимцевой «Современный уровень развития лингвистической науки предполагает серьезное изучение вопросов системной организации словарного состава языка» [123, с.36]. Семантический уровень, собственно, образуется исходя из значений слов. Семантическая структура слова не остается неизменной, некоторые значения слова появляются, другие исчезают с течением времени. Совокупность значений слова всегда характеризуется определенной организацией, значения в слове перераспределяются и образуют определенную структуру. Многие исследователи, в частности А.А. Уфимцева, отмечает, что «термин «система» неоднозначен и во многих исследованиях в него вкладывается различный смысл» [123, с.36].

В нашем исследовании, представлены некоторые взгляды исследователей, лингвистические концепции которых являются предметом анализа, в частности: С.Д. Кацнельсона, А.А. Уфимцевой, Ю.Н. Караулова, Г.С. Щур, Л.М. Васильева, С.Г. Шафикова.

По мнению О.С. Ахмановой «Семантическое поле – это компактная часть словаря, покрывающая какую-то определенную понятийную сферу данного языка» [17, с.78]. В.В. Виноградов впервые сформулировал и системно описал понятие смысловой структуры слова, определение основных лексических значений слова. По его мнению, «Словарный состав языка В.В. Виноградова, является системой различных лексико-семантических классов, разрядов и рядов слов» [35, с.13-30]. Еще академик Л.В. Щерба указывал на отсутствие хороших словарей, и отметил, что: «слова каждого языка образуют систему и их изменения их значений вполне понятны только внутри такой системы [140, с.117]. Определенную «понятийную» сферу языка покрывает отдельная, компактная часть словаря, которая стала именоваться в нашем исследовании – лексика наименования «хӯрок – food (пища)».

Согласно З.Д. Поповой и И.А. Стернину «Лексико-семантическая группа (ЛСГ)» – огромная группа совокупность слов, относящиеся к одной части речи, объединенных одним словом – идентификатором или устойчивым словосочетанием, значение которого полностью входит в значение остальных слов группы и которое может заменять остальные слова в некоторых контекстах» [114,65]. Например: *шӯрбо* – vegetables soup, broth [176, с. 811]; (суп), *мурғишӯрбо* – chickensoup, chickenbroth [176, с.493]; (куриный суп), *карамишӯрбо* – cabbage soup [176,375]; (борщ) и т. д. – «первые блюда»; *beer* – пиво, оби чав (пиво) [155, с.90], *шарбат* – sherbet, fruit syrup (шербет) [176, с.793], *лимонад* – lemonade, squash (лимонад) [176, с.418], *orange juice* – шарбаты афлесун (апельсиновый сок) [150, с.330] и т.д. – «напитки».

По-другому, совокупность значительного количества лексических единиц, относящиеся к одной или нескольким частям речи, объединяемых общей

архисемой называется лексико-семантическим полем (ЛСП). Как правило словосочетание неестественного характера, т. е. не устойчивое, называющее понятие или объединяющее слова внутри поле является именное поле. Например: *себ* – apple [176, с.633] (яблоко) [162, с.56], *нок* – pear [176, с.547], (груша) [162, с.49], *зардолу* – apricot [176, с.300] (абрикос) [162, с.39], *хурмо* – persimmon (хурма) [176, с.734]; *banana* – банан (банана) [155, с.81] и др. – «фрукты»; *асал* – honey [176, с.55] (мёд) [162, с.34], *набот* – crystal sugar [176, с.514](кристаллический сахар)[162,51], *халво* – khalva (халва) [176, с.744], *яхмос* – ice-cream [176, с.836] (мороженное) [150, с.231] и др. – «десерты» и т. п.

З.Д. Попова и И.А. Стернин отмечают, что «Лексико-семантическое поле (ЛСП) имеют свое ядро и периферию. Разные лексико-семантические поля отличаются и по числу своих компонентов и по количеству и качеству оппозиций между ними. Важнее всего для человека он сам и его ближайшее окружение, поэтому наиболее детально разработаны лексико-семантические поля пищи, профессий, занятий, бытовых действий и т.п. Менее важные и менее знакомые сферы, не составляющие предмета широкого повседневного обсуждения (вселенная, микромир и т.п.), не имеют больших и хорошо структурированных лексико-семантических полей» [114, с.67].

В современном языкознании существует 3 разновидности подхода к установлению структуры и сущности лексико-семантического поля: семасиологический, синтаксический и ономасиологический. Критерии системности языка составляют основу семасиологического подхода, охватывающая классификацию и систематизацию лексем, которые корреспондируются с одним понятием и выражают функциональное и семантическое сходство друг с другом.

Выявление семантической структуры лексической единицы с объемной семантикой, создание полевых систем, существование сложных парадигматических отношений в пределах поля является главным фактором при семасиологическом подходе. Под семасиологическом подходом подразумевается

метод компонентного анализа. Степень семантической связи конкретного слова с ядром поля устанавливается при таком анализе.

Соединение компонентов семантического аспекта и парадигматических отношений для целых слов в рамках семантического поля относятся к синтаксическим подходам. В семантике ключевой лексемы, которую называют концепт, наиболее четко отражается ядро концепта. Содержание концепта дополняется анализом существующих ключевых лексем: антонимов, синонимов. Вопрос об изучении лексики как системы разграничения её по «семантическим» или «понятийным» полям часто наблюдается в работах А.А. Уфимцевой. А.А. Уфимцева отмечает системный характер лексических явлений на материале английского языка и подчеркивает их тесную связь между собой, тем самым показывает их взаимообусловленность с грамматическим строем языка. А.А. Уфимцева рассматривает семантическое поле как лексико-семантические группировки структуры конкретного языка с учетом его национального и культурного своеобразия, это – знание языка, слов и их значений» [123,138].

Ю.П. Солодуб отмечает, что «Лексико-семантическое поле – это объединение слов разных частей речи, которые на уровне своих лексических значений имеют хотя бы одну общую (интегральную) сему» [110, с.59]. В ряде работ, «лексико-семантическое поле» употребляется не дифференцированно, наряду с лексикой «парадигма», «класс», «группа», «ряд» и т.д. Все микросистемы А.А. Уфимцева рассматривает как «поле», «лексико-семантическую группу», «синонимический ряд» [123, с.134]. По мнению А.А. Уфимцевой: «Само понятие лексико-семантическая система указывает на двустороннюю природу системы: с одной стороны в пределах семантического уровня языка отграничивается лексическая система лексическая семантика от грамматической, с другой стороны, при помощи этой системы происходит дальнейшее членение семантики слова на мелкие единицы содержания – лексико-семантические варианты слова» [123, с. 84].

В своей статье А.А. Уфимцева отмечает, что «1) изучение лексической системы, как системы номинативных единиц, отражающей структуру лексико-семантических систем; 2) изучение лексико-семантической системы как сложного взаимодействия лексического и грамматического, определяющего характер парадигматических и синтагматических связей» [124, с.221].

Различные взгляды на теорию семантического поля изучил Ю.Н. Караулов. Именно он отмечает, что «Семантическое поле есть иерархическая структура множества лексических единиц, объединенных общим значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу» [58, с.58]. Наряду с этим, Э. Косериу также отмечает, что «смысловая структура слова представляет собой иерархическую систему, в которой значение слова поставлены в зависимость от характера связи слова, обозначаемым им предметом, следовательно, и словами, которые составляет семантические элементы в системе языка» [106, с.420-421].

Ю.Н. Караулов отмечает необходимость «разделить различные сферы словарного состава на семантические поля лексико-семантические группы, тематические группы, синонимические ряды, ономазиологические группы [58, с.314].

Г.С. Щур полагает, что «к понятию поле, наиболее приемлемым в языкознании является парадигматический подход», который связывают с именем Й. Трира и Л. Вайсбергера, а синтаксический с именем В. Порцига» [141, с.20]. Поле, по мнению Г.С. Щура, это: «способ существования и группировки лингвистических элементов, принадлежащих к разным уровням языка, обладающих общими (инвариантными) свойствами, наряду с признаками, отличающими эти языковые единицы друг от друга» [42, с.132].

А.В. Набирухина указывает на «отсутствие четких границ», которые не имеет лексико-семантическое поле. Согласно мнению В. М. Всеволодова, «поле не имеет четко выраженных границ и пересекается с другими полями» [39, 78]. Другой русский лингвист И.А. Стернин отмечает: «граница между ядром и периферией является размытой, нечеткой» [114, с.38].

Семантическое поле располагает разными семантическими отношениями. Синонимия, еще начиная с прошлых столетий, является объектом спора в языкознании, лингвисты под синонимии подразумевали сходные по значению слова. Выделение лексико-семантических полей начинают с установления имени поля – слово – идентификатора, т. е. во главе поля должно стоять слово – идентификатор, которое выражает смысл, общий для входящих в поле слов, в наиболее объективной и наименее эмоциональной форме [19, с.161].

Парадигму образует группа однородных языковых единиц, которые отличаются друг от друга каким-либо признаком. Г.С. Щур определяет поле «как способ существования и группировки лингвистических элементов с общими инвариантными свойствами» [141, с.19].

Лингвист, Э. Косариу различая поля и классы, даёт объяснение, что для полей характерна лексическая сочетаемость, а для классов – грамматическая. Э. Косариу допускает существование наряду с лексическими полями и понятийных и ассоциативных полей, а иногда он считает, что эти все три явления не всегда совпадают. Сторонник Э. Косериу лингвист Х.Геккелер интерпретирует группу лексем как поля и как парадигму [106, с.419].

О.С. Ахманова отмечает, что «Семантическое поле – это компактный, внутренне спаянный отрезок словаря, элементы которого взаимно ограничивают друг друга и, подобно мозаике, покрывают данную «понятийную сферу» [17, с.79].

С целью выяснения связей и взаимообусловленности значений, словарный состав лексики наименования «хӯрок – food (пища)» нашего исследования разбиты на определенные группы, части, на «поля». В исследовании лексики наименования «хӯрок – food (пища)» нами выделены следующие лексико-семантические группы: «нон ва маҳсулоти нонӣ – bread and products made of bread (хлеб и хлебобулочные изделия)», «хӯрокҳои якум – first dishes (первые блюда)», «хӯрокҳои дуюм – second dishes (вторые блюда)», «шириниҳо – desserts (сладости)», «шир ва маҳсулоти ширӣ – milk and dairy products (молоко и

молочные продукты)» «нӯшокиҳо –drinks (напитки)» и «меваҳо ва сабзавот – fruits and vegetables (фрукты и овощи)».

После проведенных исследований теоретико-семантического поля со стороны зарубежных и советских ученых, в частности В. Порцига, А.А. Уфимцевой, Ю.Г. Караулова, Л.М. Васильева, С.Г. Шафикова, Г.С. Щура, Л.А. Новикова можно утверждать, что структура семантического поля более изучена. Главное место нашего исследования, в «семантическом поле» занимает ядро, которая представлена в исследовании главной лексемой или гиперсемой «хӯрок – food (пища)».

Л.А. Новиков отмечает, что «структура семантического поля состоит из ядра и периферии» [90, с.272]. Согласно Ю.Г. Караулова «Поле имеет особую структуру – ядро – периферия, для которой характерна максимальная концентрация полно образующих признаков в ядре и неполный набор этих признаков при возможном ослаблении их интенсивности на периферии» [58, с.18].

Согласно мнению В.Н. Денисенко «Периферия поля есть не что иное, как лексические единицы с концептуально обусловленным значением», которые удалены в своем значении от ядра. В зависимости от удаленности слов от ядра, различают ближнюю и дальнюю периферию. К минимальным единицам поля в языкознании относят лексико-семантические варианты слов, которые в процессе объединения образуют лексико-семантические группы – «...единицы одной части речи, обладающие общим значением поля. Из их комбинаций складываются подклассы и всё поле» [47, с.4-9]. Лингвисты большое внимание уделяют описанию семантических полей на современном этапе, который очень важен не только для переводческой деятельности, лексикографии, но и для языкознания.

Поле представляет собой множество лексических элементов, связанных между собой структурными отношениями. В нашем исследовании, лексика относящейся к наименованиям лексико-семантической поле (ЛСП) «нон ва маҳсулоти нонӣ» (хлеб и хлебные изделия) ядром ЛСП выступает «нон– bread

(хлеб)», а периферию составляют: *нони «чаппотӣ, фатир, қадқад, лочира* – bread, loaf, farl, scone (хлеб, тонкая лепешка, пресная лепешка, слоеная лепешка, лепешка лочира)» и т.д.

Л.М. Васильев отмечает, что «термином лексико-семантическая группа можно обозначить любой семантический класс слов, объединенный одной парадигматической семьей или хотя бы одним семантическим много жителем» [30, с.105-113]. Далее он отмечает, что «семантическими полями принято считать и семантические классы (группы) слов какой-либо одной части речи, и семантические классы (группы) слов разных частей речи, и лексико-грамматические (функционально - грамматические поля). Семантические классы слов – это лексические поля, представляющее собой более или менее сложные группировки, члены которых связаны между собой общим смыслом, идентификатором» [31, с.126,23].

Ф.П. Филин использует термин лексико-семантическая группа для обозначения словесных семантических полей. По мнению Ф.П. Филина «Лексико-семантические группы – это лексические объединения с однородными сопоставимыми значениями» [30, с.107]. Л.М. Васильев отмечает, что «лексико-семантическая группа обозначает любой семантический класс слов, которая объединена одной парадигматической семьей, члены которой связаны общим смыслом» [30, с.105-113].

По мнению Ю.С. Маслова «семантическое поле как множество слов, точнее их значений, связаны с одним и тем же фрагментом действительности» [74, с.121].

Представитель когнитивной лингвистики Ч. Филмор, занимавшийся семантикой лексики, подвергал критике полевой подход, упрощая его концепцию [126, с.24].

1.3 Понятие «структура» и «система» в лингвистике

Язык представляет собой систему, элементы которого закономерно связаны друг с другом и находятся в определенных отношениях. Фонетическая, грамматическая, словообразовательная, лексическая и другие системы, выделяемые ярусами языка, отражают одну и ту же сущность – речевую деятельность.

Осмысливание языка прямо ведет нас к рассмотрению его устройства, организации, к анализу его структуры и системы. Сами термины и понятия «структура» и «система» применяются в языкознании по-разному.

В. Гумбольдт отмечает, что «задачей языка – материализовать умственную деятельность человека». Он полагает, что: «Жизнь языка заключается во взаимопроникновении двух элементов – звуковой материи «с внутренней структурой языка». [51, с.69-86]. В. Гумбольдт, также приписывает форме языка отличительные особенности, многие из которых были впоследствии переосмыслены в качестве признаков, характеризующих языковую структуру [45, с.13].

Структура языка – это совокупность закономерных связей и отношений между языковыми единицами, зависящих от их природы и определяющих качественное своеобразие языковой системы.

Труды многих лингвистов сыграли основополагающую роль в формировании таких ведущих направлений лингвистики как о структуре языка. В области сопоставительного анализа идеи и научные разработки русско-польского происхождения лингвиста И.А. Бодуэна де Куртенэ о фонеме, морфеме и графеме сыграли важную роль в изучении системы языка. Бодуэн де Куртенэ выдвигает новые определения элементов языковой системы и раскрывает соотношения между ними в разных ярусах или разных подсистемах языка [91, с.134].

Теория Ф. де Соссюра включала в качестве главного компонента учение о языковой системе. В «Курсе» Соссюра языковая система определяется как система знаков [111, с.32]. Увеличение интереса в современной науке к понятиям «система» и «структура», включающие в себя понятия связи, отношения,

соотносящегося элемента, привело к дальнейшей разработке этих категорий. Своеобразие языковой структуры определяется характером связей и отношений между языковыми единицами.

Слово «система» в его общепринятом употреблении служит для выражения свойства единого сложного объекта как о проявлении объединения в его составе более простых частей, между тем, как слово структура выражает аналитическое понятие о свойстве единого сложного объекта как о проявлении его расчлененности на взаимосвязанные части.

По мнению А.С. Мельничука понятие система – это «совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, образующих более сложное единство, рассматриваемое со стороны его элементов его частей, а структура – состав и внутренняя организация единого целого, рассматриваемого со стороны его целого» [78, с.93].

Однако Г.П. Щедровицкий полагает, что: «В лингвистике до сих пор окончательно нет конкретных и четких пояснений о том, в чем заключаются принципиальные отличия языковой системы от структуры языка и существенно ли оно вообще для теории и практики лингвистических исследований. В настоящее время вообще не существует удовлетворительных, достаточно широко принятых понятий системы и структуры» [135, с.20]. Трир указывает, что «В системе – неустанно повторяет – все получает смысл только из целого. Значит, слова того или иного языка не являются обособленными носителями смысла, каждое из них, напротив, имеет смысл только потому, что его имеют также другие, смежные с ним слова» [186, с.12]. Наряду с этим, В.В. Виноградов пишет, что «Слова и их значения в том или ином общенародном, общенациональном языке образуют внутренне связанную, единую и общую для всех членов общества систему» [35, с.36]. Далее В.В. Виноградов отмечает, что «слово, как смысловая единица языка, отражающая тот или иной кусочек действительности, вместе с тем выражает его общественное понимание и является элементом данной лексико-семантической системы языка» [35, с.96].

Ф. де Соссюр своим главным компонентом в своей теории считал учение о языковой системе. Он считал, что «единственным объектом лингвистики – язык, рассматриваемый в самом себе и для себя» [51, с.326]. Ф. де Соссюр развернуто описал и само строение языковой системы. В Курсе общей лингвистики Ф. де Соссюра языковая система определяется как система знаков, и указываются наиболее общие и существенные принципы её организации. По мнению Ф. де Соссюра каждый отдельный язык образует «замкнутую систему». Понимание языка как системы знаков сводится к определению последней как известной совокупности известных отношений, или, к подмене понятия языковой системы понятием языковой структуры. Исходный тезис учений Ф. Соссюра о том, что «язык – есть система, язык – есть целостное образование, где всё взаимосвязано» [106, с.37].

Таким образом, Ф. де Соссюр стал основоположником структурализма, которые изучали лишь один из аспектов языкового механизма – структуру языка.

Лингвист Р. Уэллз в 1958 году на Международном конгрессе лингвистов в г. Осло с полным на то основании констатирует, что «вплоть до настоящего времени структурализм занимался изучением различных частей языка, но никто еще не рассмотрел со структурной точки зрения языка в целом» [106, с.40].

Значительный вклад в развитии теории сопоставительного языкознания внесли русские языковеды Ф.Ф. Фортунатов, Л.В. Щерба, Е.Д. Поливанов, А.И. Смирницкий, В.Д. Аракин, В.Г. Гак, В.А. Звегинцев и др. Основоположниками сопоставительной советской лингвистики считаются Е.Д. Поливанов и Н.С. Трубецкой. Е.Д. Поливанов проводил своё исследование в лингвистических целях, а Н.С. Трубецкой – в теоретических целях. Пионером сопоставительного изучения языков в лингводидактических целях в Средней Азии является Е. Д. Поливанов. Для сопоставительного изучения языков также применяются логический, номинативный и полевой подходы [91, с.134].

Г.С. Щур отмечает: «Понятия лексическая система и лексико-семантическая система в лингвистике трактуются по-разному. Лексическая система – это

система в целом, лексико-семантическая система – это микросистема языка. Лексическую систему языка образуют множество разнообразных слов, которые составляют классы, группы, ряды, поля» [141, с.146]. Начиная с 50-х годов XX в. в советском языкознании разрабатываются теоретические предпосылки расчлененного подхода к изучению структуры и системы языка. В советском языкознании, особенно в трудах А.А. Реформатского находят идеи о возможности разграничения изучения структуры и системы языка. А.А. Реформатский выдвигает следующее положение: «система – это связь и взаимосвязь по горизонтали, а структура – это связь и взаимосвязанность по вертикали» [101, с.30]. Противоположного мнения придерживаются английские ученые Дж. Эллис, Дж. Карнохан, В. Аллен, Р. Ферс, которые считают, что структура – горизонтальна, а система – вертикальна [101, с.31]. «Под системой, – отмечает Б.А. Успенский, – мы понимаем некоторое множество объектов, отношение между которыми описывается по двум осям – синтагматической и парадигматической» [122, с.172]. Лексические единицы с парадигматическими отношениями образуют «структуру», а единицы, вступающие в синтагматические связи, – систему [122, с.172]. Советский лингвист Г.С. Щур выдвигает свою концепцию, согласно которой «иерархическая сеть связей между элементами или группами элементов данного объекта есть система, а совокупность иерархических групп элементов и отношений между ними в целостном объекте – структура [142, с.139].

1.4. Наименование лексико-семантической единицы

Слово – знаковая единица, элемент знаковой языковой системы. Слова создаются, чтобы называть, именовать все то, что существует в реальной действительности. Смыслы выражаются с помощью номинаций. Основной функцией слова является номинация.

В.В. Виноградов отмечает, что «слово является не только названием предмета или предметов, но и выражением значения, а иногда и целой системой значений. В одном и том же значении обобщается и объединяется общественное понимание разных предметов или явлений, действий, качеств, например: пища, питание; продукт – продукты (в разных значениях). С другой стороны, разные слова, отличающиеся одно от другого своими значениями или их оттенками, могут быть применены по отношению к одному и тому же предмету как его названия, например: пища, питание, еда» [34, с.4].

Во всех языках названия пищи обладают коммуникативной значимостью. Для определения единицы исследования нами используется термин «наименование» с целью проведения структурно - семантического анализа в сопоставляемых языках.

В толковых и двуязычных словарях под определением «наименование» традиционно понимается *название* – ном, исм; *вид* – навъ; *разновидность* – навъ, намуд, хел, ном, номи аник [168, с.520,]; *наименование* – ном, исм, унвон [147, с.293].

Пищевая лексика наряду с языком начала развиваться и составила определенную, крупную лексико-тематическую группу. Лексика тематической группы «пища» в лексиконе человека занимает центральное место, т.к. питание как одной из части материальной культуры человека подвергается постоянному изменению.

Функцией лексической системы языка является не только номинация, т.е. наименование, но и познание. Язык своими словами фиксирует результаты познания. Во всех языках наименование продуктов питания обладают коммуникативной значимостью.

Согласно С. Шафикову «Между словом и наименованием различий исходит из отсутствия изоморфизма между словом и понятием, которые принадлежат классам языка и мышления, не покрывающим друг друга. Общность между ними

состоит в том, что оба являются двух плановыми единицами языка и членятся на минимальные единицы каждого плана» [133, с.85].

Лексическое значение слова определяются внелингвистическими и внутри лингвистическими факторами. К ним относятся связь лексического значения слова с явлениями реальной действительности – денотатами. Отдельные явления реальной действительности, подлежащие именованию, принято называть денотатами.

1.5. Пища как историко-культурное явление в этнолингвистике

Лексический состав любого языка – это сокровищница, в которой сохраняется неоценимые сведения, относящиеся к истории народа – носителя языка. В лексике находят отражение генезис и развитие народа, его жизнь и культура [53, с.7].

Одной из самых главных условий существования человека является пища. Отражая повседневную жизнь народа, пища даёт возможность показать её историческое прошлое. Пища является источником энергии, без которой человек не может существовать. Пища – одна из самых древних и устойчивых компонентов материальной культуры, которая является связующим звеном между культурой и традициями человека. «Человека человеком сделала регулярное потребление пищи, а не случайный перекус как у других приматов» [95, с.78].

С приёмом пищи связаны практически все культы и ритуалы человека: свадьба, рождение, похороны. В этой связи на этих культовых обрядах приготавливается отдельная пища, связанная с этими обрядами. В культуре каждого народа пища занимает главенствующее место. Культура приготовления пищи, традиции её приготовления, рацион веками перешло от поколения к поколению и до сих пор продолжает играть центральное место в жизни народа.

Наиболее подробно информация о пище горных таджиков Памира, Дарваза, Каратегина (Рашт), Ванджа и других этнических групп Припамирья и о

приготавливаемых там блюдах периода XIX-XX вв. приводятся в трудах М.С. Андреева (1958), А.А. Семенова (1903), Г.А. Арандаренко (1899), Н.А. Кислякова(1970), Н.Н. Ершова (1970), Пещеровой Е.М.(1927).

М. Хамиджанова (1973) изучала пищу горных матчинцев, где достаточно полно описала пищевой ассортимент и способы приготовления этого горного края. А.М. Мардонова(1998) в своих работах раскрыла особенности похоронно-поминальной пищи таджиков Гиссара и Куляба. Н.Н. Ершов более подробно исследовал пищу приготовленная из горных растительных трав Бадахшана, Каратегина (Рашт), Дарваза, Ванджа приготовленные по таджикским народным рецептам, имеющие лечебные свойства. Пища, также является источником информации об историческом прошлом народа, его культуре, бытие и языке. Каждый народ отличается друг от друга своими сложившимися обычаями, традициями, которые дошли до нас. Выражения и терминология с наименованиями продуктов питания обогащали лексический запас языка народностей. С появлением, завозом новых продуктов и блюд, соответственно пополнялся и словарный запас языка народа. В последнее время наблюдается тенденция систематического появления различных продуктов, наименования которых пополняют лексический запас языка.

1.6. Источники становления и развития лексики наименования «хӯрок –food (пища)» в таджикском и английском языках

В этой части исследования мы считаем необходимым представить информацию об основных источниках становления и развития лексики наименования «хӯрок – food (пища)» в таджикском и английском языках, которые являются ранние научные и литературные памятники, созданные на материале этих языков.

Двуязычные и многоязычные толковые словари или глоссарии, научные произведения персидских, таджикских, русских и английских учёных и

лингвистов, сыгравших большую роль в становлении лексики наименования «хӯрок – food (пища)» в сопоставляемых языках являются следующие книги:

1. «**Луғати фурс**» древнейший из дошедших до нас таджикско-персидских толковых словарей, составленный Абӯ Мансур Алӣ ибни Аҳмад ал-Асадӣ ат-Тӯсӣ в начале второй половины XI в. В словаре даются краткие сведения о разговорной и диалектной лексике. К лексике диалектного характера Абӯ Мансур Алӣ ибни Аҳмад ал-Асадӣ приводятся ряд названий относящейся к флоре, фауне, материальной культуре. Более подробное рассмотрение лексики «Луғати фурс» позволило выявить большое количество диалектной, а также разговорной лексики наименования «хӯрок – food (пища)».

В словаре приводятся многочисленные арабские эпитеты словам об (вода) – абу –ал- ҳаёт(отец жизни); қанд (сахар) – абу-ал –шифо (отец исцеления); шир (молоко) – абу-ал-обиз (отец белого) [57, с.138]. Пищевые наименования в словаре приведены в поэтических жанрах, например в стихах средневекового персидско-таджикского поэта Дақиқи :

Он модагов буд, ки Фаридунро **шир** медод, парвард. –
(Та корова, которая давала Фаридуну **молоко** и питала его) [57, с.40].

В словаре указанные пищевые наименования приведены в разговорных и диалектных вариантах, содержащиеся в самих словарных статьях:

Бегаю я в мире в погоне за насущным **хлебom**
Ноги мои все в мозолях и уставший сожженным (горем) сердцем. [57, с.127].

Особую ценность в словаре представляют слова с указаниями автора на местный, областной диалектальный характер: о еде, о провизии приписанное на дорогу, о сорте пирога Маверауннахра [57, с.85].

Словарь «Луғати фурс» был трижды издан. Первое издание осуществлён в 1897 г. Хорн по ватиканской рукописи. Второе издание по четырём рукописям было предпринято в 1940 г. Аббасом Икбалем. В 1957 г. Дабир Сияки опубликовал переработанное им издание П. Хорна.

2. Отец персидско-таджикской народной медицины Абу Али ибн Сина (Авиценна) уделял большое внимание пище. О пище в медицинских сочинениях Авиценна пишет следующее:

Пока мы живы, пища нам нужна,
В ней сил исток, даст нам рост она.
Когда же нужной пище не хватает,
Слабеем мы, и тело наше тает [139, с.23].

В трактатах Авиценны упоминается о полезности многих таджикских блюд, в частности о шӯрбо (суп), ширбиринч (рисовая молочная каша), кабоб (кебаб), гӯштбирён (жареное мясо), мурғшӯрбо (куриный бульон) и т.д. К твердой и трудноперевариваемой пище Абу Али ибн Сина относит национальные блюда из риса – плов.

В «Канонах врачебной науки» Абу Али ибн Сины упоминает пищевой режим и правила употребления и полезность блюд, например: кадушӯрбо – soup with pumpkin (суп с тыквой), ширбиринч – dairy rice porridge (молочная рисовая каша), ширкаду – pumpkin soup with milk (молочный суп с тыквой), а в «Трактате о гигиены» указывалась определенная пища для больных [3, с.39].

3. Книга Абуисхака Атьима – представителя таджикско-персидской поэзии XIV – XV вв. «Канз-ул-иштиҳо» (Источник аппетита) написана в стихах. Абуисхак Атьима, побывавший во многих странах и городах мира, хорошо изучил правила приготовления пищи. В «Канз-ул-иштиҳо» описаны наименования более 100 блюд и различных сладостей. Абуисхак Атьима в своей книге предлагает важные сведения об истории кулинарии и блюд таджиков. В книге, особенно выделяются наименования «плова» и «оши бурида», которые до сих пор доминируют в таджикской кухне. Книга состоит из 10 глав и 105 байтов.

Общая характеристика таджикской пищи, приготовленной из мучных изделий, приводится в первой главе книги. Вторая глава содержит рецепты и данные о приготовлении разных видов шӯрбо (суп). О блюдах приготавливаемые в общественных местах – базарах и рынках, приводятся данные в третьей главе. Четвертая глава содержит данные о традиционно-национальных супах типа

мастоба с кислым молоком. Пятая глава книги посвящена способу приготовления различных напитков, приготавливаемые из сухофруктов и кислого молока, каш и лепешек. Наименование фруктов приведенные в шестой главе пополняют, лексический словарный запас таджикской кухни. Наименования сладости и шербеты (сок) приведены в седьмой главе, в восьмой главе приведены наименования различного рода халвы, в девятой о продуктах и пищевых ингредиентах продаваемые в дуканах (лавках). О пище и еде малоимущих людей говорится в десятой главе:

Сифати неъматӣ арзон гӯем,
 К- андар ин шаҳри ту ҳастанд фақирони наҳмор
 Бомдодон чу **гариду калаву поча** зананд,
 Мебаранд аз пайи он калаву гипо дар кор .
 Наску боқле ва **сиру панир** ва зайтун
 Ки бирезанду дар ӯ рағғани кунҷит ҳамвор
 Ғози аспу сари гову ишқамбаи уштур,
 Меҳӯрд мардак хур марак ба хотир кам ор [5, с.14].

4. «**Кони лаззат ва хони неъмат**» книга ученого XIX в. Возеха Кори Рахматулло была написана в Бухаре в 1880-1881 гг. Труд Возеха Кори Рахматулло является единственным источником по истории кулинарии и кулинарных изделий и блюд таджиков. Всего в библиотеках Таджикистана и Узбекистана хранится 3 экземпляра этой книги, одна в Таджикистане и две в Узбекистане. Единственный полный экземпляр работы Возеха Кори Рахматулло хранится в библиотеки АН Республики Узбекистана. В экземпляре хранившиеся в Таджикистане отсутствует глава о сладостях. Необходимо отметить, что Возех в книге дает наименование многих блюд, но написание рецептов большинство блюд и кулинарных изделий отсутствует, за исключением рецептов сладостей, супов, плова. Возможно, такую оплошность допустил переписчик книги Кози Саъдулло, либо сократил, о чем отмечает в своей монографии Т. Неъматзода. Например, в главе «шин» из 11 видов блюд указывается только 3, из 16 видов блюд в главе «коф» 5 отсутствует. Книга «Кони лаззат ва хони неъмат» состоит из общего введения и заключения, а также двух частей. Первая часть состоит из 22 глав, более 100 рецептов и 230

наименований блюд, более 30 различных видов приготовления национального плова.

Вышеназванная книга имеет большое значение для приготовления различных национальных блюд, и носит рецептурный характер, в которую особенно включены рецепты приготовления наименования 169 «халво» (сладости), более 30 наименований «мураббо» (варенья) и более 20 разновидностей лепешек. Необходимо отметить, что труд Возеха Кори Рахматулло указывает на 227 видов плова, а также наименований арабских и индийских блюд.

Четвертая глава книги Аътима посвящена «мясным блюдам». В начале главы приводятся данные о способе приготовления 13 видов шӯрбо (супов). Во второй части этой главы приводятся данные о 20 наименованиях кебаба, которые являются традиционным таджикским блюдам: кулчакабоб, лӯлакабоб, куфтакабоб, товакабоб.

Шарҳи сихак чи бигуям, ки аз бӯи хӯши ӯ
Ман шудам масту нишастааст **кабоби хушёр**[139, с.62]

В этой книге упоминаются о более двух-трех десятков наименований блюд для больных людей, особенно для болезней желудочно-кишечного тракта.

5. «**Standard English-Tajik dictionary – Фарҳанги англисӣ-тоҷикӣ**» автором которого является профессор Абдусалом Мамадназаров. Новое издание «Англо-таджикского словаря» было опубликовано в 2019 году, которая содержит более 100 тысяч слов, 200 тысяч переводов, пояснений и толкований слов, 8000 предложений, 1000 пословиц и идиом, включая неологизмы. Из терминов особое внимание уделяется политическим, социальным, научным и культурным терминам. Кроме того, в словаре собрано большое количество устойчивых словосочетаний, пословиц и поговорок. Словарь содержит более 16 000 идиом, словосочетаний и фразеологизмов английского и таджикского языков. В ней были выявлены 300 наименований «хӯрок– food (пища)». Из них 141 лексических единиц являются производными, например: apple – себ [155, с.59] (яблоко), bacon – гӯшти намакзадаи хук [155, с.78] (бекон), beer – оби чав, пиво [155, с.90]

(пиво) и т.д. Вклад словосочетания лексики наименования «хўрок – food (пища)», составляет 51 лексических единиц, например: *beef tea* – супи обакии бо гўшти гов[155, с.90] (бульон, суп), *redbeet* – лаблабўи сурх [155, с.90] (красная свекла) и т. д. Было проанализировано более 20 фразеологических единиц и идиом.

6. «**Бурҳони қотеъ**» – один из наиболее распространенных и важных толковых словарей, оказавший огромное значение на последующую лексикографическую традицию. Словарь составлен в Индии в 1652 году, издан в Калькутте в 1818 году и переиздан в 1822 и 1834 годах. Более позднее индийское издание 1888 году содержит в конце добавление. Турецкий перевод словаря был напечатан в Константинополе в 1800 году и в Булаке в 1836 году. Последнее печатное издание в четырех томах осуществлено в Тегеране в 1951-1956 годах. Автор Мухаммад Хусейн ибни Халаф Ат-Табризӣ задался целью собрать все слова языка фарси, дари, греческие, сирийские, румийские и другие слова, а также идиоматические и метафорические выражения языка фарси, смешанные с арабизмами.

Словарь «Бурҳони Қотеъ» состоит из 29 глав. В начале каждой главы сообщается о количестве содержащихся в ней слов. Слова в главах расположены согласно порядку арабского алфавита. Объясняя произношение, автор даёт вслед за толкуемым словом такое слово, которое имеет сходную огласовку:

1) *ордтула* – оше бошад, монанди кочӣ, ки аз орд пазанд ва бештар мардуми дарвеш ва фақир хуранд; ва онро дар арабӣ сахина гўянд [158, с.48] (блюдо, как кочи, которое готовят из муки и едят преимущественно дервиши и бедняки; по-арабски *сахина*).

2) *озодмева* – халвоест, ки аз қанду мағзи бодом ва pista ва нухӯди муқашшар созанд; ва баъзе нухӯди қандӣ ва бодомии қандӣ ва pistaи қандиро гўянд, ки бо рангҳои мухталиф сохта бошанд [158, с.50].(халва изготавливаемая из косточек миндаля, фисташек и гороха; некоторые цукаты из горошка, из миндаля и из фисташек изготавливаемые в разных цветах)

3) *бодранг* – навъе аз хиёр бошад, ки хӯранд; ва турунчро низ гӯянд ва он мевает, ки пӯсти онро мураббо созанд [158, с.139] (вид съедобная огурца, а также апельсина из кожицы которого приготавливают варенье).

4) *чаппотӣ* – мухаффафи чаппотӣ аст, ки нони тунуки фатир бошад, ки бар рӯи тоба пазанд [158, с.338] (тонкий пресный хлеб, приготавливаемый на сковороде).

В словаре «Фарҳанги тоҷикӣ ба англисӣ» под редакцией П. Джамшедова имеются следующие лексиконаименования «хӯрок – food (пища)»: нони сиёҳ – brown bread, rye bread (чёрный хлеб) [176, с.552], кӯмоч – kutoz (unleavened scon`s baked on coals or in ashes) [176, с.392] (толстая пресная лепешка, выпечённая на золе), қатлама – layer cake [176, с.202] (слоёная лепёшка), кулчаи равғанӣ – bun [176, с.601] (сдобная булка, кекс), нони чавин – barley bread [176, с.773] (ячменный хлеб), которое приводится путем передачи значения лексиконаименования «хлеб» с таджикского на английский. Словарь был разработан в 2008 году и издан дважды. Словарь содержит более 60000 слов и словосочетаний. В нашем исследовании были выявлены 320 слов обозначающие наименования «хӯрок – food (пища)». Из них 115 лексических единиц являются непроизводными. Вклад простых производных составляет около 24 лексических единиц.

8. «**Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ**», авторами данного словаря являются С. Назарзода, А. Сангинов, С. Каримов, Мирзо Ҳасани Султон. Словарь состоит из двух томов и был опубликован в 2010 году. Словарь содержит более 80 тыс. слов, словосочетаний на таджикском языке. По структуре, словарь включает слова и фразы, как классического периода развития языка, так и современного периода его развития. В первом томе данного проанализировано 197 единиц, а во втором 182 лексиконаименования пищи.

9. «**Этимологический словарь иранских языков**» (ЭСИЯ) — многотомный этимологический словарь, автором которого является В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман систематизирующий этимологию исконных слов всех живых и вымерших иранских языков Ирана, Афганистана, Пакистана,

Таджикистана, Турции, Узбекистана, России и других стран. Словарь является первым опытом в иранском языкознании по созданию подобного этимологического свода.

Статьи словаря, составленного по корневому принципу, состоят из нескольких частей. Сначала даётся реконструированный про иранский корень, в его латинской транскрипции, затем даётся предыстория корневого слова и его производные в древних и новых иранских языках. По словам создателей словаря, это позволяет упорядочить «богатейший иранский этимологический фонд» и обозначить его место в индоевропейской системе. Словарь был составлен с 2000 по 2020 годы, и был издан в 6 томах (доведено до слова *gūān*).

Первый том (a – ā) был издан в 2002 году, второй том (b – d) был издан в 2003 г. – 504с., третий том (f – h) в 2007 году, четвертый том (i – k) в 2011 году, пятый том (l – n) в 2015 году, шестой том (p – r) в 2020 году.

10. В книге «Таджики Каратегина и Дарваза» русский этнограф – таджиковед Н.А. Кисляков использовал также дневниковые записи русского этнографа Н.Н. Ершова с указанием наименования растений и лекарственных средств растительного происхождения, которые обогащали пищевой рацион горных таджиков Припамирья, Каратегина, Дарваза и Памира в эпоху средневековья, используемые в современный период. Автор отмечал, что: «...о мучных изделиях, как нон (хлеб) в виде различных лепешек домашнего приготовления и очень разнообразный ассортимент мучных кушаний, приготавливаемых обычно в виде похлёбок, лапши, клецок. Эти кушанья приправляют растительным или коровьим маслом, молоком свежим и кислым, или чаще всего, разведенным в воде сушеным *сыром* – *курут*, а также приправой *нугул* или *нигул*» [64, с.225].

Е.М. Пещерова в своём исследовании приводит очень интересные сведения о молочном хозяйстве горных таджиков и приготовлении ими молочных продуктов [96, с.42].

11.Автором монографии **«История кулинарной культуры, таджикского народа – The history of the culinary culture of the Tajik people»** является Мумина Шовалиева. Работа М. Шовалиевой является первым монографическим исследованием кулинарной культуры таджикского народа по данным средневековых источников, лингвистическим и этнографическим материалам, собранным автором более 30 лет во всех регионах Таджикистана [139, с.6].

По структуре монография состоит из 3 глав. Первая глава монографии посвящена наименованиям повседневной пищи таджиков, во второй главе идёт речь о праздничной и обрядовой пище таджиков. В ней на основании некоторых впервые вводимых в науку средневековых источников по вопросам кулинарии, ранее не получивших отражения как в исторической, так и в этнографической литературе, а также углублённых полевых исследований, делается попытка выявить общие и особенные черты в развитии кулинарной культуры таджиков.

В результате исследования нами было выявлено более 78 лексики наименования «хӯрок – food (пища)». Большинство лексики являются национально-таджикскими. Было обнаружено около 20 непроизводной лексики и 6 простых производных. Некоторые лексики относятся к лингвистическим явлениям как синонимия, например: *шавла – шула – шила*, одно из древнейших блюд таджиков. В источниках оно упоминается как *каля биринҷ* – рис с мясом [139, с.83].

12. **«Таджикские национальные сладости»**. Авторами книги являются А.Ванукевич, С.Аминов, Х.Шарипов. Книга была издана в 1978 году, которая представляет собой неполную перечень сладостей, приготовленные таджиками издревле. Авторы книги собрали и обработали значительный объём различных рецептов, которые позволили расширить, дополнить и переработать данное второе издание.

Технология приготовления восточных сладостей и рецептуры изложены в определенной последовательности. Объём исходного сырья дан с учетом применения весов и объемных мер. В отдельных главах дана характеристика

питательной ценности сладостей, особенности их приготовления и порядок подачи. Эти сладости в равной степени принадлежат как таджикскому, так и узбекскому, и другим народам Средней Азии [29, с.6].

13. Книга А. Мадраимова «**Узбекская кухня (Uzbek cuisine)**» содержит перечень наименования более 150 таджикских блюд, лексика которых распределены на 7 лексико-семантических групп: «салаты – salads» (15 наименований); «холодные закуски – appetizers» (8 наименований); «первые блюда – soups» (17 наименований); «вторые блюда – main courses» (32 наименований); «мучные блюда – pastas and bread» (42 наименований); «кондитерские изделия – desserts and confections» (20 наименований) и «напитки – beverages» (8 наименований) [70, с.4].

14. В работе М. Мирзоева «**Диалекты узбекского языка Бухарской группы**» наряду с узбекскими блюдами приведены наименования таджикских блюд [80, с.6]. Эта работа включает в себя также наименования отдельных блюд на таджикском языке с учетом диалекта таджиков, проживающих за пределами Таджикистана, на территории областей Сурхандарья, Кашкадарья, Джиззаха Узбекистана.

15. В 1575 году Уильям Хау (William Haw) в Англии издал «**Сборник рецептов по приготовлению различной пищи**», хотя до этого в 1545 и 1557 гг. уже были изданы такие книги по кулинарии английской кухни [Popper]. К середине XVI века Англия вошла в число ведущих стран Западной Европы, это время правления Елизаветы I. За этот период в Англии сложились определенные кулинарные традиции, даже был издан сборник рецептов по приготовлению пищи.

Третьякова указывает, что «Согласно указанного сборника, на обед предпочиталось похлёбка или бульон, отвар или отварное мясо, свинина, ростбиф, жареная телятина. Вторая подача состояла из жареного ягненка, кролика, оленины, пирога. На ужин первой подачи должны были быть похлёбки или бульён, свежие ножки, телятина, ягнятина. Особое место занимала дичь –

оленина. Издревле, среди англичан особой популярностью пользовались цыплята, мяса из курицы» [120, с.41-42].

1.7 О лексических единицах, относящихся к таджикской кухне

Таджики являются древнейшим населением Центральной Азии. Народные традиции, обычаи и обряды жителей регионов Таджикистана тесно связаны с пищевыми традициями. Искусство приготовления пищи таджиков формировалось в течение тысячелетий. Еще население древней Бактрии разводили хлебные злаки, зерна, которые по величине были крупными [139, с.5]. Найденный многочисленный керамический материал, памятников античности и эпохи бронзы, найденные археологами, свидетельствует о богатом пищевом рационе населения Согда и Бактрии. Римский историк Страбон сообщает о разведении риса в Бактрии [Страбон, 1964, с.132]. Энциклопедист Гай Плиний Секунда в 1 в. нашей эры пишет о больших зернах пшеницы: «После того как посеют, приходят только для сбора урожая» [139, с.5]. Китайский путешественник Сюань - Цзянь пишет о больших полях пшеницы, бобовых, риса в Бадахшане, точнее в Вахане и Шугнане [87, с.605].

Таджики являются одним из древней населением Центральной Азии. Они являются автором популярных современных блюд, которые до сих пор бытуют среди населения этого региона. Писатели и поэты средневековья Абу Райхони Беруни «Осор-ул-бокия» (1990), Абу Фазл Байхаки (1969), Абуисхак Аьтима «Канз-ул-иштиха»(1954), Возех Кори Рахматулло Бухорои «Кони лаззат ва хони неъмат»(1881) в своих трудах старались осветить историю появления таджикских блюд[38, с.1881].

В трудах русских этнографов и востоковедов А. А. Семенова (1949), М.С. Андреева (1958), Н.Н. Ершова (1970), М.А. Хамиджановой (1973), Е.М. Пещерова (1927) имеются краткие упоминания о пище таджиков еще с конца XIX - начала XX вв.. В работе Г. Майтдиновой и А. Негмати (1993) «Система и культура питания таджиков» приводятся данные о наименовании различных кебабах, шӯрбо (супы), а также различных приготовлений из баранины и говядины.

Одной из наиболее устойчивых форм культуры, нации и народности, считается её национальная кухня. Национальную кухню таджиков можно разделить на обычные, праздничные, обрядовые и гостевые трапезы, которые приготавливаются в период проведения праздников. К национальным праздникам относятся религиозные праздники «Иди Курбан» (Курбан байрам), «Иди Рамазон» (Рамадан), а также один из древнейших праздников до исламского периода «Иди Наврӯз» (Новый год).

«Свадебная пища» таджиков относится к общественной трапезе, она связана с этапами свадебной церемонии, которое имеет своё знаковое значение и связана с *нон* – bread (хлеб). Каждый обряд сопровождался определенными угощениями из мучных изделий и блюд. Наиболее распространенным является обряд «ноншиканон», который на этапе предварительного сговора о браке, скреплялся именно разламыванием принесенных женихом национальной лепешки – *нон*–bread (лепешка, хлеб) и *кульча* – bun (сдобная масляная лепешка). Наряду со свадебным обрядом «ноншиканон», наиболее популярным является обряд «сарупобарон» или «тукузбинион», которая как малая свадьба празднуется в доме у невесты, где готовятся различного рода блюд, мучные приготовления и угощения.

По данным русского этнографа – таджиковеда Н.А.Кислякова в горных регионах Таджикистана – в Бадахшане, Дарвазе, Припамирье, Каратегине (Рашт), Кулябе на свадьбу, помимо прочих угощений, обязательно готовят слоеные лепешки *қадмол* – qadmol; puffed flat bread (слоеная лепешка), пекут лепешки *чапотӣ* – charoti; thin bread (тонкая лепешка), *кульча* делают *ҳалво* – halva (халва). Не только на свадьбах, но и накануне национально-религиозных праздников жарят *орзуқ*– raised crullers (колобки из дрожжевого теста), варят *шӯрбо* – soup (супы), делают *плов* – pilaf (плов). Согласно Н.А. Кислякова «В Каратегине (Раште), Дарвазе на свадьбу, если она происходила в начале лета, делали мучные похлебки с травой *модел* – *атолаи модел* или с травой *роу* – *атолаи рова*» [64,250].

Самым употребляемым молочным продуктом является заквашенное кипяченое молоко, называемое *чурзот* – sour milk (кефир). Из молока и тыквы таджики готовят *ширкаду* – pumpkin soup with milk (молочный суп с тыквой) [96,47].

У таджиков угощение для гостей является делом чести не только хозяина, но и его родственников. После чая сразу подают каждому гостю в чашках *шӯрбо* – soup(суп). Соседи несут с собой различные блюда и лепешки. Угощение «хлебом» и другими блюдами означает укрепление союза между семьями.

Следует отметить, что хлеб домашнего приготовления, т.е. *нон* – bread (лепешки) имеют своё, диалектное название в говорах и диалектах отдельных регионах Таджикистана (северная часть, группа южных районов, население Памира и Припамирья). Более тонкие лепешки, т.е. *нимнона*– thin flat bread (тонкая лепешка) пекли в древние времена на территории Каратегина (Рашта), а на территории Дарваза, наоборот, пекли большие лепешки толще гирдача, т.е. *нони гавсак* – thick flat bread (толстостенные большие лепешки) в дни праздников и на поминки. Такого же размера лепешки запекаются из пшеничного кислого теста лепешки *чаппотӣ* и в других регионов южного Таджикистана, особенно в Кулябе. Кислый хлеб в лексиконе таджиков называется также *нони хамир*, а пресный *нони фатир* – unleavened bread (лепешка из пресного теста). Хлеб домашнего приготовления почитается с древнейших времен, как символ святости на дастархане (столе) она ставится на самом почетном месте, т.е. по середине.

Для угощений гостей, заранее готовят *самбӯса*, *печенье*, *торты*, *салаты сладости*, *сухофрукты*, *баурсоки* (*жаренные в масле*), различные *лепешки* и *кульча*, приготовленные из муки, молока и масла.

В настоящее время наиболее популярным является сборище подруг невесты – «чойгаштак», которая сопровождается большими угощениями, блюдами, сладостями. Начиная с советских времен до сегодняшних дней таджикские национальные блюда и кухня издавались в печати дважды в виде книг с

названием «Таджикские блюда», «Таджикские национальные сладости» авторами которых являлись А. Ванукевич, С. Аминов и Х. Шарипов [29, с.2].

В последнее время наблюдается тенденция пополнения таджикского языка за счет новых терминов, наименования пищи и блюд, с учетом их географических названий, например: *палави самарқандӣ* – Samarkand pilaf (плов по самаркандски) [162, с.53], *палави фаргонагӣ* – Fergana pilaf (плов по фергански) [162,56], *палави афгонӣ* – afgan pilaf (афганский плов) [162, с.53], и т.п. Среди таджиков быстрыми темпами начали распространяться различные блюда из теста и мяса приготовленные также на пару. Например: *манты* – mantu (манты) [176, с.439], *мантуи кадугӣ* – pumpkin manti (манты с тыквой) [70, с.172]; *хоним* – khonim, pasta roll with meat (рулеты с мясом) [70, с.176]; *тушбера* – dumplings (пельмени) [162, с.58], *лагмон* – noodles and minced meat served with greens (лагман) [176, с.411] и т. д.

В целом пища таджиков разнообразна с учетом географического их место проживания. Таджики по месту проживания делятся на северные, южные и бадахшани. Многие блюда таджиков, появились в глубокой древности. Наименования и рецепты приготовления многих из них сохранились. Независимо от региона проживания таджиков, приготавливаемые национальные блюда имеют практически единый рецепт приготовления: *умоч* – soup with dumplings cooked in milk [176, с.695] – суп с клецками который готовится в молоке; *дангича* – thick porridge – like soup made from peeled wheat (густой кашеобразный суп из очищенной пшеницы) [118, с.9]; *кочӣ* – porridge, from wheat of corn meal [176,385](каша из кукурузной муки) [162, с.45]; *кашк* – kashk, porridge from the shattered seeds of wheat or barley (каша, похлёбка израздробленных зёрен пшеницы или ячменя) [118, с.11]; *курутоб* – cheese meal [176, с.408] (блюда из домашнего сушеного сыра) [162,48]; *фатирмаска* – a dish from pieces of flat cake and butter (блюда из кусочков лепешки и сливочного масла) [118, с.11]; *шакароб* – dish from freshly baked small cake, fuelled tart milk and sharp vegetables salad [176, с.791]

(блюдо из свежее испеченной лепешки, заправленного кислым молоком и салатом из острых овощей) [162, с.67].

Лепешки *чаппотӣ* – *chapoti*; *thin bread* (тонкая лепёшка), раскатываются тонкими, примерно, как тесто лапши и при выпечке не сбрызгиваются. Тесто для чаппотӣ делается гораздо мягче, чем для, *гирдача* – *flat bread* (лепешки гирдача; круглый, толстостенный хлеб) [162, с.35], т.к. они пекутся очень быстро, в выпечке должны принимать участие две или три женщины, из которых одна занимается печением этих лепешек, а другие готовят для неё раскатанное тесто. В настоящее время таджики выпекают следующие национальные традиционно дошедшие до нас виды лепешек: *гирдача* – *flat bread* (круглый, толстостенный хлеб), диаметром 50-70 см, толщиной 3-4 см, *нони гавсак* – *thick bread* (толстостенные большие лепешки)¹⁶² чуть толще гирдача, размером 1,5-4 см, *чаппотӣ* – *chapoti*; *thin bread* (тонкие лепешки) размером чуть больше гирдача.

Таджики, проживаемые в горных регионах, выпекают лепешки *хамирфатир* – *flat bread* из кислого теста и пшеничной муки, которая отличается размером больше, чем *нони гавсак*. На свадьбу, а также национальные праздники, таджики выпекают *кульча* – небольшие круглые толстостенные лепешки, диаметром 18-20 см, которые пекутся в основном из кислого теста, пшеничной муки с добавлением топленого масла и яиц.

Особенностью традиционного таджикского дастархана (стола) является разного рода мучные изделия, особенно хлеб, который почитается издревле. Хлеб считался защитой человека, его клали под подушку новорожденного, а также уходя из дома на дальнюю дорогу, ночью в одиночестве брали с собой хлеб.

Никакие национальные обряды таджиков не обходятся без выпеченных мучных и различного рода мучных приготовлений. Не только обрядовая, но и повседневная пища таджиков не обходится без употребления мучных приготовлений. Из муки пекут и приготавливают различного рода угощения. Лепешки таджики выпекают из пшеничной муки. Хлеб домашнего приготовления – лепешка разделяется на несколько видов у таджиков: «*нони фатир* – *unleavened*,

azymous; unleavened bread [176, с.703] (лепёшка из пресного теста)» [162, с.61], «*нони гурда* – flat bread (лепешка)» [118, с.15], «*чапнотӣ* – chapotti (тонкая лепёшка)» [162, с.63] < *Пайваста ба корҳои ӯ ёрӣ мерасондам ва аз ӯ дар танӯр пухтани кулча, нон ва чапнотӣ, ҳатто нозуқиҳои ҳалвопазӣ, оши туппа ва буридаро омӯхтам.* [195, с.37] – Я постоянно помогала ей в работе по дому, училось у неё печь на тануре кулчу (маленькие масляные лепешки), лепешки чапоти, даже тонкостям приготовления халвы, и домашней лапши; «нони кунҷутӣ – flat bread with sesame (лепёшка с кунджутом)» [162, с.50], «нони ҷазза – flat bread with fat cracklings (лепёшка со шкварками)» [70, с.238], «нони ширмол – type of rich small cake mixed with milk [176, с.801] (лепёшка замешанное на молоке)» [162, с.53], «нони зарғора – maize flat cake [176, с.294] (лепёшка из кукурузной муки)» [162, с.52], «нони кӯмоч – kutoz; unleavened scon`s baked on coals or in ashes [176, с.392] (толстая пресная лепёшка, выпяченная на золе)» [162, с.52], «нони қатлама – layer cake [176, с.407] (лепёшка слоёная)» [162, с.52].

Лепешки, которые пекутся дома у таджиков и выносятся на продажу, в основном приготавливаются с различными добавками к тесту (молока, масла, кефира). Способ приготовления этих лепешек своеобразна, например: «нони ширмол – flat bread with milk (лепешки замешанные на молоке)» [162, с.51]; «нони ҷаззакӣ – flat bread with fat cracklings (лепешки со шкварками)» [162, с.51]; «нони кунҷутӣ – flat bread with sesame (лепешка с кунжутом)» [162, с.50]; «нони пиёздор – flat bread with onions (лепешка с репчатом луком)» [162, с.50]; *лочира* – lochira; kind of flat bread (лочира, вид лепешки)» [162, с.50].

Для приготовления традиционных национальных блюд в пищевой рацион таджиков появились различного рода посуды, предназначенные для пищевых блюд, такие как: *табақи чӯбин* – чашевидная деревянная посуда, *кошуқи чӯбин* – деревянная ложка и т.д. Эти посуды были предназначены для традиционных национальных блюд «*фатирмаска*», «*шакароб*», «*қурутоб*» [64, с.232]. Между свежееиспеченными горячими лепешками (*фатир*) клали кусок масла и разминали

деревянной ложкой до тех пор, пока все не превращалось в однородную массу – *фатирмаска*.

Летом таджики предпочитают в основном «*шакароб* – dish from freshly baked small cake, fuelled tart milk and sharp vegetable; sugar syrup» [176, с.791] (блюдо из свежеспеченной лепешки, заправленное кислым молоком и салатом из острых овощей) [162, с.67]. В чашку с холодной водой крошат горячую пшеничную лепешку, солят и заправляют зеленым луком и перцем толчёными с солью, если зимой, то задобряют топлёным маслом или заквашенным молоком. *Шакароб* таджики называют салат из помидоров и лука – один из последних, относительно недавно появившихся вариантов этого блюда. Помидор в Средней Азии, а после среди таджиков появился в конце XIX в. «*Курутоб* – cheese meal (блюдо из домашнего сушеного сыра)» [162, с.45] размоченный в теплой или горячей воде с добавлением топленого масла и кусочков лепешки – фатир, распространен среди таджиков Куляба, Рашта, Дарваза.

Таджики проживали на территории караванных путей «Великого шелкового пути», откуда и поставлялся чай завозимый из Китая. После приёма пищи таджики, как и англичане традиционно переходят к чаепитию, которое начинается промежутками между подачей различных национальных блюд. Черный чай таджики употребляют с эпохи средневековья. К чаю таджики начали добавлять молоко, в результате появился своеобразно новый напиток «*ширчой* – tea with milk [176, с.801] (чай, кипячённый с молоком, маслом и солью)» [149, с.362], что среди горных таджиков до сих пор является основным напитком к завтраку.

1.8. О лексических единицах, относящихся к английской кухне

Англичане живут на острове Великобритания. Согласно А.В. Павловской «Англичане являются продуктом смешения многих этнических групп – древнейшего иберийского населения с народами индоевропейского происхождения: племен кельтов, германских племен англосаксов, фризов,

ютов, в некоторой степени – скандинавов, а впоследствии и франко-норманнов. Англия – единственная страна, которая не хочет быть Европой» [95, с.32].

Кухня Великобритании как одна из колониальных держав, начиная с XV в. подверглась влиянию колониальных стран, в частности Индии. Она включает в себя следующие национальные кухни: английская кухня, шотландская кухня, валлийская кухня, гибралтарская кухня и англо-индийская кухня. Начиная с эпохи средневековья, английская кухня развивалась, впитывая в себя новые иностранные ингредиенты и кулинарные стили.

Английская кухня имеет свои исторические корни и связана с культурой многих народов. По мнению Харварда «Сначала были викинги, за которыми последовали римляне, и даже французы со временем принесли на английский стол плавильный коктейль ингредиентов и продуктов. Это влияние хорошо заметно во вторжении франко-норманнов, которые принесли специи из шафрана, мускатного ореха, перца, имбиря и сахар. Средневековая английская кулинария изобилует рецептами, содержащими эту экзотическую еду, и эти ингредиенты по-прежнему можно встретить в английской кухне в традиционных рецептах» [205, с.26].

После превращения Англии в Британскую империю на национальную кухню англичан стали влиять кулинарные особенности завоеванных стран – Индии, Китая, Северной Америки. Из Индии, например, везли душистый карий, ароматную корицу, дурманящий шафран, а из Северной Америки – красный картофель. В Англии, основным продуктом питания в XIII-XIV вв. являлся хлеб, который готовился из ржаной, пшеничной муки. Черный ржаной хлеб в основном являлся питанием среднего сословия и бедняков.

В Англии «пища» является не только символом богатства и благодарности, но и указывает на положение личности в обществе. Устраиваемые различного рода светские и дипломатические обеды и ужины «*power breakfast*», «*power lunches*» выступают в качестве катализатора общения. Каждый представитель отдельной нации, представляющий официально своё государство, старается

показать своему гостю, через названия пищи национальный колорит страны, специфические особенности народа её географию и историю.

У англичан хлеб, с которым связаны много поверий и обрядов считается святым. Человеку, подозреваемому каком-либо преступлении давали, съест черствую корку хлеба, если он давился, значит виноват. Святой хлеб сам указывал на преступника.

Наряду с хлебом одним из важных продуктов питания англичан была рыба: лосось, форель, карп, сёмга, треска. Национальное блюдо «*fish and chips* – мохй бо картошкабирён» [155, с.154] (рыба с картофелем) считается одним из любимых блюд британцев.

В Англии многие блюда получили названия по месту происхождения продуктов, например: *йоркширский пудинг, индийское кофе*. и т. д.

Пища у англичан достаточно проста, есть еда домашняя и традиционная. Наиболее обычный приём пищи англичан, это – завтрак, ланч, чай и обед. В последнее время англичане предпочитают «Грейт-Бритиш» – «*tea* – чай» [150, с.387], «*beefsteak* – як порча гўшти лахми бирён [155,90] (бифштексы), «*chips* – картошкабирён» [155, с.154] (чипсы, жареная картошка) и т. д.

В Англии в XV веке приобрела популярность различного рода блюд из мяса молодых бычков, особенно «*steak* – тикаи гўшт (гов) [155, с.788] стейк» [150, с.477]. Англичане употребляют очень много мясных продуктов: «*beef* – гўшти гов» [155, с.90] (говядина) [159, с.42], «*veal* – гўшти гўсола (телятина)» [159, с.429], «*lamb* – гўшти барра» [155, с.469] (мясо молодого баранина) [159, с.217], «*pork* – гўшти хук» [155, с.622] (свинина) [159,285]. Больше всего англичане запекают мясо с кровью или нарезают на стейки, а затем жарят на сковороде. К мясу подают разнообразные соусы, а на гарнир – овощи или картофель.

Традиционными британскими блюдами являются *fish* – рыба и *chips* -чипсы, картофельная запеканка с мясом и пюре. Англичане очень любят супы-пюре или бульоны, но при этом не привыкли использовать слишком большое количество приправ или специй.

Многие англичане выбирают здоровую пищу, часто готовят разные *stake* – стейки. Овсянка прочно вошла в жизнь англичан как традиционная пища. Фраза "овсянка, сэр!" в Англии до сих пор считается актуальной. Родиной овсянки считается Шотландия, где её употребляют без всяких добавок. Действительно «*oatmeal* – овсяная каша» [150, с.323] является традиционной пищей всех англичан. Многие из них стали вегетарианцами и предпочитают разнообразные овощные блюда.

К середине XVI века Англия вошла в число ведущих стран Западной Европы, это время правления Елизаветы I. За этот период в Англии сложились определенные кулинарные традиции, даже были изданы сборник рецептов по приготовлению пищи.

Согласно М.В. Третьяковой «Исходя, из сборника для аристократов предусматривались две подачи: две блюда на обед и две блюда на ужин. На обед предпочиталось *похлёбка* или *бульон, отвар* или *отварное мясо, свинина, ростбиф, жареная телятина*. Вторая подача состояла из жареного ягнёнка, кролика, оленина, пирога. На ужин первой подачей должны были быть *похлёбки* или *бульон, свежие ножки, телятина, ягнятина*. Особое место занимала *дичь – оленина*. Среди англичан особой популярностью пользовались *цыплята*» [120, с.41-42].

Как и в Европе, англичане строго придерживаются определенного времени приёма пищи. Если в обычных странах люди принимают пищу три раза в день: *breakfast*– завтрак, *dinner*– обед, *supper*– ужин и иногда полдник, то в Англии все по-другому, оно происходит пять раз. С утра завтрак, в половине второго дня *lunch* (ланч) – или второй завтрак, далее не сытный обед или чаепитие в пять часов вечера, после чего, в семь часов – ужин.

Обычные приемы пищи англичан известны своими традициями, на завтрак – «*tea* – чай» [150, с.502], «*fish and chips* – рыба с картошкой» [162, с.13]. В Англии принято пить чай с различными добавками, в частности с молоком, однако англичане не любят пить чай с лимоном.

Британский завтрак традиционно очень сытный. Англичане завтракают дома очень плотно и сытно, и это традиция сложилась с начала XX в. когда, рабочие, уходя на работу рано утром и возвращались поздно вечером, а обедов на фабриках не было. С тех пор условия жизни англичан более изменилось, а традиция «плотного завтрака» осталась. На завтрак англичане предпочитают *яичницу с беконом в соусе и чай*. Различные сэндвичи и омлет употребляют редко, хотя в прошлом столетии употреблении овсянки занимало особое место.

Ключевые компоненты завтрака по-английски *breakfast* –завтрак, который начинается в 7-8 часов утра, состоит из следующих блюд: «*bacon* – бэкон, грудинка» [150, с.40], «*eggs* – яйца» [150, с.151] (омлет или всмятку, жареные), «*oatmeal* – овсяная каша» [150, с.323], «*sausage* – колбаса сосиска, сарделка» [150,427] (из мяса коровы либо свинины), «*fish* – рыба» [150, с.180] (жареная), «*mushrooms* – грибы» [150, с.310] (жареные), «*tomatoes* – помидоры» [160, с.516] и «*potatoes* – картофель»[160, с.367].

Английский *lunch* считается как второй завтрак, который начинается с 11 часов и состоит из яйца, кусочка мяса или ветчины, либо омлета. Второй завтрак, как правило, включает в себя соки и горячие напитки, дополненные сэндвичами с самыми разными начинками (буженина, рыба, овощи, ветчина, паштет). Начиная с пяти часов вечера, англичане пьют чай, который называется *five o'clock*. Обычно к чаю подают бутерброды, классические *булочки* – «*scone*» [150, с.430], отличаются различными начинками. Традиционным для пятичасового чаепития стал кекс к чаю. Это время святое, что бы ни происходило в мире, миллионы британцев, от клерка до королевы, непременно пьют чай. Даже если вы по уши в безотлагательной работе, не пытайтесь заставить ваших английских коллег отказаться от ритуала бесполезно.

Пятичасовое чаепитие так прочно вошло в плоть и кровь нации, что трудно поверить в его не столь уж почтенный, по английским меркам, возраст. «*Five o'clock*» ввела в моду Анна Мария, герцогиня Бедфордская, придворная дама королевы Виктории, в 1840 году.

Ужин – *dinner* и *supper* у англичан представляет едва ли не самый питательный из всех приемов пищи. Обычно, на ужин англичане употребляют «*roastbeef* – ростбиф», «*beefsteak* – бифштекс», а также «*steak* – стейк», «*fish and chips* – рыба с жареной картошкой», «*soup* – суп пюре». Преимущественно, англичане питаются различными кашами и пудингом. В английском языке слово *pudding* – пудинг, запеканка; сладкое (блюдо) [150, с.383] ассоциируется как «третье блюдо». В конце трапезы, на десерт англичане подают различные сорта пудинга. История появления пудинга– «*pudding*» в Англии относится к XVIII веку. В период правления королевы Виктории *pudding* – пудинг готовили из муки, жира, фруктов и различных специй. Сливовый *pudding* в Англии считался самым распространенным. Символом графства Ланкашир в 30-е годы прошлого столетия являлся 500 кг *pudding*.

Географическое положение Англии таково, что она со всех сторон окружена морем, что даёт основание англичанам больше употреблять морепродукты, которые в основном вошли в постоянный рацион питания. Наряду с морепродуктами в основной пищевой рацион англичан входят молочные, мясные и злаковые культуры.

История появления продуктов питания в Англии возникла на английской национальной традиции. Названия большинства блюд, были заимствованы из библейской и античной мифологии, и эта категория английской лексики, обладает международной семантикой. Многие наименования пищевых продуктов у англичан являются культурными реалиями. При переводе наименования продуктов на другой язык эта категория лексики выступают в качестве антонимии. Лексика, которая относится только к английской современной кухне, не переводятся на другие языки, и вошли в современную лексику не только таджикского языка, но и в кухне других народов. Например: *hot-dog* – ход-дог, *hamburger* – гамбургер; бифштекс [150, с.214], *cheeseburger* – чизбургер [150, с.78], *sandwich* – сендвич, бутерброд [150, с.426] и т.д.

В современной лексике наблюдается тенденция исчезновения или выпадения многих наименования национальных блюд, что отмечается постепенным переходом из активного словарного запаса в пассивный. Наблюдается и обратный процесс, что многие лексемы наименования food (пища) возвращаются в активный словарный запас языка.

В воскресные дни англичане традиционно готовят сытные обеды – Sunday Roast Carvery, который состоит обычно из мясных приготовлений и йоркширского пудинга. Во многих странах унаследовали английскую традицию воскресного обеда. Англичане в воскресные дни готовят в основном мясные блюда из говядины, баранины, свинины. В воскресенье могут приготовить индейку, жареную рыбу.

Необходимо отметить, что лексика английских блюд: *beefsteak* – бифштекс [155, с.90], *romsteak* – ромштекс [196], *roastbeef* – ростбиф [150, с.417.], *hamburger* – гамбургер [155, с.387], *cheeseburger* – чизбургер [150, с.78.], *steak* – стейк, кусок мяса для жарки [159, с.370] вошли в меню многих европейских стран.

В английском языке приём пищи людьми и приём пищи животными обозначает только одно слово «*eat*», а слово «*fressen*» – приём пищи животными».

Пицца завоевывает страны и народы, одним из показателей современности является быстрое распространение фастфудов и Макдональдов, которые вытесняют национальную пищу.

Выводы по первой главе

Каждая нация имеет веками сложившиеся традиции, связанные со способом приготовления и употребления продуктов питания, которые дошли до сегодняшнего дня. Выражения и лексика с наименованиями продуктов питания систематически обогащали лексический запас языка национальностей. Таджикский язык принадлежит к числу языков с богатой литературной традицией, и как основная форма национальной культуры обслуживает все сферы

жизни и деятельности таджикского народа.

В этой главе дается краткое систематическое описание понятия слова, описание структуры и системы в лингвистических взглядах не только отечественных, но и зарубежных языковедов. Взгляды языковедов на «семантическое поле», который представляет собой одну из форм систематизации языкового материала в системе языка. Раскрываются особенности употребления пищевой лексики, основных источников становления и развития лексики наименования «хӯрок – food (пища)» в таджикском и английском языках. Используются двуязычные и многоязычные толковые словари, научные произведения персидских, таджикских, русских и английских учёных. Особенно освещены лексические единицы, относящиеся к таджикской и английской кухни, а также истории появления не только лексики, но и продуктов питания в разноструктурных языках.

В первой главе диссертации рассматривались теоретические проблемы изучения лексики наименования хӯрок – food (пища) в таджикском и английском языках. Эта часть лексики прежде всего исследовалась в этнолингвистическом аспекте. Наряду с этим, стало известно, что произведений и глоссарии древнего, среднего и нового периода оказали огромную роль в зарождения и развитие лексических единицах, относящихся к «пище» в сравниваемых языках.

ГЛАВА II. СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ НАИМЕНОВАНИЯ «ХҮҶОК – FOOD (ПИЦЦА)» В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

История лингвистической науки, особенно история изучения словарного состава языка требует систематического исследования всей совокупности слов данного языка. Бесспорно, на базе живой таджикской речи, создавался современный литературный таджикский язык.

За многие тысячелетия существования кулинарной лексики происходили изменения лексики, в связи с чем оказалось возможным выявить принципы номинации как в плане диахронии, так и в плане современного состояния языка. Основные принципы номинаций особенно отчетливо прослеживаются на примере названия кушаний. Это наименования по основным продуктам, идущим на изготовление пищи, сходству и форме, способам потребления и приготовления, орудиям изготовления, наименования, связанные с топонимикой и ономастикой.

Распространение и влияние арабского языка связано с экспансией арабов эпохи халифата и их ролью в создании религиозной и культурной общности на обширной территории Хорасана и Меварауннахра. Наряду с арабским языком, исторические корни таджикского языка связаны с группой иранских языков, особенно с западной ветвью, которая считается продолжением древнеперсидского и новоперсидского, и входят в большую семью индоевропейских языков.

Пицца с периода появления человечества является источником информации об историческом прошлом народа, его культуре, бытие и языке. О пище древних таджиков имеются данные в древнеримских и греческих источниках. Наиболее древними зерновыми культурами являются пшеница и ячмень, которые выращивались населением Востока. Страбон еще в I в. н.э. писал о разведении риса и винограде в Бактрии, что подтверждает другой римский историк Секунда [140, с.5].

В авестийских источниках хлеб как основной источник питания, считается священным. Археологические раскопки и найденные засохшие зерна, пшеницы, ягоды винограда, косточки урюка, ореха, а также танура (тандура) (печь для

выпечки изделий из теста) относящиеся к V-VIII вв. дают основания о возделывание этих продуктов питания на территории Средней Азии.

В связи с развитием общественного строя, с учетом развития лексикологии таджикского языка исследуемой сферы, необходимо придерживаться следующей периодизации истории развития лексики наименования «хӯрок – food (пища)»:

1) Период арабского завоевания территорий Хорасана и Меварауннахра начиная с VII – XI вв. из арабского в таджикский язык проникло огромное количество лексики наименований хӯрок – food (пища). Путём слияния арабов с местным населением наблюдалось множество внедрение арабизмов в таджикскую лексику, например: «*хамир* – dough (тесто)», «*қанд* – sugar (сахар)», «*қаҳва* – coffee (кофе)» [88, с.213] и т.д.

2) Наряду с экспансией тюрков в XI–XIII вв. на территории Мевареуннахра в таджикский язык проникло множество тюркской лексики с наименованием различных блюд: *угро*, *чебурек*, *шашлык* и т. д. Слово [*hilva*] – арабского происхождения, через турецкий [*chelwa*] проникло в таджикский язык как *ҳалво*.

3) Таджикская лексика обогащалась и путём приготовления различных травяных блюд для больных, большая часть которых была введена в оборот энциклопедистом Абу Али Ибн Сина (Авиценна) еще в XIII-XIV вв., рецепт приготовления которых отражены в сочинении «Канонах» по медицине. Русский этнограф Н.Н. Ершов собрал огромное количество рецептов травяных блюд (более 350), которыми пользовались горные таджики с периода Авиценны [64, с.257-289].

4) Огромное количество лексики с наименованием «хӯрок– food (пища)» в таджикский язык проникли начиная с 20-30 гг. XX в. и к концу 80-х XX в. т.е. в советский период. В этот период наблюдается активный поток проникновение русских лексических заимствований, как правило, чаще в разговорной – нелитературной речи, чем в письменном литературном языке, например: *бублик*, *коржик*, *пирожки*, *пирог*, *бориц*, *печенье* и т. д [44, с.14].

Обогащение таджикской лексики зависит и от географического региона. С учетом климатических условий Таджикистана, готовятся традиционные национальные молочные, молочно-масленные и мясные блюда, наименования которых практически отсутствовало в городах, например: «*курутоб* – cheese meal» [176, с.408] (блюда из домашнего сушеного сыра), «*ширбиринч* – dairy rice porridge» [176, с.799] (молочная рисовая каша), «*мошкичирӣ* – moshkichiri, porridge from wave» [176, с.476] (каша с машем) и т.д.

В исследовании нами изучена история и роль лексики наименования «пища» в различные периоды развития, их вкладе в обогащении словарного состава современного таджикского и английского языков.

2.1 Формально-структурная классификация лексики наименования «хӯрок – food (пища)» в таджикском и английском языках»

При системном описании состояния языка центральное место должна занимать наука о формах и типах слов – словообразование и словоизменения [136, с.192].

Согласно Б.Н. Головину «Словообразование как одна из молодых наук занимает промежуточное положение между лексикологией и морфологией. Словообразование – это, во-первых, совокупность действующих в языке правил и способов образования новых слов на основе уже имеющихся и, во – вторых, наука о том, как образуются новые слова» [42, с.128]. В истории своего развития каждый язык выработал свою словарную систему, служащую для названия предметов явлений материальной действительности, а также отношения между ними.

Словообразование является одним из основных средств пополнения словарного состава новыми словами, а производные слова могут быть предметом различных лексических и лексико-семантических классификаций. Например, могут быть изучаться, роль словообразовательных средств в рамках определенных группировок лексики, семантических полей.

Словарный состав языка включает родственные слова, которые произведены друг от друга и в таджикском и в английском языках, например: *дона – донагӣ, ҳасиб – ҳасибча; sweet – sweetness, honey – honeyed* и т. д. В каждой приведенной паре примеров, основа одного слова является производящей по отношению к основе другого слова. Основа таджикского слова «дона» по отношению к основе слова «дона+гӣ», в английском слова «sweet» по отношению к основе слова «sweet+ness». Соответственно – основа каждого другого слова оказывается производной, точнее произведенной полученной от производящей основы путём тех или иных её изменений [42, с.128].

Та лексика, которая относится к наименованиям «хӯрок – food (пища)» в таджикском и английском языках, классифицирована согласно её структуры и отнесённости к следующим лексико-семантическим полям: 1) лексико-семантическое поле (ЛСП) «нон ва маҳсулоти нонӣ – bread and products made of bread (хлеб и хлебобулочные изделия)» 2) ЛСП «хӯрокҳои якум – first dishes (первые блюда)», 3) ЛСП «хӯрокҳои дуюм – second dishes (вторые блюда)», 4) ЛСП «шириниё – desserts (десерты)», 5) ЛСП «маҳсулоти ширӣ – milk and dairy products (молочные продукты)», 6) ЛСП «нӯшокиҳо – drinks (напитки)» 7) ЛСП «меваҳо ва сабзавот – fruits and vegetables (фрукты и овощи)».

2.2 Структурный анализ однокомпонентной лексики наименования «хӯрок– food (пища)» в таджикском и английском языках»

В этом разделе анализируются однокомпонентные лексикой наименования «хӯрок – food (пища)» согласно их структуре и отнесённости к лексико-семантическим полям.

2.2.1 Структурный анализ однокомпонентной лексико – семантического поля (ЛСП) «нон ва маҳсулоти нонӣ – bread and products made of bread (хлеб и хлебобулочные изделия)»

Хлеб – один из древнейших видов пищи таджиков. Хлеб таджики изготавливают из *гандум* (пшеница), *чав* (ячмень), *чугорӣ* (кукуруза) и других злаков. Хлебные изделия — пищевые продукты, получаемые методом выпекания из теста (состоящего как минимум из муки, воды и соли), разрыхлённого дрожжами или закваской. К ним относятся хлеб, булочные изделия, изделия пониженной влажности, пироги, пирожки, пончики и т. д.

Формально-структурный анализ монокомпонентной лексики сравниваемых языков разрешил разделить лексические единицы по группам согласно их структуре и установил число каждой из этих групп:

1. Простые лексические единицы. Эти лексические единицы состоят только из корня. Корень – это та часть лексической единицы, которая несет основной смысл. Слово без корня не может существовать. Тогда как приставки и суффиксы – необязательная часть, однако прибавляясь к корню, именно они помогают образовать новые слова. К данному полю их вклад составляет приблизительно 22% от общего количества анализируемых лексических единиц: «*кулча* – cake [176, с.388] (торт, кекс, пирожное)», «*кӯмоч* – kutoz, unleavened scon`s baked on coals or in ashes» [176, с.392] (толстая пресная лепёшка, выпеченная на золе), «*лочира* – lochira (лочира)» [70, с.246], «*нон* – bread (хлеб, лепешка)» [162, с.50]: < *Сипас, нонҳои пухтаро дар табақ мекашанд. Дар боляш кабудӣ (пиёзи сабз, гашиз, шибит, райхон) реза карда, мепошанд* [190, с.51] – *После, мелко крошенные лепешки кладут на блюда (деревянная посуда). Мелко нарезав зелень (зеленый лук, кинза, укроп, базилику) посыпают ее сверху;* «*сам(н)бӯса (самса) – pie (самбуса)*» [176, с.623]; < *Фарш готовится из отваренного в подсоленной воде очищенного картофеля, который протирают с добавлением пассированного лука и соли. Самсу жарят во фритюрнице* [70, с.232]; < *Модар санбӯса мепечонду ӯ аз дур наззора ва ҳавас мебурд. «Тамошогар нашав, биё, ёрӣ расону ёд гир», – мегуфт модар* [195, с.37] – *Мать заварачивала санбусу, а она смотрела издалека. «Не будь зрителем, подойди, помогай и учись», — сказала мать;* «*фатир* – azymouz, unleavened bread» [176, с.703] (пресный о

тесте); «*bread* – нон; ғизо» [155, с.116] (хлеб, булка) [150, с.58]: < *I remember quite well how I used to tell her that I did not want to eat my **bread** in sorrow, or to pass any night weeping and watching for a more bitter dawn* [56, с.284] – Я хорошо помню, как я говорил ей, что не хочу вкушать свой **хлеб** в печали или проводить ночи в слезах и в ожидании более горького рассвета.; «*bun* – нони камоч, нони гирдшакл, кулча, як наъви кулча» [155, с.125] (сдобная булка) [150, с.63], «*farl* – нони тунуки чавин (тонкая овсяная лепешка)» [162, с.12], «*loaf* – нон, гирдаи нон, як адад нон; ҳар тикаи моддаи хӯроқӣ шакли тика» [155, с.491] (батон, буханка) [150, с.278].

2. Простая производная лексика. Производные лексические единицы в обоих языках образуются посредством морфологического и аффиксального способа словообразования. Самым распространенным способом словообразования современной лингвистики является морфологический способ: аффиксация, словосложение, конверсия и аббревиация. Словообразовательные способы в настоящее время различаются с опорой на словообразовательные средства, при помощи которых образуются производные слова. Принято разграничивать аффиксальные, безаффиксальные и смешанные способы словообразования.

Аффиксальный способ словообразования таджикского и английского языков играет значительную роль в образовании групп имен прилагательных и существительных. Присоединяемые к началу производящей основы аффиксы, в сопоставляемых языках бывают двух типов: суффиксы, присоединяемые к концу производящей основы, и префиксы.

Согласно Головина «Аффиксальный (морфологический) способ словообразования представляет собой следующие способы образования слов, путём: 1) префиксов; 2) суффиксов; 3) префикс + суффиксов» [42, с.130]. Аффиксальный способ, который является одним из продуктивных и представляет собой процесс образование новой лексики при помощи прибавления к корневым основам префиксов и суффиксов.

Наиболее продуктивным способом словообразования в нашем исследовании является модель «*основа + суффикс*», в результате которой образуется, новая лексическая единица относящиеся к наименованиям пищи. Чем любая другая часть речи, в обоих языках существительные имеют гораздо больше суффиксов. Посредством прибавления разных суффиксов к корневому слову образуются производные существительные. Одним из признаков словообразования существительного таджикского языка, являются суффиксы, выступающие как части речи. Они определяют семантическую группировку. Аффикс – часть слова, присоединяющаяся к корню и приносящая в него грамматическое или словообразовательное значения. Аффиксы, как и корни, характеризуются наличием определенного значения и повторяемостью, т.е. употреблением с одним и тем же значением в ряде слов. В отличие от корня аффиксы не могут выражать вещественного значения. Они уточняют вещественные значения корня и указывают на отношение слова к другим словам. Это особенность значения аффиксов, определяет невозможность их самостоятельного без связи с каким-либо вещественным значением употребления. Их вклад в данное поле составляет около 13% от общего количества исследуемых лексических единиц. Например: «*гирдача* – flat bread (лепёшки гирдача; круглый, толстостенный хлеб)» [162, с.35], «*самрӯ* – flat bread (лепешки из пшеничной муки)» [162, с.56], *чапоти* (нони тунук) – chapoti, thin bread (тонкая лепёшка)» [162, с.63]: < *Ин тавр ки бошад, ту аз ин як қабза дунбулбирёнат ҳам сер намешавӣ, аммо агар онро бо нимта **чапоти** бихӯрӣ, сер мешавӣ* [113, с.30] – *Если так, то одним дунбулбирёном сытым не станешь, если съедите его с половинкой **чапоти**, то будете сыты;* «*cracker* – кулчаи хурд, бисквити бешакар (крекер, дробил)» [155,204], «*cracknel* – бисквит, печени хушк, нони хушк» [155, с.204] (сухое печенье, крекер) [150, с.108].

(1) префиксальная модель.

В образовании лексики наименования пищи в сопоставляемых языках префиксация играет существенную роль. В таджикской лингвистике

префиксальная система ещё не нашла своего полного отражения, и она мало изучена.

Согласно Г. Марчанд «префикс – это такая морфема, которая присоединяется к слову – to full words» [107, с.45]. О.Д. Мешков в своей работе «разделяет английские префиксы на исконные – заимствованные; транспонирующие – не транспонирующие; отрицательные – неотрицательные; одновалентные – многовалентные» [79, с.90-99].

Словообразовательная парадигма таджикского языка богата префиксами. В классе имен префиксы *бо-* и *бе-* путём присоединения к существительным «мазза – taste (вкус)» [175, с.430] или «таъм – taste (вкус)» [175, с.676] придаёт значение обладания или отсутствия признака или свойства: *бо+мазза* (вкусный) – *бе+мазза* (безвкусный) (синоним) *бо+таъм* – *бе+таъм*.

Выше указанный префикс *бе-* таджикского языка соответствуют суффиксу – *less* английского языка и образует отрицательное прилагательное и указывает на отсутствие, отрицание у прилагательного качества продукта *taste+ less = tasteless* – *бе+мазза*, *бе+таъм* (без+вкусный) [155, с.825]: < *They say it`s unimaginable, boring, tasteless, it`s chips with very thing and totally over cooked vegetables* – Они говорят, что она невозможна, безвкусна, что это – чипсы ко всем блюдам и ужасно переваренные овощи [65, с.198].

(2) суффиксальная модель. Образование новых слов в языке может приводить не только к изменению значения, но и менять части речи. В этой функции чаще выступают суффиксы. Прибавляясь к корню, они переводят слово из одной части речи в другую, например, делают из существительного прилагательное и т.п.

В данное поле их вклад составляет 10% от всех анализируемой лексики. Например: «гирдача – flat bread (лепёшки гирдача; круглый, толстостенный хлеб)» [162, с.35]:< *Гирдачаҳои гарми танӯриро ба ин хӯриш тар карда, тановул намудан лаззати нотакрор дорад* [190, с.49] – Неповторимое удовольствие доставленные из печи горячие лепешки гирдача окунуть в это блюдо и съесть);

«*sampī* – flat bread (лепешки из пшеничной муки)» [162, с.56], «*чaпoтӣ* (нони тунук) – *chapoti, thin bread* (чапоты, тонкая лепёшка)» [162, с.63]: < *Восеъ на он қадар аз асари гуруснагӣ, балки бештар барои хоҳари дӯстдоштаашро наранъондан **чапотихоро** аз ӯ гирифт* [113, с.30] – *Восеъ не столько из-за голода, а сколько из-за того, чтобы не обидеть любимую сестру взял у нее лепешки **чапоту***); «*cracker* – какулчай хурд, бисквити бешакар» [155, с.205] (крекер, сухое печенье)[150,108], «*cracknel* – бисквит, печени хушк, нони хушк (сухое печенье)» [162, с.10], «*pastu* – пирог, пай, пайи гӯштдор» [155, с.592] (тестообразный пирог) [159, с.271].

Английский суффикс – *less* путём прибавления к существительному «*flavour* – маза, таъм; бӯй (вкус; запах)» образует новое существительное «*flavourless* – бемаза, бетаъм (безвусный)» [155, с.331].

Словообразовательный суффикс прилагательного *-ous* английского языка, указывает на наличие превосходство признака предмета, путём присоединения к существительному «*farina* – орди нарм; ношоста» [155, с.313] (мука, крахмал) – *farina + ous = farinaceous*–ордӣ, орднок [155, с.313] (мучнистый) [150, с.173]. В некоторых случаях, в английском языке в процессе присоединения прилагательного *natri* (питательный) к суффиксу *-ous*, слово не меняет свое значение и образует другое прилагательное. Например: *natri* – серғизо (питательный) + *ous = natrious* – серғизо (питательный) [159, с.256].

Словообразовательный суффикс *-y* английского языка путём присоединения наречий указывает на качество предмета: *good* – хуб (хорошо) – *good + y = goody* – ширинӣ, қанду ширинихо [155, с.372] (конфета, леденец сладость) [162, с.15]; *milk* – шир (молоко) + *y = milky* – ширӣ, ширмонанд [155, с.521], (молочный) [150, с.297]; *sugar* – қанд (сахар) + *y = sugary* – ширин, лазиз, болаззат, қандин, аз наъд зиёд ширин [155, с.807] (сладкий, сахарный) [159, с.378]; *taste* – таъм, мазза (вкус) + *y = tasty* – хӯшмаза, лазиз, нӯшин [155, с.825] (вкусный); *salt* – намак (соль) + *y = salty* – шӯр (соленый) [159, с.333]; *past* – хаамири ширинипазӣ (тесто

для выпечки) + *y* = *pastry* – пайи гӯштор [155, с.592] (тестообразный, пирожок) [150, с.344].

Существительные *season* – фасли сол (сезон, время года) и *fill* – пуркунанда, пур кардан (наполняться, заполнять) с присоединением суффикса – *ing* образуют новые существительные с наименованием ингредиентов к пище, например: *season* + *ing* = *seasoning* – хӯриш, чошнӣ, забуда, туршӣ [155, с.720] (приправа) [159, с.339].

В английском языке определенной продуктивностью обладают субстантивные английские суффиксы **-ing**: *shorten+ing* – равгани пухту паз (кулинарный жир), *eat + ings* – хӯрок (еда), *pick + ings* – хӯроки боқимонда (остатки пищи), *cook+ing* – пухту паз (раванд ва натиҷа) (стряпня (процесс и результат)) и **-ry**: *pastry* – ширӣ (молочный), *dairy* – пухту паз (выпечка); **-ery**: *butchery* – маҳсулоти гӯштӣ (мясопродукты), *greenery* – кабудӣ (зелень) [155, с.377].

Существительное *dress* – либос, курта (одежда), в процессе присоединения суффикса *-ing* образует блюда *dressing* – хӯриш, адвия [155, с.268] (гарнир) [150, с.144]: < *When serving the rabbit, she spilt a boiling **dressing** over my hand* [56, с.174] – *При подаче кролика она пролила мне на руку кипящий гарнир.*

Существительное *help* – кӯмак, кӯмак кардан (помощь) путём присоединения суффикса – *ing* образует отдельную часть целостности пищи или блюда: *help + ing* = *helping* – сахм, табақ, коса (хӯрок) [155, с.399] (часть, порция) [159, с.181]: < *Give me another **helping** of porridge, please* – *Лутфан, ба ман боз як табақ шӯла диҳед.* [155, с.399] – *Пожалуйста, дайте мне еще одну порции каши.*

(3) префиксально-суффиксальная модель. Их вклад в данную микросистему составляет 3% от всей рассматриваемой лексики. Например: *unleavened* – хаамири сахт, фатир (пресный, о тесте) [175, с.703].

По сравнению с префиксальным способом формирований, суффиксальный и префиксально-суффиксальный способ в исследуемой лексикологии представлены достаточно ограниченно. Как выяснилось, префиксальный способ не

продуктивен при образовании данной группы лексики. В английском языке максимальной часто употребляются суффиксы *-er*, *-nel*, *-y* и в таджикском языке. суффиксы *-ча*, *-ӣ*. Необходимо указать, что суффиксально-префиксальный способ образования малопродуктивны в таджикском языке. В данном поле почти все фиксированные таджикские префиксы и суффиксы обладают среднеперсидского генезиса.

В английском языке префикс *in-* имеет греко-латинский генезис, т.е. является интернациональным, и он зарегистрирован как исконным аффиксом. Однако суффиксы *-er*, *-nel* обладают греческим генезисом.

Сложная лексика. Одним из наиболее древних и, по-видимому, универсальных способов словообразования является словосложение. Этим объясняется постоянный интерес ученых к проблемам словосложения вообще и в англистике в частности, тем более что активный уже в древнеанглийском языке этот способ порождения слов не утратил своей активности и в настоящее время. Более одной трети всех новообразований в современном английском языке являются сложные слова. Словосложение имён существительных в таджикском языке образуются путём сочетания двух и более корневых слов простым примыканием или же с помощью соединительных элементов и словообразующих суффиксов. По образованию сложные имена делятся на две группы: 1). Слова, обе части которых равноправны и не зависят друг от друга. 2). Слова, в которых одна часть сложения зависит и определяется другой части [55, с.438]. В первую группу входят имена действия, имена состояния и слова с собирательным значением, например: *пухту наз*, *ошпазӣ* – cookery (кулинарии, стряпня) [162, с.58], *чойнӯшӣ* – tea-party (чаепитие) [162, с.66].

Сложные слова второй группы образуются без соединительных элементов. Их вклад в данную микросистему в процентном соотношении составляет около 11% от общего числа рассматриваемой лексики привлечённому анализу. Например: «*карамиӯрбо* – cabbage soup (борщ, щи, суп с капустой)» [162, с.42]; «*ордоба* – flour soup (мучная похлёбка)» [162, с.53], «*ширкаду* – pumpkin soup with

«milk» [176, с.800] (тыква, сваренная в молоке) [149, с.362], «*ширбиринч* – dairy rice porridge (молочная рисовая каша)» [162, с.65], «*чормагз* – walnut (грецкий орех)» [162, с.63] < «*Дар бог Ризо дар байни шохҳои дарахт истода чормагз меафшонд, дид ки Гулзизор ҳам ба дарахт часпида баромаданист*» [113, с.171] – *В саду Реза стоял между ветвями дерева, стряхивая орехи, и увидел, что Гулизар тоже пытается залезть на дерево;* «*зардолу* – apricot (абрикос)» [162, с.39], «*бодинчондӯлма* – stuffed cabbage from an eggplant (голубцы из баклажана)» [118, с.14], «*мурғишӯрбо* – chicken soup (куриный суп)» [162, с.49], «*курутоб* – cheese meal» [176, с.408] (блюда из сушеного сыра) [162, с.45] и т.д.

1. **N+N:** «*bread-stuffs* – гандум, орд; навъҳои гуногуни нон (пшеница, мука; сорта хлебов: различные хлебные продукты)» [162, с.7]: < *Маҳсулоти нони имрӯза бо хамирмояи сунӣ омода мешаванд, ки ин низ бетаъсир намемонад* [191, с.30] – *Хлебные продукты в наши дни, изготавливаются на искусственных дрожжах, что не остается без влияния;* «*doughnut* – ширинӣ, кулчаи ширин, нони равғани ширин; кулчақанд (пончик, пышка)» [162, с.12], «*hoe-cake* – нони чуворӣ (кукурузный хлеб)» [162, с.17], «*barley-bread* – нони чавин (ячменный хлеб)» [162, с.5].

2. **Adj+N:** «*shortbread* – нони кӯмоч, кулча, кекс (песочное печенье) [162, с.26].

Таким образом, наиболее частой моделью сложной лексики данной группы является модель N+N и Adj+N. В ходе морфемного-структурного анализа лексико-семантической группы наименования «*нон ва маҳсулоти нонӣ* (хлеб и хлебобулочные изделия)» сопоставляемых языков были выявлены, что наибольшей частотой использования различается суффиксальный способ словообразования (4 зафиксированных случаев) и наименьшей частотностью охарактеризуются префиксально-суффиксальный способ (2 зафиксированный случай). Не продуктивным оказалось префиксальный способ.

Следует указать, что словообразовательные префиксы *бо-* *бе-* таджикского соответствуют суффиксам *-less* и *-у* и префиксу *in-* английского языка и служат

для образования прилагательного, выражающего наличие качественного признака, прибавляются к существительным, например: «*бомазза* – *tasty* (вкусный)» [162, с.36], «*бемазза* – *tasteless* (невкусный)» [162,36], «*бенамак* – *unsalted*» [176, с.119] (малосольный) и т.п.. Английский префикс *in-* чаще всего присоединяется к словам и характеризует отрицательное качество продукта, например: *underdone* – нимхом, нимпаз, нимбирён [155, с.876]. Словообразовательный префикс английского языка *non-* указывает на отсутствие, отрицание какого-либо ингредиента в составе продукта либо напитка, например: *non-alcoholic* – нӯшокии ғайриалкулӣ (безалкогольный) [159, с.253].

2.2.2 Структурный анализ однокомпонентной ЛСП «хӯрокҳои якум – first dishes (первые блюда)» в таджикском и английском языках

Неотъемлемой частью рациона считались «первые блюда». Слово «первый» считался как «главное» блюдо. Как известно, первые блюда подают вторыми, после салатов или холодных закусок. Суп в нынешнем виде достаточно молодое блюдо – ему всего около пятисот лет. Формально-структурный анализ однословной лексики позволил разделить лексических единиц указанного поля по группам согласно структуре анализируемой лексики и установить число каждой из этих полей.

1. Простая лексика. Число простых лексических единиц в данном поле составляет около 10%. от всего количества анализируемой лексики: «*қавурма* – *fry-up soup* (суп на поджарке)» [70, с.74], «*угро* – *noodles soup*» [176, с.630](угро, суп с лапшой) [162, с.58]: < – *Дуруст, мисле, ки мегӯянд: агар угроро дар рӯи тахта буред, мизочаи сард, агар дар рӯи суфра буред, мизочаи гарм мешудаст* [190, с.10] – *Правильно, если угро нарезать на деревянной подставке, то она имеет холодную натуру, а если на сурфе, то тёплую натуру;* «*ӯмоч* – *umoch, soup with small corpuscle from dough*» [176, с.695] (умоч, суп с мелкими клецками из теста) [162, с.59]: < *Умочи мардуми Айни бо он фарқ дорад, ки ба он боқило ҳамроҳ мекунад* [190, с.10] – *Умоч населения Айни отличается тем, что к нему*

добавляют сорт крупной фасоли; «шӯрбо – vegetables soup, broth (суп, шурпа)» [162, с.66]: < Ба занҳо бигӯ, даррав як коса **шӯрбои** тунди серпиез бипазанд. Агар дошта бошанд, шалғаму сабзӣ ҳам андозанд [113, с.64] – Скажи женщинам, чтобы приготовили одну чашку лукового **суп**. Если имеется, то пусть кладут репу и морковь); «ҳалим – halim, wheat porridge (пшеничная каша)» [162, с.62]; «soup – шӯрбо (суп)» [162, с.26], «broth – гӯштоба, шӯрбо» [155, с.121](мясной суп, мясной бульон) [162, с.8].

2. Простая – производная лексика. В процентном соотношении их вклад в состав микросистемы ЛСП первых блюд составляет около 7 %. от всех рассматриваемой лексики. Например: «гандумбо – wheat porridge (пшеничная каша)» [170, с.310], «зирабо – zirabo, meat soup with cumin (зирабо, мясной суп с тмином)» [169, с.544].

Следующие модели производной лексики были выявлены в микросистеме ЛСП первых блюд:

(1) префиксальная модель: Их вклад в состав микросистеме наименования пищи, относящиеся к первым блюдам и составляет 0% от всей рассматриваемой лексики.

(2) суффиксальная модель: Их вклад в состав микросистемы наименования первых блюд составляет около 7 % от всей рассматриваемой лексики. Например: «гандумбо – wheat porridge (пшеничная каша)» [162, с.35], «зирабо – zirabo, meat soup with cumin (зирабо, мясной суп с тмином)» [162, с.40].

3) префиксально-суффиксальная модель: Их вклад в состав микросистемы, относящиеся к наименованиям первых блюд в процентном соотношении, составляет 0% от всей рассматриваемой лексики.

Известно, что в создании лексики данного поля, префиксально-суффиксальные и суффиксальные морфемы не являются продуктивными в английском и таджикском языках.

Сложная лексика. Общее количество вклад сложной лексики в данном поле составляет около 38%. от всей анализируемой лексики. К продуктивным словообразовательным моделям сложной лексики относятся следующие группы:

а) таджикские сложные лексемы:

1. N+N: «*гӯишторб* – meat bouillon» [176, с.229] (мясной бульон) [162, с.36], «*кадушӯрбо* – soup with pumpkin» [176, с.345] (суп с тыквой) [162, с.41], «*карамшӯрбо* – cabbage soup [176, с.375] (борщ-суп с капустой) [162, с.42], «*лахчакишӯрбо* – soup with pieces of thinly rolled pastry (суп с кусками тонко раскатанного теста)» [118, с.9], «*моҳишӯрбо* – fish soup (уха)» [118, с.9], «*мурғишӯрбо* – chicken soup (куриный суп)» [162, с.49], «*нахӯдишӯрбо* – pea-soup (гороховый суп)» [162, с.50], «*тушберашӯрбо* – meat dumpling soup, ravioli» [176, с.688] (суп с пельменями) [162, с.58].

2. N+N+Suf: «*биринчоба* – rice soup prepared from rice» [176, с.138] (рисовая похлёбка) [149, с.59], «*гӯишторба* – broth (бульон, мясной суп)» [162, с.36], «*пиёзоба* – piyozoba, meatless onions soup (пиёзоба, суп с луком без мяса)» [162, с.55].

3. N+V+Suf: «*моишӯрда* – mung bean and rice soup» [176, с.477] (суп с машем и рисом) [162, с.49], «*гандумчӯшак* – boiled wheat; wheat porridge» [176,186](вареная пшеница, пшеничная каша) [162, с.35].

4. Adj+N+Suf: «*мастоба* – mustoba, soup with rice, fuelled tart milk» [176, с.446] мастоба, (суп мясной, рисовый) [162, с.47].

5. Adj+N: «*хомишӯрбо* – vegetable soup (овощной суп)» [162, с.59]: < *Ҳамсабақон ва омӯзгорони коллеч бо Суман дастархонро оро дода, рӯи онро бо оши палав ва хомишӯрбо зеб доданд* [195, с.36] – *Однокурсники и преподаватели колледжа Сумана украсили стол пловом и овощным супом.*

б) английская сложная лексика:

1.N+Adj: «*soup-pity* –шӯрбои бо сабзавот ва гӯшт пӯхташуда (овощной суп)» [197].

В процессе формально-структурного анализа лексики наименования первых блюд в сравниваемых языках, установлено, что не продуктивными являются морфологические (префиксальный и префиксально-суффиксальный), и минимально суффиксальные (7 зарегистрированных случаев) способы словообразования.

Следовательно, словосложение является самым продуктивным способом (38 зафиксированных случаев) образования лексики в сопоставляемых языках.

Следует указать, что в системе лексики современного английского языка однословные непроезводные глагольные наименования пищи представляющие собой морфологические и семантически немотивированные знаки и с трудом поддающиеся описанию, составляют значительный процент и представленный двумя видами номинаций: собственно лексической, т.е. корневыми наименованиями: «*to eat*» – хӯрдан [155, с.277] (кушать; поесть) [150, с.149], «*to salt*» – намак кардан [155, с.707] (солить, засаливать) [150, с.425].

2.2.3. Структурный анализ однокомпонентной ЛСП «хӯрокҳои дуюм – second dishes (вторые блюда)» в таджикском и английском языках

Второе блюдо, как правило, самое главное, сложное и «весомое» блюдо трапезы, состоящей из нескольких перемен. Собственно, вокруг второго – или основного-блюда формируется все меню обеда. Вторые блюда в основном делятся на мясные, рыбные и овощные, к ним подбирают соответствующие гарниры.

Из анализа лексики, относящиеся ко вторым блюдам выявлено, что эти единицы в зависимости от их формы и структуры можно разделить по группам. Согласно их формам и структуре также можно установить число лексики всех этих полей.

1. Простая производная лексика. В данном поле их вклад составляет приблизительно 11% от всего количества анализируемых лексических единиц. Например: «*дӯлма – goloubets, stuffed cabbage from bulgarian pepper, stuffed*

cabbage-roll (голубцы из болгарского перца)» [162, с.39]; «кабоб – fried meat» [176, с.343] (жареное мясо, жаркое) [162, с.40]; «манту – mantu, large meat dumplings baked by steam (манты)» [176, с.439]: < -Тасаввур кунед, ки шабона **манту** хӯрда бихобед. Шаб, ки вақти фориғу беҳаракатист, ба меъда зӯр меояд [191, с.30] – Представьте, что вы съедите **манты** и ложитесь спать. Ночь время отдыха и бездействия, нагрузка желудку); «палав – pilaf (v) (плов)» [176, с.580]: < Перед гостями и устроителями пирушки выстроился ряд блюд. Это спасло Рахими Канда от мучителей: вкусный дымящийся **плов** они предпочли игре на тамбуре [104, с.17]; «шавла (шӯла) – shavla, rice porridge with meat and carrot (рисовая каша с мясом и морковкой)» [162, с.65]: < **Шӯлаи** тезак ва хӯриши мевагиро, ки гизоҳои сабук ва парҳезӣ мебошанд, чун таоми шомгоҳон пешниҳод намуд [196, с.36] – В качестве ужина предлагал **рисовую кашу** с мясом и морковкой и фруктовый салат, которые являются легкими и диетическими; «basop – гӯшти намакзадаи хук (бекон)» [155, с.78], «ragout – навъи кабоб (рагу)» [155, с.657].

2. Простая производная лексика. В процентном соотношении их вклад в состав поля, относящиеся к наименованиям вторых блюд, составляет 4%. от всей рассматриваемой лексики. Например: «хоним – roll with pieces of meat cooked on steam (рулет кусочками мясо приготовленный на пару)» [70, с.176], «ҳариса – harisa, food made from wheat of a rough grinding meat and grease (пицца из пшеницы грубого помола мяса и жира)» [162, с.62]; «gravy – хӯриши обакии таом, обгӯшт, шираи гӯшт» [155, с.376] (подлива, соус) [150, с.207].

К моделям производной лексики наименования вторых блюд можно перечислить следующие виды:

1) префиксальная модель. В данном поле их вклад составляет около 0% от общего количества анализируемой лексики.

2) суффиксальная модель: В данном поле их вклад составляет примерно 4% от числа анализируемой лексики, например: «ҳариса – food made from wheat of a rough grinding meat and grease (пицца из пшеницы грубого помола мяса и жира) [162, с.65]; «gravy – хӯриши обакии таом, обгӯшт, шираи гӯшт» [155, с.376]

(мясная подлива) [150, с.207]: <On Sunday many families have a traditional lunch consisting of roast chicken, lamb or beef with salads, vegetables and **gravy** [65, с.205] – По воскресеньям многие семьи собираются на традиционный завтрак который состоит из жареного цыпленка. Ягненка или говядины с салатом, овощей и **соуса**

3) префиксально-суффиксальная модель: Их вклад в данную микросистему составляет 0% от числа рассматриваемой лексики.

Наименьшим часто зафиксированным суффиксами в английском языке является – у, а в таджикском языке суффиксы **-ӣ, -а**. Фиксированные таджикские суффиксы имеют среднеперсидский генезис.

3. Сложные термины. В данном поле их вклад составляет около 50% от общего количества анализируемой лексики привлечённых к анализу. Основными словообразовательными моделями наименования вторых блюд сложной лексики сравниваемых языках являются следующие:

а) таджикская сложная лексика:

1. N+N: «барракабоб – lamb kabob» [176, с.91] (шашлык из баранины) [162, с.33], «бодинҷондӯлма – stuffed cabbage from an eggplant (голубцы с капустой)» [162, с.34], «кабккабоб – shish kebab from partridge meat» [176, с.343] (шашлык из перепёлки) [162, с.41], «кукупалов – pilaf with game» [176, с.386] (плов с дичью) [162, с.43], «кӯфтакабоб – dish from meat mincemeat (блюда из мясного фарша)» [162, с.44], «қимакабоб – shish kebab from minced meat (шашлык из фарша)» [162, с.45], «мурэкабоб – roasted hen kebab (meat) (жаркое из курицы)» [162, с.49], «сихкабоб – shashlyk (шашлык)» [175, с.640], «угропалав – pilaf from noodles (плов с лапшой)» [118, с.11],

2. N+Adj: «баррабирён – whole cooked lamb» [176, с.91] (жареный ягнёнок: целиком приготовленная баранина) [162, с.33], «гӯитбирён – roasted meat (жареное мясо)» [162,36], «моҳибирён – fried fish (жареная рыба)» [162, с.48]: <Ҳини **моҳибирён**, агар ба равган каме намак ҳамроҳ кунед, моҳихо чарсаку хушхӯр меоянд [195, с.38] – Если во время **жарки рыбы** в масло добавить немного соли, рыба станет вкусной и хрустящей); «мурэбирён – roasted bird (hen)(жареная

курица)» [162, с.49], «*тушберабирён* – fried meat dumplings (жареные пельмени)» [118, с.11], «*чӯчабирён* – roast chicken (жареный цыпленок)» [118, с.11]: < *Барои хӯроки чошт чӯчабирён омода намуд* [195, с.36] – *На ужин приготовила жаренного цыпленка.*

3. Prefix+N+N: «*бедонакабоб* – shish kebab from quail meat (шашлык из мяса перепелов)» [162, с.33], «*бедонапалав* – pilaf with quail meat, eggs (плов с перепелиным мясом)» [162, с.33].

4. Adj+N: «*лӯлакабоб* – shashlyk of minced» [176, с.423] (шашлык из рубленого мяса (фарша)) [149, с.165].

б) английская сложная лексика:

1. N+N: «*beefsteak* – як порча гӯшти лаҳми бирён (бифштекс)» [155, с.90], «*fishmeal* – моҳии бирён кардашуда (жареная рыба)» [201], «*meatballs* – фелак (тефтели, фрикадельки)» [70, с.66].

2. Adj+N: «*curedham* – рони дудхӯрда (копчёный окорок; ветчина)» [197], «*boiledham* – рони обпаз (ветчина, окорок; отварной, варенный, заварной)» [162, с.7].

В процессе формально-структурного анализа лексики наименования «вторые блюда» в исследуемых языках, были приобретены данные по частотности способов словообразования, употребляемых в указанной группе. В лексике наименования вторых блюд наибольшей частотностью выделяется образования слов посредством суффиксов (5 зарегистрированных случаев) и словосложения (32 зафиксированных случаев). Префиксально-суффиксальный и префиксальные способы являются не продуктивным в данной группе. Следовательно, словосложения являются самым продуктивным в формировании лексики наименованиям вторых блюд в сравниваемых языках.

2.2.4 Структурный анализ однокомпонентной ЛСП «ширинихо – desserts (десерты)» в таджикском и английском языках

Десерт – это группа кулинарных изделий, которые подают в заключении трапезы. Десерты, как правило, это кондитерские изделия, выпечка и сладости. Это завершающее блюдо стола, предназначенное для получения приятных вкусовых ощущений в конце обеда или ужина. Проведённый формально-структурный анализ однословной лексики позволил распределить лексические единицы данного поля согласно структуре анализируемых лексических единиц, установить число каждой из этих групп.

1. Простая лексика. В процентном соотношении вклад простой лексики в данное поле составляет около 34% от общего количества анализируемых лексических единиц: «асал – honey (мёд)» [176, с.58]: < *Фаровони асал аз иқлим, зиёд будани гулу гулзорҳои минтақаи ҷойгиршавии қуттиҳои занбӯр вобаста аст* [191, с.30] – *Обилие меда зависит от климата, о множества и разнообразии цветов в местности, где расположены ульи.*; «аштақ – ashtaқ, a type of sweet (аштак, вид сладости)» [162, с.34] < *Аштақро аслан дар тобистону тирамоҳ тайёр мекунем. Шафтолу, зардолуро пора карда, қабат ба қабат дар дохлаи мағзи чормағзу зардолу мегузоранду ба ҳамин шакл дар ҷои соя мехушконанд* [190, с.10] – *Аштак на самом деле готовят летом и осенью. Персики и абрикосы нарезают кусочками, в них послойно укладывают грецкие орехи и орехи абрикосов и таким способом сушат в тени*; «мураббо – jam (варенье)» [176, с.491]: < *Сипас, бо блендер мурабборо қиём мекунем ва ба яхдон мегузорем* [192, с.51] – *После, взбиваем блендером варенье до сгущения и ставим в холодильник*; «набот – crystal sugar, lollipop (кристаллический сахар, леденец)» [162, с.49]: < *Набот представляет собой крупные бесцветные кристаллы сахара, полученные по специальной технологии* [29, с.46], «нишалло – nishallo, delicacy from sugar mixed with beaten egg-whites and soap root (нишолло, лакомство из сахара яичных белков и мыльного корня)» [162, с.50]: < *Дар охир барои ковок намудани гизои мазкур ба деги нашалло 2 баста ванилинро илова намуда, маҳсулотро ба ҳам меомезем* [193, с.51] – *В конце, чтобы сделать эту еду пористым, добавляем в казан нашалло 2 пачки ванилина и перемешиваем продукты*; «ҳалво – khalva

(халва)» [176, с.744] < *Хаамири одии нонро камтар тунук карда, аз халво қаймоқ омода менамоем ва дохилаш мегузорем, гирдаширо хуширӯ менечонем* [190, с.10] – *Обычное хлебное тесто делаем менее тонким, готовим крема образную халву и кладем его внутрь и красиво заворачиваем; «шоколад – chocolate (шоколад)»* [162, с.65]: < *Пешниҳоди дигари роҳбар, ки мебоист ба қолабрезии шакалодҳо бипардозад, ӯро каме ба ҳаяҷон овард* [193, с.20] – *Ещё одно предложение менеджера, которое заключалось в лепке шоколадных конфет, немного взволновало его; «cake – торт, кулчаканд»* [155, с.130] (торт, пирог, кекс) [159, с.58]: «*charlotte – наъви торт ё кекс (кекс, шарлотка)»* [155, с.149], «*honey – асал, шахд (мёд)»* [162, с.17], «*jam – мураббо (варенье)»* [155, с.453], «*sugar – шакар (сахар, сахарный песок)»* [162, с.27]: < *But nowadays in spite of the fact that the English strictly keep to their meals many people just have cereal with milk and sugar or toast with jam or honey* [65, с.200] – *Но в настоящее время, несмотря на то что англичане очень консервативны относительно своей пищи, многие люди едят только злаки с молоком и сахаром или тост с джемом или медом; «tart – торт, ширинии мураббой (фруктовый пирог, торт)»* [162, с.28].

2. Простая производная лексика. Их вклад в процентном отношении в составе микросистемы, относящиеся к наименованиям вторых блюд, составляет 15 % от всех рассматриваемых лексических единиц. Например: «*пашмак – pashmak, one from national sweets*» [29, с.4] (пашмак – один из таджикских национальных сладостей) [162, с.54], «*cooky – кулчаҳои қандин, нони ширин (печенье)»* [155, с. 194], «*sweetness – ширинӣ, лаззат, маза (сладость)»* [155, с.818].

Моделями производных лексики наименованиям вторых блюд, являются следующее:

1) префиксальная модель: В данном поле их вклад составляет около 0% от общего количества анализируемых лексических единиц.

2) суффиксальная модель: В данном поле их вклад составляет примерно 15% от общего количества анализируемых лексических единиц: «*пашмак – pashmak, one from national sweets* (пашмак, один из таджикских национальных

сладостей)» [162, с.54]: < *Готовый **нашмак** имеет белый цвет, а на разрезе видны ярко выраженные сахарные нити*) [29, с.46], «*ширинӣ – sweetness*» [176, с.800] (сладости, сладкое; сладость) [149, с.362]; «*chocolate – шоколад, ширинихои шоколадӣ*» [155, с.154] (шоколад, шоколадная конфетка) [159, с.69]; «*goody – ширинӣ, қанду ширинихо*» (канфета, леденец сладость) [162, с.15], «*sweetness – ширинӣ, лаззат, маза (сладость)*» [162, с.28].

3) префиксально-суффиксальная модель: Их вклад в данную микросистему составляет около 0% от числа рассматриваемой лексики.

Известно, что в образовании лексики данного поля префиксально-суффиксальный и префиксальные морфемы не являются продуктивными. Наименее частотностью отмечены суффиксы *-ӣ* в таджикском и *-y, -ed, -ness* в английском языке.

Сложная лексика. В процентном соотношении вклад сложной лексики от общего числа лексики указанного поля составляет около 16%. В сопоставляемых языках продуктивными словообразовательными моделями сложной лексики являются следующие виды:

а) таджикские сложные лексемы:

1. N+N: «*гулқанд – candied petal of roses*» [176, с.205] (гулканд, засахаренный лепесток роз) [162, с.36]: < – *Ладно, тогда не в счет правнуков, а просто, бога ради, дайте мне еще кусочек **гулқанда**, а то у меня охладел к пище желудок и совсем пропал аппетит, хоть плачь!* [104, с.14], «*каллақанд – limp of sugar*» [176, с.347] (кусоч сахара) [162, с.42], «*кулчақанд – cookie, biscuit*» [176, с.388] (торт, кекс, пирог) [162, с.43].

б) английские сложные лексемы:

1. N+N: «*grape-sugar – қанди ангур (виноградный сахар)*» [162, с.15], «*honey cake – кулчақанди асалӣ (медовый пряник)*» [162, с.17], «*ice-cream – яхмос (мороженое)*» [162, с.17]: < *So I ordered coffee for me and an **ice-cream** and coffee for her* [56, с.103] – *Поэтому я заказал кофе для себя и **мороженое** и кофе для нее;* «*loaf-sugar – қанди порча-порча (сахар, сладость)*» [162, с.18], «*pancake –*

пенкейк, чалпак» [155, с.585] (оладья, блин) [159, с.268], «*plum-duff* – ширинии мавиздор (изюмное лакомство)» [162, с.22], «*tea-cake* – ширинӣ барои чой» [155, с.826] (булочка) [150, с.502], «*roly-poly* – пудинги мураббой (рулет с вареньем, пудинг с вареньем)» [162, с.25].

2. Adj+N: «*sweetmeat* – хӯроки ширинӣ, халвачот (сладкое блюдо)» [162, с.30]. В процессе формально-структурного анализа лексики наименования десертов в сопоставляемых языках, были приобретены данные по частотности способов словообразования, употребляемых в указанном поле. Установлено, что не все лексикообразующие способы продуктивны. Наименьшей частотностью выделяется аффиксальный (суффиксальный) способ (10 зафиксированных случаев), наибольшей частотностью охарактеризуются словосложение (11 зафиксированных случаев). Такие способы, как префиксация и префиксация-суффиксация не продуктивны в поле, относящиеся к наименованиям «десерты».

2.2.5 Структурный анализ однокомпонентной ЛСП «шир ва маҳсулоти ширӣ – milk and dairy product (молоко и молочные продукты)» в таджикском и английском языках

«Молочные продукты – пищевые продукты, вырабатываемые из молока. Переработка молока в пищевые продукты производится для придания особых вкусовых качеств и повышения устойчивости к хранению. Обычно используется молоко сельскохозяйственных животных, в первую очередь, коров, овец, верблюдов, яков и других» [96, с.43].

Проведённый формально-структурный анализ однословной лексики позволил распределить единицы данного поля по группам согласно их структуре и установить число каждой из этих групп.

1. Простые производные лексемы. В процентном соотношении вклад простых лексических единиц составляет около 24% от общего количества рассматриваемых слов: «*дӯғ* – whey» [176, с.282] (пахтанье, сыворотка) [149, с.115], «*қаймоқ* – cream» [176, с.401] (каймак, сливки) [149, с.382]: <*Қаймоқро бо*

хокаи шакар омехта, хуб лат мезанем ва дар қолаби доирашакл гузошта мударати ним соат дар яхдон нигоҳ медорем [190, с.51] – **Сливки** смешиваем с сахарной пудрой, хорошо взбиваем и выкладываем в круглую форму и держим полчаса в холодильнике; «маска – butter (сливочное масло)» [176, с.444], «панир – cheese (сыр)» [176, с.581]: < Барои таҳияи хогина 3 тухмро бо ду қошук орду ним истакон шир хуб лат зад, 2 ҳасибчаро ҳалқа-ҳалқа бурид ва каме **панирро** аз турбтарошак гузарон [195, с.36] – Для приготовления омлета взбейте 3 яйца с двумя ложками муки и половиной стакана молока, нарежьте 2 колбаски кольцами и натрите немного **сыра**; «чакка – strained sour milk» [176, с.761] (отцеженное кислое молоко) [149, с.345]: < – Ладно уж, – сказал он примирительно – Я хочу, съест эту «похлебку из **кислого молока**», только прошу долить ложку масло – прибавьте еще одну тенгу, пусть будет шесть [104, с.82]; < Маҳсулоти ширии туриш, ба мисли **чака** ба фарбеъшавӣ намеорад [190, с.30] – Кисломолочные продукты, такие как **кислое молоко**, не вызывают ожирения; «чурғот – sour milk, clotted milk (кислое молоко, простокваша, кефир)» [162, с.65]: < **Чурғотро** баъди таровидани обаиш дар халта мегирему дар таги ду санги сўзон чанд рўз нигоҳ медорем – После, как **кислое молоко** простаивает, складываем в мешок и держим под двумя горячими камнями несколько дней) [190, с.10]; < Дар ҳар ду деҳа шиносони Восеъ пайдо шуда, бо вучуди маън кардани навқарон, ўро ҳам бо нону **чурғот** зиёфат карданд [113, с.190] – В обеих деревнях появлялись знакомые Восеъ и, несмотря на запрет нукерах (военные слуги эмира), угощали его хлебом и **кислым молоком**; «cheese – панир (сыр)» [155, с.151]: < To serve, cover each portion with remaining sour cream and top with grated **cheese** – При подаче поливают оставшейся сметаной и посыпают тертым **сыром** [70, с.24]; «cream – қаймоқ, саршир, хома (сливки, крем)» [162, с.10], «milk – шир (молоко)» [162, с.19]: < Many people like to begin with porridge with **milk** or cream and sugar [61, с.200] – Многим нравится начинать с каши с **молоком** или сливками и сахаром; «yogurt – йогурт (ёгурт)» [155, с.934].

2. Простая производная лексика. Их вклад в процентном соотношении в составе микросистемы, относящиеся к лексике наименований «молоко и молочные продукты» составляет около 14% из всех рассматриваемых лексических единиц. Например: «*ширӣ*–*milky* (молочный) [162, с.65], «*creamier* – пурсаршир, пурхома» [155, с.207] (сливочный) [150, с.109].

(1) префиксальная модель: Их вклад в данную микросистему в процентном соотношении составляет около 0% от числа рассматриваемой лексики.

(2) суффиксальная модель: Их вклад в данную микросистему в процентном соотношении составляет около 14% от числа рассматриваемой лексики. Например: «*ширӣ* – *milky*» (молочный) [162,65], «*creamy* – пурсаршир, пурхома [155, с.207] (сливочный) [150, с.107].

Выявлено, что в образовании лексики данного поля существенную роль играют суффиксальные морфемы. Наибольшей частотностью отмечены суффиксы -*ӣ* в таджикском и -*у*, -*er* в английском языке.

Сложная лексика. Вклад сложной лексики в процентном соотношении в общее число лексических единиц указанного поля составляет приблизительно 22.%. Сложная лексика, в основном, образуются посредством следующих словообразовательных моделей:

а) таджикские сложные лексемы:

1. N+N: «*саршир* – sour cream» [176, с.629] (сметана) [162, с.56], «*ширқӣём* – condensed milk (сгущенное молоко)» [162, с.66], «*ширравған* – boiled milk with and butter (кипяченое молоко с маслом)» [162, с.66], «*ширшӯла* – rice porridge with milk (рисовая каша с молоком)» [162, с.66], «*ширбиринҷ* – dairy rice porridge (молочная рисовая каша)» [162, с.66], «*ширкаду* – milk soup with pumpkin» [176, с.676] (тыква, сваренная в молоке) [149, с.362].

Среди таджиков до сих пор существуют много стихотворений фольклорного жанра о наименованиях таджикских национальных блюд:

Неъматҳо чамъ шуда **ошро** бикарданд подшоҳ,

Ширбиринч козикалону **курутоб** худ додхох.

Ялама шуд чебачӣ, **ширкаду**_мирзобошӣ

Шуд **фатири равғанӣ** дар байни онҳо туксабо...[140, с.74]

а) английская сложная лексика:

1. N+N: «*milksop* – буридаи нони дар шир таршуда» [155, с.520] (кусочек хлеба замоченный в молоке) [162, с.20], «*cream-chees* – панири нарм, панири хамир» (плавленый сыр) [162, с.11].

Следовательно, в процессе формально-структурного анализа лексики наименования «молоко и молочные продукты» в сопоставляемых языках, были приобретены данные о частотности способов словообразования, употребляемых в ЛСП «молоко и молочные продукты». Выявлено, что наименьшей частотностью выделяется аффиксальные (суффиксальный) образования слов (11 зафиксированных случаев), наибольшей частотностью охарактеризуются словосложение (9 зафиксированных случаев). Префиксально-суффиксальный и префиксальные и способы не зафиксированы, словосложения и суффиксация являются самыми продуктивными способами в образовании лексики рассматриваемой микросистемы.

2.2.6 Структурный анализ однокомпонентной ЛСП «нӯшокиҳо – drinks (напитки)» в таджикском и английском языках

Нӯшокӣ (напиток) – жидкость, предназначенная для питья. Напитки являются одним из наиболее важных элементов культуры питания. Они представляют собой продукты, которые утоляют жажду. Основу большинства напитков, потребляемых человеком, составляет вода. Напитки принято делить на три крупные группы – алкогольные напитки, газированные напитки и безалкогольные напитки.

В ходе формально-структурного анализа однословной лексики, разделены лексические единицы данной ЛСП по группам, согласно структуре анализируемых лексических единиц и определить число каждой из этих групп.

1. Простая производная лексика: Число простой лексики данного поля составляет примерно 38% от общего количества рассматриваемых единиц: «*қаҳва* – coffee (кофе)» [176, с.404]: < *Дар охири ҷӯшонидани қаҳва андаке ба он намак илова кардан таъми онро гуворо мегардонад* [194, с.38] – *Перед кипением в кофе добавляют немного соли, который прибавляет привкус*; «*об* – water (вода)» [162, с.52] < *Бемор об пурсид, Каримча аз ҳавлии Гадо як коса об оварда, сари Ашӯрро бардошта ба даҳони ӯ дошт, дошт, ӯ ду-се кӯлт нӯшид* [113, с.64] – *Больной попросил воды, Каримча принёс воды из двора Гадо, придерживав голову Ашура, поднёс чашку с водой ко рту, он выпил два-три глотка*; «*чай* – tea (чай)» [155, с.826]: < *Знаком показал торговцу, чтобы, тот скорее допивал свой чай и наливал ему. Ведь он, бедняга, не мог без чая проглотить застрявшую в гортле пищу* [104, с.10], «*коньяк* – cognac (коньяк)» [155, с.377]; «*beer* – пиво, оби чав (пиво)» [162, с.6]: < *Good conversation and good beer are two essential items provided by them* [65, с.209] – *Хороший разговор и хорошее пиво – два главных пункта, предлагаемых ими*; «*coffee* – қаҳва (кофе) [155, с.168]: < «*Tea for my friend, and coffee for me, please*». *I said* [26, с.211] – «*Моему другу чай, а мне кофе, пожалуйста*». *Сказал я*); «*drink* – нӯшокӣ, нӯшоба» [155, с.269](питьё, напиток) [150, с.144]: < *It's usual for each person in a group to take it in turns to buy drinks for everyone and this is called a «round»* [65, с.209] – *Обычно в компании по очереди покупают напитки для всех, и это называется «круг»*; «*juice* – шарбат (сок)» [155, 459], «*tea* – чой (чай)» [155, с.826]: < «*How d`you like your tea?*» *asked my friend. «Not very strong» he answered,» and only two lumps of sugar, please* [26, с.211] – *Как вам чай?» — спросил мой друг. «Не очень крепко», — ответил он, — и только два кусочка сахара, пожалуйста*); «*water* – об (вода)» [162, с.31]: < *The water was warm and thick, and Grace was swimming in it* [183, с.6] – *Вода была теплая и густая, а Грейс плавала в ней*); «*wine* – шароб, бода (вино)» [162, с.31].

2. Простая производная лексика: Их вклад в состав микросистемы напитков в процентном соотношении составляет около 6% от всей рассматриваемой лексики. Например: «*нӯшокӣ* – drink, beverage» [176, с.561]

(пить, питьё, напиток) [162, с.52], «*swipes* – оби чави бадсифат» (водянистое мутное пиво, испорченное пиво) [162, с.28].

Следующие модели производной лексики были выявлены в результате анализа данной микросистемы:

(1) суффиксальная модель: Их вклад в состав микросистемы напитков в процентном соотношении составляет около 4% от всей рассматриваемой лексики. Например: «*нӯшокӣ* – drink, beverage» [176, с.561] (пить, питьё, напиток) [162, с.52], «*swipes* – оби чави бадсифат (водянистое мутное пиво, испорченное пиво)» [162,28], «*whisk(e)y* – виски; машруботи алкулӣ (виски)» [155, с.918].

(2) префиксально-суффиксальная модель: Их вклад в состав микросистемы напитков в процентном соотношении составляет около 2% от всей рассматриваемой лексики. Например: «*refresher* – нӯшокии тароватбахш, нӯшоба» [155,671] (освежающие напитки, подкрепление) [159, с.312].

Сложная лексика. Вклад сложной лексики в тотальное количество лексики указанной микросистемы в процентном соотношении составляет около 21% от числа анализируемой лексики.

Основными моделями сложной лексики, относящиеся к наименованиям напитков являются следующие: **N+N; V+N+Suff;**

а) таджикская сложная лексика:

1. N+N: «*қандчой* – tea and sugar» [176, с.402] (сладкий чай, чай с сахаром) [149, с.383]: < *Приходите как-нибудь, когда у меня будет работы поменьше, я угощу вас чаем с сахаром.*» [104, с.125] – *Замоне биё, ки корам кам бошад ва ман туро қандчой меҳмондорӣ кунам;* «*наботчой* – tea with lollipop» [176, с.515](чай с наботом, леденцом) [162, с.50], «*шакарчой* – tea with sugar, sweet tea (чай с сахаром)» [162, с.65], «*ширқаҳва* – coffee with milk (кофе с молоком)» [162, с.67], «*ширчой* – tea boiled with milk and salt» [176, с.801] (чай с молоком, коровьим маслом и солью) [162, с.67]: < *В Самарканде ширчой делают с мелко нарезанным репчатый луком* [140, с.49].

2.V+N+Suff: «*нӯшоба* – drink, wine» [176, с.561](напиток, вино) [162, с.52]:
 < *Ба бемор метавонед, аз меваҳои хушк нӯшоба омомда намоед* [191, с.40] –
Больному можете из сушеных фруктов приготовить напиток; < *Имрӯз*
кадбонуҳои кӯҳистон нӯшобаҳои гуногун, ширинӣ, мураббо, аз сабзавоти
парвардаашон анвои гуногуни хӯрокаро барои зимистон захира месозанд [190,
 с.10] – *Сегодня горные хозяйки заготавливают на зиму различные напитки,*
сладости, варенья и различные виды продуктов питания из собственно
выращенных овощей.

б) английские сложные лексемы:

1. N+N: «*Coca-Cola* – кока-кола (кока – кола) [197], «*cocktail* – нӯшокии
 ширини омехта бо машрубот (коктейл)» [155, с.167], «*grapefruit* – грейпфрут
 (грейпфрут)» [155, с.375], «*highball* – омехтаи виски ё бренди бо об» [155, с.402]
 (виски содой и льдом) [162, с.17], «*lemon-drop* – оби лиму (лимонный сок) [162,
 с.19].

Формально-структурный анализ ЛСП «напитки» показывает, что не все
 способы словообразования продуктивны сравнительно их частотности в создании
 лексических единиц данного поля. Выявлено 3 случая создания лексики
 посредством суффиксации, 16 – словосложений и 2 – префиксально-
 суффиксальным.

Следовательно, словосложение является самым продуктивным способом, а
 суффиксация является малопродуктивным. Префиксация оказалось
 непродуктивным способом в образовании лексики микросистеме «напитки».

2.2.7 Структурный анализ однокомпонентной ЛСП «меваҳо ва сабзавот – fruits and vegetables (фрукты и овощи)» в таджикском и английском языках

Фруктами и овощами считаются съедобные части культивируемых или
 собираемых в дикой природе растений (например, семяносные структуры, цветы,
 почки, листья, стебли, побеги и корни) в сыром виде либо минимально

обработанные. Считается, что овощи – это травянистые растения, а фрукты растут на кустах и деревьях.

В ходе формально-структурного анализа однословной лексики, разрешил разделить лексические единицы данной ЛСП по группам согласно структуре анализируемых слов и определить число каждой из этих групп.

1. Простая лексика. Число простой лексики данного ЛСП составляет примерно 46% от общего количества рассматриваемых слов: «анзур – onion (лук анзур)» [162, с.32], «анор – pomegranate (гранат)» [176, с.52]: < *Фурсати нӯшидани як чойник чой ҳам нагузашта буд, лашқари себу тоқ, анор, нок, шафтолу, гелос торумор карда шуд* [113, с.25] – *Еще не успев выпить чайник чая, войско яблоки, винограда, гранаты, груши, персики, черешни было разгромлено;* «дӯлона – hawthorn (боярышник)» [162, с.40]: < *Дар канортари хирман ба сояи дӯлонаи калон як марди гули гӯсфандрӯй ҳамроҳи ду деҳоти чавон нишафта чапотӣ мехӯрд* [113, с.186] – *Присев на краю хирмана, в тени большого боярышника, толстый мужчина с баранеобразным лицом с двумя молодыми кишлачными жителями ели лепешку чапоти;* «карам – cabbage (капуста)» [176, с.357]: < *Карам ва бодирингро ба шакли дарозрӯя реза мекунем. Сипас, ҷуворимаққаро аз об ҷудо карда, ба маҳсулот ҳамроҳ менамоем* [193, с.51] – *Капусту и огурец нарежьте квадратиками. Затем отделяем кукурузу от воды и добавляем в продукт;* «гелос – cherry (черешня)» [162, с.35]: < *Ба истиснои гелос, меваҳои дигар нав акнун гӯра шуда, хӯшаҳои ангур ҳам ҳоло сабзу хом буданд* [113, с.25] – *За исключением черешни, другие фрукты только что созрели, а виноград был еще зеленым и неспелым;* «пиёз – onion (лук)» [162, с.54]: < *Пиёзро чоркунҷа реза намуда, ҳамроҳи гӯшт дар чапотӣ (лаваш) мепечонем ва болои мангал дар сикҳо 3-5 дақиқа таф медиҳем* [195, с.51] – *Нарезать лук квадратиками, завернуть вместе с мясом в чапоти (лаваш) и обжарить на гриле 3-5 минут;* «каду – pumpkin (тыква)» [162, с.40]; «apple – себ (яблоко)», «apricot – зардолу (абрикос)» [162, с.5], «beet – лаблабӯ (свекла)» [155,90], «fig – анҷир (инжир)» [155, с.322], «peach – шафтолу (персик)» [162, с.65]: < *And I've*

*had light meals and now I can enjoy a **peach** [56, с.104] – У меня были легкие закуски, и теперь я могу насладиться **персиком**.*

2. Простая, производная лексика. Их вклад в состав микросистемы фрукты и овощи в процентном соотношении составляет около 8% от всей рассматриваемой лексики. Например: «*бодия – salty cucumber (соленый огурец)*» [162, с.36], «*гармак (хандалак) – garmak, kind of fragrant red melon, khandalak (вид ароматной красной дыни, хандалак)*» [162, с.37], «*гашиза (ғўраи ангур) – unripe grape fruit (незрелый плод винограда)*» [162, с.37], «*мевагӣ – fruit (фрукт)*» [162, с.50], «*ношпотӣ – pear (груша)*» [162, с.54], «*сабзӣ – carrot (морковь)*» [162, с.58]: < *Восеъ беморро хезонда ба девор такя дода шӯрборо бо қошуқи чӯбин гарм-гарм ба ӯ хӯронд. Якчанд пора гӯшт ва шалгаму **сабзиро** ҳам хӯронд [113, с.64] – Восеъ поднял больного, прислонив его к стене и с помощью деревянной ложки накормил его горячим супом. Еще он съел несколько кусков мяса, репы и **моркови**; «шалгамӣ – onions (лук)*» [162, с.68], «*шалгамча – radish (редиска)*» [175, с.792]:< *Як картошка ва як тухми обпазро бо як дона бодиринги шӯр чоркунча реза карда, нӯсти **шалгамчаро** пок карду бо кабудихои реза омехт [195, с.36] – Картофель и сваренное вкрутую яйцо нарежьте квадратиками с кусочком соленого огурца, почистите **редис** и смешайте с рубленой зеленью.*

В результате анализа общенаучных слов данной ЛСП были выявлены следующие модели производной лексики: «*кӯкча – kukcha (sort of melon)*» [176, с.392] (кукча, сорт дыни) [162, с.43], «*мавизак – fruits dry on tree*» [176, с.425] (фрукты, которые сохнут на дереве) [162, с.46], «*ношпотӣ – pear (груша)*» [176, с.559]: < *Як дона банан, як себ, як **нашпотӣ** ва як кивиро чоркунча реза карда, бо чургоги мевагӣ ҳамроҳ сохт, ки ниҳоят хушхӯр гардид [196, с.37] – Нарезав банан, яблоко, **грушу** и киви квадратиками и смешав их с фруктовым соком, получится что-то очень вкусное и съедобное); «сабзӣ – carrot (морковь)*» [162, с.55], «шалгамӣ – onions (лук)», «шалгамча – radish (редиска)» [162, с.55].

(1) суффиксальная модель: Их вклад в данную микросистему в процентном соотношении составляет около 8% от числа рассматриваемых лексики.

Сложная лексика. Вклад сложной лексики в тотальное количество слов указанной микросистемы в процентном соотношении составляет около 18% от числа анализируемой лексики.

Основными моделями сложной лексики наименования фруктов и овощей являются следующие:

а) таджикская сложная лексика:

1. N+N: «*гурдаолу* – kind of big plum (сорт крупной сливы)» [162,35], «*бехниёз* – onion (лук)» [176, с.130], «*гулкарам* – cauliflower (цветная капуста)» [162, с.35], «*карамшалгам* – kohlrabi (кольраби)» [176, с.357], «*кулчабиҳӣ* – sort of the quince» [176, с.358] (сорт айвы) [162, с.43], «*сирниёз* – garlic (чеснок)» [155, с.358], «*шакармуруд* – shakarmurud, sort of the sweet pear (шакармуруд, сорт сладкой груши)» [162, с.64].

2. N+Adj: «*олуқоқ* – prune (чернослив)» [162, с.52].

3. Adj+N: «*зардолу* – apricot (абрикос)» [176, с.300].

4. N+N+Suff: «*харбуза* – melon (дыня)» [162, с.59]: < *Однажды в пору созревания дынь мой товарищ по медресе, сын дехканина из Шуркуля, пригласил меня и других своих приятелей отправиться в кишлак полакомиться дынями* [104, с.117].

б) английская сложная лексика:

1. N+N: «*cauliflower* – гулкарам, карами гулдор» [155, с.143] (цветная капуста) [150, с.74], «*horseradish* – хӯриши қажзак, турби куҳӣ (хрен)» [162, с.17], «*kiwifruit* – мевай киви (киви)», «*pineapple* – ананас (ананас)» [155, с.607], «*strawberry* – кулфинай (земляника)» [162, с.27], «*watermelon* – тарбуз (арбуз)» [155, с.908].

Следовательно, суффиксация является малопродуктивным, словосложением – самым продуктивным способом. Префиксальный и префиксо-суффиксальный

способ оказался непродуктивным в образовании лексики микросистеме «фрукты и овощи».

Все отобранные однокомпонентные лексики наименования «хӯрок – food (пища)» в соответствие с поставленной целью исследований в сравниваемых языках подвергались формально-структурному анализу в диахронном, а также и в синхронном аспектах.

Префиксы среднеперсидского происхождения *бе-, бо-, зайр-, сер-* и латинского происхождения *re-, in-* являются наиболее употребительными в словообразовании данной ЛСП. В суффиксальной функции максимально частотные выступающие – суффиксы среднеперсидского происхождения *-ӣ, -а, -ча, -гун, -ак*, суффиксы латинского происхождения *-er, -ness, -у, -ed, -*

Для обозначения отдельной ягоды или овощи в английском языке используется неопределенный артикль, а в таджикском языке для выражения единичности используется одновременно числительное «як дона»: *як дона помидор, як дона бодиринг, як дона шалгам* и т.п.

Единственное число английского языка указывается следующими артиклями (определенным *the*, неопределенным *a* или *an*). В английском языке выражение наименований овощей во множественном числе прибавляется суффикс *-s, -es*: *cucumber +s = cucumbers; tomatoe + es = tomatoes; aubergine+s = aubergines*. Английский суффикс *-s, и (es)* является показателем множественного числа существительных и соответствует таджикскому суффиксу *-ҳо*: *бодирингҳо – cucumbers (огурцы), помидорҳо – tomatoes (помидоры), занбурӯғҳо – mushrooms (грибы)*: < *Сипас, замбурӯғҳоро низ болои он ҳамвор мекунем ва ба рӯяш қайлаи «соя», ки дорои намак ва тамъи хуш аст, мерезем [190, с.51] – Then we put the mushrooms on top and pour soy sauce on them, which has a taste of salt and a pleasant smell – Затем сверху кладем грибы и насыпаем на них соус «соя», которое имеет привкус соли и приятный запах.*

В процессе проведённого морфемно-структурного анализа моно лексемных лексики наименования «хӯрок – food (пища)» в таджикском и английском языках

были выявлены данные по частотности способов словообразования, и продуктивность и непродуктивность основных словообразующих способов. В результате проведённого анализа морфемной структуры монологической лексики в таджикском и английском языках, были выявлены, что словосложение играет основную роль в образовании лексики данной сферы. Определены основные словообразовательные модели, свойственные сложным лексическим единицам. Ключевыми являются приводимые ниже морфологические модели сложной лексики в таджикском языке: **1.N+N; 2.N+Adj; 3.Adj+N; 4.N+Adj; 5.N+N+Suff; 6. Pref+N+N; 7.N+V+Suff; 8.Adj+N+Suff.**

Наиболее продуктивными в образовании сложной лексики относящиеся к наименованиям «хўрока – food (пища)» являются следующие модели: **1. N+N; 2. N+Adj; 3. Adj+N; 4.N+Adj+N; 5. N+Suff+N.** В сопоставляемых языках наиболее продуктивным является модель N+N. Следует отметить, что в результате проведенного анализа способ словообразования в микросистемы исследуемой сферы более продуктивен, нежели в английском языке.

2.3. Структурный анализ поликомпонентной лексики наименования «хўрок – food (пища)» в таджикском и английском языках

Важность составных лексических единиц или словосочетаний в системе словообразования таджикского и английского языков подчеркивается многими лингвистами и учёными. Под составными лексическими единицами или словосочетаниями, прежде всего, понимается многословные раздельнофрмленные единицы, но семантически единое создание, состоящее из двух и более компонентов.

В таджикском и английском языках образования слов посредством синтаксического способа охарактеризуется максимальной продуктивностью, поскольку этот способ служит для точной конкретизации понятийного аспекта лексики. Словосочетание или сочетание слов, являясь по своей сути сложным

названием, выполняет ту же номинативную функцию, что и слово, но оно способно означать почти полный круг значений.

2.3.1. Структурный анализ поликомпонентной ЛСП «нон ва маҳсулоти нонӣ – bread and products made of bread (хлеб и хлебобулочные изделия)» в таджикском и английском языках

Многословные ЛСП «нон ва маҳсулоти нонӣ – bread and products made of bread (хлеб и хлебобулочные изделия в процентном соотношении составляют приблизительно 59% от общей анализируемой лексики в сравниваемых языках, независимо от вида взаимоотношений между компонентами составных слов.

Согласно смысловым взаимоотношениям, значительное количество английских и таджикских словосочетаний формируются на основе атрибутивных связей между составляющими их компонентами. Словосочетания, образующие ЛСП наименования хлеба и хлебобулочных изделий изучаемых языков, создаются по следующим моделям:

а) таджикские словосочетания:

1. N+A и dj: «*нони занҷабилӣ – gingerbread*» [155, с.365] (имбирный пряник) [162, с.49], «*нони қадқад – qadqad: puffed flat bread fried oil (кадкад: слоённая лепёшка жаренная в масле)*» [162, с.50], «*нони қатлама – layer cake*» [176, с.407] (слоёная лепёшка) [162, с.50], «*нони хушк(қоқ) – stale bread*» [155, с.783] (черствая хлеб) [162, с.51]: < *Агар одам шудан хоҳӣ, ба як порча **нони қоқе**, ки ман ёфта мефиристонам ва ба як коса об, ки аз ҳар кучо ёфтани вай мумкин аст, қаноат кун* [7, с.94] – *Если хочешь стать человеком, то должен удовлетворяться тем куском **черствой лепешки**, что я тебе посылаю, и чашки воды, которую всюду можно достать;* «*нони сафед – white bread (белый хлеб)*» [155, с.552], «*нони сиёҳ – brown bread (черный хлеб)*» [155, с.552], «*нони ҷавин – barley bread*» [176, с.773] (ячменный хлеб) [162]: < *Аноргул дам назада рафт. Баъди як дам Гулзизор ду **нони ҷавин** ва як коса ҷургот баровард* [113, с.33] – *Нечего ни сказав Аноргул ушла. Через некоторое время, Гулизар принесла два **ячменного хлеба** и чашку куриного бульона;* «*нони чапотӣ – thin bread (тонкая лепёшка)*» [162, с.51],

«самбӯсаи варақӣ – puff-pastry» [176, с.623] (самбуса слоёная) [162, с.56], «самбӯсаи танурӣ – pies baked in the oven» [176, с.665] (испеченная в печи самбуса) [162, с.56].

2. **N+N**: «нони зарзора – flat bread from cornmeal» [176, с.665] (лепёшка из кукурузной муки)» [162, с.50].

3. **N+N+Suff**: «нони ҷаззадор – flat bread with fat cracklings (лепёшка со шкварками)» [70, с.238].

4. **N+N+Adj**: «кулчаи чаккадори ширин – cheese-cake» [155, с.152] (ватрушка) [162, с.46].

5. **N+Adj+Adj**: «нони равганини ширин – doughnut» [155,264] (пончик, пышка) [162, с.53]

6. **N+Prep+N**: «самбӯса бо каду – pumpkin sambusa(pie) (слоёная самбуса с тыквой)» [162, с.55], «самбӯса бо кабудӣ – sambusa with greens (самбуса с зеленью)» [162, с.55].

7. **N+Prep+N+Adj**: «чалпаки ширӣ бо ширӣ бурида – pancakes, fritters with colostrum (оладьи блины с молозивом)» [118, с.8].

8. **N+Adj+Prep+N**: «чалпаки ширӣ бо асал – pancakes, fritters with honey (оладьи, блины с медом)» [118, с.8], «чалпаки ширӣ бо гӯшт – pancakes, fritters with meat (оладья, блины с мясом)» [118, с.8], «чалпаки ширӣ бо мураббо – pancakes, fritters with jam (оладьи, блины с вареньем)» [118, с.8].

б) английские словосочетания:

1. **N+N**: «apple pie – пирог бо себ» [155, с.59](яблочный пирог), «rye-bread – нони чавин» [155, с.819](ржаной хлеба) [162, с.24], «hoe-cake – нони чуворӣ» [155, с.405] (кукурузный хлеб) [162, с.17], «pork pie – пирог бо гӯшти хук (пирог со свиной)» [162, с.23].

2. **Adj+N**: «brown bread – чёрный хлеб (нони сиёҳ)» [175, с.552], «white bread – нони сафед (белый хлеб)» [175, с.552]: < I buy some **brown and white bread, biscuits and cakes there** – Я покупаю немного **чёрного и белого хлеба, печенье и пирожные**) [65, с.39].

3. **Adj+Adj+N:** «*soft white bread* – нони сафеди муллоим (мягкий белый хлеб)» [162, с.27].

4. **N+and+N:** «*bread and butter* – нон бо равған (хлеб с маслом)» [162, с.7], «*bread and cheese* – нон бо панир (хлеб с сыром)» [162, с.7.]

5. **Adv+V+Suf+N:** «*freshly baked bread* – нони нав пухташуда (свеже выпеченный хлеб)» [162, с.7].

6. **N+N+N:** «*whole wheat bread* – пшеничный хлеб (нони гандумӣ)» [162, с.7], «*soft white bread* – нони сафеди муллоим (мягкий белый хлеб)» [162, с.31].

7. **N+Prep+N:** «*bun with cream* – кулча бо крем (булочка с кремом)» [162, с.8].

8. **N+Prep+Adj+N:** «*loaf of black bread* – нони сиёх (буханка черного хлеба)» [162, с.7].

9. **N+Prep+N+N:** «*piece of rye bread* – пораи нони чавин (кусок ржаного хлеба)» [162, с.24].

2.3.2 Структурный анализ поликомпонентной ЛСП «хӯрокҳои якум – first dishes (первые блюда)» в таджикском и английском языках

Поликомпонентная лексика, относящиеся к наименованиям первых блюд в исследуемых языках, насчитывают огромное количество лексики данной ЛСП. Она составляют примерно 47% от всех анализируемой лексики, независимо от вида взаимосвязей между элементами.

Согласно смысловых взаимоотношений большое количество словосочетаний, относящиеся к наименованиям первых блюд в таджикском и английском языках образуются на основании атрибутивных связей между составляющими их элементами. Словосочетания, формирующие данную ЛСП, строятся по следующим моделям:

а) таджикские словосочетания:

1. N+Adj: «*оши бурида* – soup with noodles and greens (суп с лапшой и зеленью)» [118, с.9]: < *Баъдан зуволан **оши бурида** шӯрида, назди ҳайати ҳакамон моҳирона тунук кард, пас гард молиду хеле зебо даста зад* [195, с.36] – *После приготовления теста домашней лапши тонко раскатав его перед жюри, затем посыпав муку и аккуратно натер;* «*оши туппа* – meat noodles soup (мясной суп с лапшой)» [118, с.9].

2. N+N: «*оби шӯрбо* – clear soup (бульон)», «*оши гӯча* – wheat soup (суп из пшеницы)» [118, с.9], «*оши сиёҳалаф* – showy onion soup (суп с луком Розенбаха)» [162,53].

3. N+Prep+N+Adj: «*мастоба бо гӯшти реза* – mustoba-soup with rice and pieces of meat filled with sour milk (мастоба-суп с рисом и кусочками мяса и простаквашей)» [118, с.9].

4. N+Prep+N: «*мастоба бо гелак* – mustoba-soup with rice and quenelles filled with sour milk (мастоба-суп с жареными фрикадельками с простоквашей)» [118, с.9].

5. N+Prep+N: «*шӯрбо бо гелак* – quenelles soup (суп с фрикадельками)» [118,10], «*шӯрбо аз ҷуворимакка* – corn soup (суп из кукуруза)» [162, с.66]

6. N+Adj+Prep+N: «*оши бурида бо лӯбиё* – soup with noodles and greens (суп с лапшой и фасолью)» [118, с.9].

7. N+Prep+N+N: «*угро бо гӯшти буз* – soup with goat meat and noodles (суп-лапша с козьем мясом)» [118, с.10], «*угро бо гӯшти гов* – soup with beef meat and noodles (суп-лапша с говяжьим мясом)» [118, с.10], «*угро бо гушти мурғ* – soup with chicken meat and noodles (суп-лапша с куриным мясом)» [118, с.10], «*хомишӯрбо бо гӯшти гов* – vegetable soup with beef meat (овощной суп с говяжьим мясом)» [118,10], «*шӯрбо бо гӯшти гов* – beef soup (суп из говядины)» [118, с.10].

8. N+Prep+Adj: «*шӯрбо бо бодиринги шӯр* – meat or fish soup with pickled cucumber (суп с соленым огурцом и мясом)» [118, с.10].

б) английские словосочетания:

1. **N+N**: «*beef tea* – шӯрбои обакии гӯшти гов, ки мисли чой меҳӯранд» [155, с.90] (суп, бульон), «*chicken soup* – мурғшӯрбо (куриный суп)» [162, с.9], «*fish soup* – моҳишӯрбо (рыбный суп, уха)» [162, с.13], «*vegetable soup* – шӯрбо (овощной суп) [162, с.33]: < *I am not a good cook, but my **vegetable soup** 'is always tasty)* [65, с.38].

2. **Adj+N**: «*vegetarian soup* – пиёба (вегетарианский суп)» [162, с.31], «*thick soup* – шӯрбои ғафс, камоб (густой суп)» [162, с.29].

3. **N+Prep+N+and+N**: «*broth with croutons and vegetables* – шӯрбо бо нони бирён ва сабзавот (бульон с гренками и овощами)» [162, с.8].

2.3.3 Структурный анализ поликомпонентной ЛСП «хӯроқҳои дуюм – **second dishes** (вторые блюда)» в таджикском и английском языках

Составная лексика, относящиеся к наименованиям вторых блюд сопоставляемых языков, составляют наибольшее количество лексики данной микросистемы. Их число в процентном соотношении составляет приблизительно 51% из общей анализируемой лексики независимо от вида взаимосвязей между элементами.

Значительное количество словосочетаний ЛСП вторых блюд в изучаемых языках образуются на базе атрибутивных отношений между составляющими их компонентами. Словосочетания указанной ЛСП создаются по следующим моделям:

а) таджикские словосочетания:

1. **N+N**: «*оши палав* – pilav (плов)» [176, с.576]: < *Вақте, ки аввалин бор мустақилона **оши палав** таҳия кардам, янгаам онро чашиду гуфт: «Офарин, аз имтиҳон гузашти»* [195, с.36] – *Когда первый раз самостоятельно приготовила **плов**, невестка попробовала и сказала: «Молодец, выдержала испытание».*

2. **N+Adj**: «*гӯшти дампаз* – stewed meat (тушеное мясо)» [162, с.37], «*кабоби бугӣ* – shish kebab cooked on steam (шашлык, приготовленный на пару)» [118, с.12], «*мантуи кадугӣ* – pumpkin dumplings (манты с тыквой)» [118, с.10],

«палави самарқандӣ – samarkand pilaf (самаркандский плов)» [118, с.11], «палави серравган – fat pilav (жирный плов)» [162, с.53]: < *А в моей худжере как раз есть очаг, который требует, чтобы на нем ежедневно готовился хороший жирный плов с мясом на двоих, – сказал он шутливо, но тут же серьезно добавил* [104, с.29] – *Дар ҳуҷраи ман танҳо як отаишдоне ҳаст, ки ҳар рӯз як палави серравган бо гӯшт барои ду нафар пухта мешавад, – гуфт ӯ шӯҳӣомез, вале баъд ҷиддӣ илова кард; «сихкабоби кӯфта – sih kebab from minced meat (шашлык из фарша)» [118, с.12].*

3. N+N+Adj: «палови барги тоқӣ – pilaf with stuffed grape leaves (плов с голубцами виноградных листьев)» [118, с.11].

4. N+ Adj+N: «гӯшти намакзадаи хук – bacon (бекон)» [162, с.37], «гӯшти обпази гов – boiled beef (вареная говядина)» [162,37]: < *Агар шахс соати 19.00-20.00 ҳам гӯшти обпази гов ва як порча моҳии беравган истеъмол намояд, аз он фарбеҳ намешавад* [190, с.30] – *Если человек съест отварную говядину и кусок нежирной рыбы в 19:00-20:00, он не потолстеет.*

5. N+Adj+Adj: «барракабоби яклухти танӯрӣ – the whole roast from a lamb baked in a tanura (жаркое из баранина на тануре)» [118, с.11].

6. N+Prep+N: «гӯшт бо замбӯруз – meat with mushrooms (мясо с грибами)» [118,11], «палав бо зардҷӯба – pilaf from a turmeric yellow ginger (плов с желтым имбирем)» [118,11], «палав бо сирниёз – pilaf with garlic (плов с чесноком)» [162,56], «сихкабоб аз қабурга – sih kebab from ribs (шашлык из ребра)» [118, с.11].

7.N+Adj+Adj: «кӯфтаи тобагӣ – force meat roasted on a frying pan (фаршированное мясо жареное на сковороде)» [118, с.11].

8. N+Prep+N+N: «гӯштбирён аз гӯшти буз – roasted meat, roast from mutton meat (жаркое из баранины)» [118,11], «қабургакабоб аз гӯшти гӯсфанд – sih kebab from mutton meat on rib (жаркое из ребро баранины)» [118, с.12], «лӯлакабоб аз гӯшти гов – lulakebab from mutton meat (шашлык из говядины)» [118, с.12], «палав бо гӯшти мург – pilaf with chicken (плов с курицей)» [162, с.53], «резакабоб аз

гӯшти гов – roast from pieces of beef meat (жаркое из кусков говядины)» [118, с.11], «*сихкабоб аз гӯшти гӯсфанд* – shish kebab mutton meat (шашлык из баранины)» [118, с.12].

9. N+Prep+N+Adj+N: «*сихкабоб аз гӯшти резаи гов* – sih kebab pieces of beef meat (шашлык из кусков говядины)» [118, с.12].

10. N+Prep+N+Adj+Prep+N: «*хонума аз гӯшти реза ва каду* – roll with pieces of meat and pumpkin cooked on steam (рулет с кусочками мяса или тыква приготовленный на пару)» [118, с.11].

11. N+Prep+N+Adj: «*картошкаи дар равған пухташуда* – chips (чипсы)» [155,154], «*палав бо себи биҳӣ* – pilaf with quinese (плов с айвой)» [162, с.54].

12. N+Adj+Prep+N: «*гӯшти буридаи гов бо нон* – hamburger (гамбургер)» [155, с.387].

13.N+N+Adj+Adj: «*гӯшти гови печидаи дампаз* – stewed beef roll (тушеный рулет из говядины) [118, с.12], «*гӯшти гӯсфанди печидаи дампаз* – stewed mutton meat roll (тушеный рулет из баранины) [118, с.12]

14. N+N+Adj: «*гӯшти дам додашуда* – stew (тушить; тушеная мясо)» [155, с.790].

15. N+Prep+N+N+Prep+N: «*кабоб аз гӯшти мурғ бо занбӯруғ* – roast from chicken meat with mushrooms (жаркое из куриного мяса и грибами)» [118, с.10].

16. N+N+Adj+N+Adj: «*кабоби гӯшти кӯфтаи мурғи хонагӣ* – home-style roast from chicken forcemeat (домашнее жаркое из куриного мяса)» [118, с.11].

17. N+Adj+Prep+N+N+N: «*кабоби тобагӣ аз гӯшти паҳлӯи гов* – roast from half beef cooked on frying pan (жаркое из половинки говядины, приготовленное на сковороде)» [118, с.11].

а) английская лексика-словосочетания:

1. N+N: «*mutton chop* – гӯшти гӯсфанди кӯфта (отбивная баранина)» [162,20]: < *So I told the waiter to bring caviar and the cheapest meal on the menu – a mutton chop – for me* [56, с.103] – *Поэтому я попросил официанта принести мне икру и самую дешевую еду в меню – баранью отбивную.*

2. **V+N:** «*fried fish* – моҳии бирён кардашуда (жареная рыба)» [162, с.15], «*fried potato* – картошкабирён» [155, с.327] (жареная картошка): < *They take fish, poultry or cold meat (beef, mutton, veal and ham), boiled or **fried potatoes** and all sorts of salad* – Они берут рыбу, домашнюю птицу или холодное мясо (говядину, баранину, телятину и ветчину), **жареный** или тушеный **картофель** и разного сорта салата) [65, с.201]; «*lamb stew* – гӯшти гӯсфанди дампухт (тушоная баранина)» [162, с.18], «*roast beef* – гӯштбирён аз гӯшти гов (жаркое из говядины)» [162, с.25]: < *The traditional Sunday dish used to be **roast beef**, but nowadays pork, chicken or lamb are more common* – Традиционным воскресным блюдом раньше была **жареная говядина**, но сейчас свинина, цыпленок или баранина более распространены) [65, с.206]; «*roast chicken* – мурғи бирён (жаренный цыпленок)» [162, с.25]: < *They begin with soup, followed by fish, **roast-chicken**, potatoes and vegetables, fruit and coffee* – Они начинают с супа, после чего идет рыба, **жареный цыпленок**. Картофель и овощи, фрукты и кофе) [65, с.201]; «*mashed potatoes* – хамираи картошка, пюре» [155, с.510](картофельное пюре).

2. **N+and+N:** «*fish and chips* – моҳӣ бо картошкабирён (рыба и картофель фри)» [162, с.13], «*bacon and eggs* – тухмбирён бо гӯшти хук [155, с.78]» (яичница с беконом) [162, с.5]: < *It consists of juice, porridge, a rasher or two of **bacon and eggs**, toast, butter, jam or marmalade, tea or coffee* – Он состоит из сока, овсянки, ломтики или двух **бекона**, **яиц**, тоста, масла, джема или мармелада, чая или кофе) [65, с.201].

3. **V+N+Prep+N:** «*fried bacon with garnish* – гуштбирёни хук бе хӯриш (жареный бекон без гарнира)» [162, с.13].

2.3.4 Структурный анализ поликомпонентной ЛСП «шириниҳо – deserts (сладости)» в таджикском и английском языках

В таджикском и английском языках составная лексика, относящиеся к наименованиям десертов, составляют наибольшее количество лексики данной микросистемы. В процентном соотношении их число составляет примерно 36.% от общей анализируемой лексики, независимо от вида связей между элементами.

Значительное количество словосочетаний данной ЛСП образуются на базе атрибутивных связей между составляющими их элементами. Словосочетания, формирующие ЛСП десертов в сравниваемых языках, создаются по следующим моделям:

а) таджикские словосочетания:

1. N+Adj: «*мураббои зардолугӣ* – apricot jam (абрикосовое варенье)» [162,49], «*мураббои кадугӣ* – pumpkin jam (варенье из тыквы)» [162,49], «*ҳалвои донагӣ* – halva donagi, made from sugar, almonds and flavors (халва донаги, изготавливается из сахара, миндаля и ароматизирующих веществ)» [162,61], «*ҳалвои кунҷу(и)тӣ* – sesame halva, made from sugar syrup, beaten egg whites and sesame seeds (халва кунжутная, приготовленная из сахарного сиропа, взбитых яичных белков и кунжутных семян)» [162, с.61], «*ҳалвои сафедак* – halvo safetag, made from sugar, flour, fat and spices (халва сафетаг: изготавливается из сахара, муки, жира и специй)» [162, с.61].

2. N+N: «*ҳалвои лавз* – halva lavz, made from dense sugar syrup and wheat flour (халва лавз, изготавливается из плотного сахарного сиропа и пшеничной муки)» [162, с.61].

3. N+Prep+N: «*мураббо аз помидар* – jam from tomatoes (варенье из томатов)» [162, с.49], «*мураббо аз харбуза* – jam from melon (варенье из дыни)» [162,49].

4. N+Prep+N+Adj: «*мураббо аз себи биҳӣ*– jam from quince (айвовое варенье)» [162, с.49].

а) английские словосочетания:

1. Adj+N: «*icing sugar* – шакар (сахарный песок)» [162, с.17], «*granulated sugar* – шакар (сахарный песок)» [159, с.683].

2.3.5. Структурный анализ поликомпонентной ЛСП «шир ва маҳсулоти ширӣ – milk and dairy product (молоко и молочные продукты)» в таджикском и английском языках

Поликомпонентные лексикемы относящиеся к наименованиям «молоко и молочные продукты» в таджикском и английском языках, в процентном соотношении, их число составляет примерно 45% от общих анализируемой лексикемы, независимо от вида взаимосвязей между элементами.

Согласно смысловым отношениям большое количество словосочетаний ЛСП молока и молочных продуктов в таджикском и английском языках создаются на основе атрибутивных связей между составляющими компонентами. В составе лексикемы, относящихся к наименованию молока и молочных продуктов в таджикском и английском языках, выявлены следующие модели, образующие словосочетания данной группы:

а) таджикские словосочетания:

1. **N+N:** «*равгани маска* – butter [176, с. 601] (сливочное масло)» [150, с.64].
2. **N+Adj:** «*панири мулоим* – processed cheese (плавленый сыр)» [12, с.546], «*панири нарм* – cream-cheese (сливочный сыр)» [162, с.54], «*панири пухта* – ripe cheese [155, с.151] (спелый сыр) [162, с.54], «*панири хонагӣ* (дулмашуда) – cottage cheese [155, с.151] (творог, домашний сыр) [162, с.54], «*шири бурида* – curd, sour milk [176, с.801] (творог, свернувшееся молоко)» [162,66], «*шири хушк* – dried milk [155, с.268] (сухое молоко) [162, с.66].

б) английские словосочетания:

1. **N+N:** «*pigeon`s milk* – ширӣ мурғ [155, с.607] (птичье молоко) [162, с.24], «*sheep cheese* – панири гӯсфандӣ (сыр из овечьего молока)» [162, с.28], «*cream-cheese* – панири нарм» [155, с.207](сливочный сыр) [162, с.11].
2. **Adj+N:** «*fresh milk* – ширӣ навҷӯш» [162, с.13] (парное молоко) [150, с.741], «*green cheese* – панири сабз/норасида» [155, с.151] (молодой сыр),

«*powdered milk* – шири хушк – (сухое молоко)» [162, с.23], «*ripe cheese* – панири пӯхтарасида» [155, с.151] (выдержанный сыр) [150, с.78], «*sour cream* – каймоқ [155, с.207] (сметана) [150, с.09], «*sour milk* – чурғот (простокваша кефир)» [162, с.27], «*strong cheese* – панири тез (острый сыр)» [162, с.28].

2.3.6 Структурный анализ поликомпонентной ЛСП «нӯшокиҳо – drinks (напитки)» в таджикском и английском языках

Поликомпонентная лексика относящиеся к наименованиям «напитки» в таджикском и английском языках составляют большое количество лексики в данной микросистеме. Их число составляет примерно 38% от общей анализируемой лексики, независимо от вида отношений между элементами.

Значительное количество словосочетаний данной ЛСП образуются на основе атрибутивных связей между составляющими их элементами. В обоих языках были выявлены следующие модели, посредством которых образуется лексика данной группы:

а) таджикские словосочетания:

1. **N+N:** «*афшураи афлесун* – orange juice (апельсиновый сок)» [162, с.34] < *Ба зарфе каду себ, нӯст ва афшураи афлесунро андохта, ба он асал, дорчин ва ванилинро илова мекунем* [192, с.51] – *В посуду положить тыкву, яблоко, цедру и апельсиновый сок, добавить мед, корицу и ваниль*); «*оби ангур* – grape juice» [155, с.375] (виноградный сок) [162, с.15], «*оби мева* – fruit juice» [176, с.562] (фруктовый сок), «*оби себ* – cider (яблочный сок)» [162, с.52], «*оби чав* – beer» [176, с.591] (пиво) [162, с.16], «*чойи ҷуворӣ* – sorg(h)t, sorghum (сорго)» [176, с.769].

2. **N+Adj:** «*коктейли ширӣ* – milkshake (молочный коктейль)» [1632, с.43, «*оби минералӣ* – mineral water (минеральная вода)» [162, с.16], «*чойи алафӣ* – herbal tea» [162, с.64] (травеной чай) [150, с.221]: < *Осиёбон кӯмоч пухта будааст, ҳамроҳи ӯ кӯмочи гарм ва чойи алафинро хӯрд ва баъд аз он, ки офтоб дар пушти кӯҳи Қаротегин фуру нишаст, хеста ба сангоб шитофт* [113, с.47] –

Мельник оказывается, приготовил кумоч, вместе с ним съел горячий кумоч, выпил **травянистый чай**, после как солнце зашло за горой Каратегин, спеша направился к берегу реки; «*чойи кабуд* – green tea» [176, с.769] (зеленый чай) [162, с.64], «*чойи сиёх* – black tea» [176, с.769](черный чай) [162, с.64].

а) английские словосочетания:

1. N+N: «*cream tea* – чой бо қаймоқ (чай со сливкой)» [162, с.11]: < *Cream teas are also popular* [65, с.201] – **Чай со сливками** также популярен; «*ginger beer* – обчави занчабилӣ (имбирное пиво)» [162, с.15], «*grape juice* – оби ангур» [155, с.375] (виноградный сок) [162, с.15], «*orange juice* – шарбати афлесун» [155,569] (апельсиновый сок) [150, с.330], «*mineral water* – оби газнок» [162, с.20] (минеральная вода) [150, с.298]: < «*No, I'm not very hungry,*» he said. «*But I'll have some mineral water, salad, meat and potatoes, and ice-cream for the sweet*» [26, с.210] – «Нет, я не очень голоден, – сказал он. «А мне **минералку**, салат, мясо с картошкой, а на сладкое мороженое»; «*peach juice* – шарбати шафтолу (персиковый сок)» [162, с.22].

2. Adj+N: «*cold water* – оби хунук (холодная вода)» [162, с.9], «*high tea* – чой ва хӯроки сабуки пешин» [155,826] (чай с высоким содержанием, крепкий чай, дневной чай) [162, с.17]: < *Some people have afternoon tea, so called «high tea» with sandwiches, tomatoes and salad, a tin of apricots, pears or pineapples and cakes, and, of course a cup of tea* – Некоторые пьют днем, так: называемый «**ранний ужин с чаем**», с бутербродами, помидорами и салатом, консервированными компотами из абрикосов, груш или ананасов. Пирожными и, конечно же, чашкой чая [65, с.201].

3. N+Prep+N: «*tea with milk* – ширчой (чай с молоком)» [162, с.30].

4. Num+Prep: «*seven up (7-up)* – севенап (нўшоқӣ) – севенап (напиток)» [162, с.27].

2.3.7 Структурный анализ поликомпонентной ЛСП «меваҳо ва сабзавот – fruits and vegetables (фрукты и овощи)» в таджикском и английском языках

Поликомпонентная лексика относящиеся к наименованиям «фрукты и овощи» в таджикском и английском языках составляют большое количество лексики в данной микросистеме. Их число составляет примерно 30% от общих рассматриваемой лексики независимо от вида отношений между компонентами.

Значительное количество словосочетаний данной группы образуются на основе атрибутивных связей между составляющими их элементами. В обоих языках в составе словосочетаний была выявлена лексика, образующая микросистему «фрукты и овощи» согласно следующим моделям:

а) таджикские словосочетания:

1. **N+N:** «ангури кишмиш – kishmish» [176,50] (кишмиш, сорт мелкого винограда без косточек) [149, с.22].

2. **N+Adj:** «ангури тоифӣ – toifi grapes» [176, с.50] (виноград тойфи, сорт винограда)[162,33]: < Онҳо заминҳои хоҷагии деҳқониро ба парвариши **ангури навъи тоифӣ** мувофиқ донистанд [193, с.40] – *Сельскохозяйственные угодья, считали пригодными для выращивания винограда сорта тойфи*); «ангури ҳусайнӣ – husaini grapes» [176, с.50] (виноград хусайни, сорт винограда) [162, с.33], «бодиринги майда – gherkin» [155, с.364](мелкий огурец) [162, с.35], «картошкаи ҷавон (нав) – new potatoes (молодой картофель)»[162, с.43]: < Барои ба осонӣ ҷудо кардани пӯсти **картошкаи ҷавонро** ним соат дар намакоб тар кардан зарур аст [194, с.38] – *Для того, чтобы легко отделить кожуру молодого картофеля, необходимо замочить его на полчаса в рассоле*; «қалан(м)фури булгорӣ – capsicum» [155, с.144] (болгарский перец, стручковый перец) [162, с.45], «қаланфури сурх – cayenne» [155, с.144](красный стручковый перец) [162, с.45].

3. **N+Adj+Adj:** «ангури бедонаи сиёҳ –black sudleas» [176, с.50] (черный виноград без косточек) [162, с.33].

б) английские словосочетания:

1. **N+N:** «brussels sprout – брюссельская капуста» [201] – карами брюсселӣ, «sugar beet – лаблабуи қанд (сахарная свекла)» [162, с.28].

2. **N+Adj:** «*new potatoes* – картошкаи чавон (молодой картофель)» [150, с.681].

4. **N+Prep+N+Suff:** «*bunch of grapes* – хушаи ангур» [176, с.51] (гроздь винограда) [162, с.15].

С целью исследования на предмет соответствия лексических сочетаний, относящиеся к лексике наименования «хӯрок – food (пища)» в таджикском и английском языках, были анализированы их составные элементы.

В ходе формально-структурного анализа ЛСП наименованиям пищи были обнаружены число и продуктивность моделей, на основе которых созданы словосочетания данной группы.

Результаты исследования при проведении структурного анализа данных словосочетаний в сопоставляемых языках, подтверждается тем, что наиболее продуктивным в ЛСП наименованиям «хӯрок – food (пища)» оказались следующие модели: **N+Adj, Adj+N, N+N, N+Prep+N, V+N, N+Prep+N+N**.

Следовательно, необходимо отметить, что образования слов посредством синтаксического способа являются наиболее продуктивным в сравниваемых языках.

2.4. Роль конверсии в образовании лексики наименования «хӯрок– food(пища)» в таджикском и английском языках

Большинство учёных и лингвистов придерживаются противоположного мнения, которое заключается в том, что «конверсия – это не просто один из способов словообразования в английском языке, а один из наиболее продуктивных способов словообразования в современном английском языке. Несмотря на то, что вопрос о конверсии был поставлен в англистике, до настоящего времени нет единой точки зрения по этой проблематике». Термин **конверсия** впервые был употреблен Г.Суитом в конце XIX века, хотя это явление было еще замечено немецким ученым З.Метцнером еще в 60-ые годы XX века. Согласно мнению Л.П.Винокурова «По конверсии слова образуются без

использования специальных словообразовательных аффиксов, некоторые лингвисты рассматривают конверсию как корневой способ словообразования» [37, с.19].

По мнению А.Я. Загоруйко «Ошибочность отождествления конверсии с корневым словообразованием становится очевидной при анализе морфологической структуры конвертированных слов. В результате анализа мы устанавливаем, что многие слова образованы по конверсии от производных сложных и сложно – производных основ» [50, с.39].

По мнению Г. Марчанда модель существительное > глагол (N > V) наиболее продуктивная конверсионная модель. Её высокая продуктивность объясняется тем, что в английском языке нет другого продуктивного способа образования глаголов от существительных». Например: «*butter* – равғани маска» [155, с.128] (сливочное масло) [150, с.64] – «*to butter* – равған молидан» [155, с.128] (намазывать маслом)» [150, с.64]; «*candy* – ширинӣ, оби набот» [155, с.134](леденец, сладости, конфеты) [159, с.59] – «*to candy* – ширин кардан, дар шакар пухтан (засахаривать, варить в сахаре)»; «*fish* – моҳӣ» [155, с.327] (рыба) – «*to fish* – моҳӣ доштан/гирифтан (ловить рыбу) [150, с.180]; «*to salt* – намак» [155, с.707] (соль) – «*to salt* – намак кардан (солить)» [150, с.425]; «*drink* – нӯшокӣ» [155, с.269] (напиток) – «*to drink* – нӯшидан (пить)» [150, с.144]; «*milk* – шир» [155, с.521] (молоко) – «*to milk* – шир дӯшидан (доить)» [159, с.239]; «*oil* – равған [155, с.564] (масло) – «*to oil* – равған кардан (смазывать)» [159, с.259]; «*pepper* – қаланфур, занҷабил» [155, с.599] (перец) – «*to pepper* – мурч пошидан, тунд кардан, тез кардан (перчить)» [159, с.274]; «*water* – об» [155, с.908] (вода) – «*to water* – об додан (поливать; орошать)» [150, с.568]: < *We have got many flowers at home. Twice a week I water them* [65, с.41] и т.д.

Впервые, в начале 50-х годов прошлого столетия лингвист В.Н. Ярцева называет «конверсию способом словопроизводства и подчеркивает её широкое распространение в английском языке» [143, с.437]. Согласно мнению А.И. Смирницкого «...способ словопроизводства, единственное словообразовательное

средство, которое выражается парадигмой слова. Парадигма слова – система грамматического изменения слова, которая является определенным оформлением слова и тем самым выступает как словообразовательное средство» [108, с.23-24]. Именно А.И. Смирницкий отмечает, что «существительное и глагол отличаются друг от друга своими парадигмами» [108, с.24]. Явление конверсии характерны не только глаголов и существительных, прилагательные также могут конвертироваться в существительные и даже в глаголы.

Далее А.И. Смирницкий считает «парадигму единственным словообразовательным средством конверсии и, тем самым относит конверсию к морфологическому способу словообразования и ограничивает её применение пределами изменяемых частей речи» [108, с.24]. Признание парадигмы словообразовательным средством конверсии является неточным и приводит к неправильному пониманию словообразовательной сущности этого способа словообразования.

А.И. Смирницкий отмечает, что «Грамматическая оформленность слова определяется, однако, не только его грамматическим изменением или его неизменяемостью, но и его грамматической сочетаемостью с другими словами, со словами определенных классов и разрядов. Следовательно, грамматическая оформленность слова состоит из парадигмы и сочетаемости. Слова отличаются друг от друга парадигмами» [109, с.19].

Если бы парадигма была единственным словообразовательным средством конверсии, мы не смогли бы определить значения омонимичных словоформ и их функций.

По мнению А.Я. Загойруко «Специфика конверсии как способа словопроизводства заключается в том, что новое слово образуется без использования словообразовательных аффиксов. Поэтому различиями между основным словом и производным при конверсии являются парадигма и сочетаемость. Иначе говоря, парадигма и сочетаемость являются единственными словообразовательными средствами при конверсии. А.И. Смирницкий принимает

во внимание только словообразовательную роль сочетаемости при конверсии. [50, с.41].

Сочетаемость как словообразовательное средство конверсии можно было не учитывать лишь в том случае, если бы любая словоформа могла быть словоразличительным средством в каждом конкретном случае, воспроизведения слова, т.е. словоформа должна была бы указывать не только на принадлежность слова к определенной части речи, но и конкретизировать её значение. Но современный английский язык характеризуется большим количеством омонимичных словоформ как внутри отдельной парадигмы, так и при сопоставлении парадигм, относящихся к разным лексико-грамматическим разрядам. Поэтому часто невозможно установить принадлежность той или иной изолированной словоформы к определенной части речи, даже если она относится к существительному и глаголу, т. е. к таким частям, которые имеют наибольшие различия парадигм.

В.А. Звегинцев справедливо подчеркивает, что «в значении слова с наибольшей очевидностью обнаруживается взаимосвязь всех элементов языка, в своей совокупности образующих определенную систему» [52, с.318].

Поэтому частичная, а иногда и полная, омонимия словоформ, наблюдаемая в парадигмах слов, связанных словообразовательными отношениями по конверсии, обуславливает необходимость учитывать не только парадигму, но и сочетаемость как словообразовательное средство при конверсии. Именно благодаря сочетаемости мы устанавливаем принадлежность омонимических словоформ к определенному лексико-грамматическому разряду, выявляем их функции и значения в предложениях. Учитывая омонимию словоформ, можно утверждать, что сочетаемость, играет ведущую роль при образовании слов по конверсии, так как любое слово создается и затем воспроизводится в речи только в одной словоформе, а не во всей парадигме. Словообразовательная роль сочетаемости позволяет обнаружить конверсию не только в изменяемых, но и в неизменяемых лексико-грамматических разрядах. Слова неизменяемых лексико-

грамматических разрядов характеризуются нулевой парадигмой, так как в каждом грамматически неизменяемом слове мы должны видеть и слова и словоформу. Например: 1. Fish (n): *The traditional British take-away is **fish** and chips eaten with salt and vinegar and served in an old newspaper* – Традиционная британская еда на вынос – **рыба** с жареным картофелем, которую едят с солью и уксусом и подают в старой газете [56, с.194].

2. Fish (v): *But Mother said that she would be glad to watch him fish and not to **fish** herself* – Но мать сказала, что она была бы рада смотреть, как он ловит рыбу, а не **рыбачить** сама. [56, с.159];

1. Drink (n): *Then came the question of **drink*** – Затем встал вопрос о **выпивке** [56, с.103];

2. Drink (v): *«What are you going to **drink**?» she asked* – «Что ты будешь **пить**?» она спросила [56, с.103].

Конверсия – как морфолого-синтаксический способ словообразования, по которому слово одного лексико-грамматического разряда образуется от основы или словоформы другого лексико-грамматического разряда при помощи парадигмы (или нулевой парадигмы) и сочетаемости.

Такое определение словообразовательной сущности конверсии предполагает различные типы, которыми охватываются все лексико-грамматические разряды слов. Каждому типу конверсии свойственны свои особенности, но все они относятся к одному морфолого-синтаксическому способу словообразования, так как отличаются друг от друга только парадигмой и сочетаемостью, которые и являются единственными словообразовательными средствами конверсии. Однако, явление конверсии характерно не только для глаголов и существительных также могут конвертироваться в существительные и даже глаголы. В современном английском языке существуют немало от адъективных существительных, то есть таких, которые образованы по модели $A \rightarrow N$. Как правило, подобные существительные образуются не по конверсии, а с участием эллипса – «опущение», «пропуск», т.е.

субстантивированное прилагательное употребляется вместо словосочетания, состоящего из прилагательного и определяемого им существительного. Выделяют следующие два типа частично субстантивированных прилагательных [207, с.3]:

1. Прилагательные, которые могут употребляться только в форме единственного числа с определенным артиклем. Они имеют значение собирательных существительных, определяющих класс, национальность или отдельную группу людей. Например, при распаде словосочетания «*rich people*» прилагательное «*rich*» не только получает определенный артикль (*the*), но и приобретает семантическое значение всего прежнего словосочетания: «*the rich – rich people; the English – English people*» [207, с.4].

2. Прилагательные, которые употребляются только во множественном числе, а также имеют значение собирательных существительных, например: «*sweets*» – *сладости, конфеты*; «*greens*» – *зелень, овощи* и т.д. [207, с.5].

Выводы по второй главе

Исследование и анализ фактического материала показал, что в лексике относящиеся к наименованию «хӯрок – food (пища)» таджикского и английского языков действуют тенденции и закономерности, в частности: словообразовательные процессы и модели. Проведенное нами исследование охватывает отличия в источниках становления и развития лексики, их краткую историю появления, а также их структурные особенности. Из всего количества рассматриваемой лексики было выделено 540 таджикской и 570 английской лексики, относящиеся к наименованию «хӯрок – food (пища)». В процессе морфемно-структурного анализа лексики относящиеся к наименованиям пищи, были выявлены определенное количество и продуктивность моделей, на основе которых образованы словосочетания в данной микросистеме сопоставляемых языках. В нашем исследовании анализ лексико-семантических полей нам

представляется наиболее удобным и перспективным способом исследования лексики относящиеся к наименованию «хӯрок – food (пища)».

Результаты проведенного исследования при проведении структурного анализа словосочетаний, подтверждают, что наиболее продуктивным в микросистеме относящиеся к лексике наименования «хӯрок – food (пища)» в таджикском и английском языках оказались следующие модели: N+N, N+Adj, Adj+N, V+N, N+Prep+N, N+Prep+N+N.

Анализ отобранной лексики, относящиеся к наименованию «хӯрок – food (пища)» позволяет утверждать, что в таджикском и английском языках имеются лексические единицы, которые соответствуют полностью по структуре. Также установлено, что парадигма и сочетаемость являются единственными словообразовательными средствами при конверсии в английском языке.

В основном исследование лексики проводилось на материале, охватывающий более 1101 лексических единиц, вошедших в Приложение 1 и Приложение 2.

ГЛАВА III. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСВЕЩЕНИЯ ЛЕКСИКИ НАИМЕНОВАНИЯ «ХҶРОК – FOOD (ПИЦЦА)» В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В этой части исследования мы подробно остановимся на лексико-семантическом освещении лексики наименования «хҶрок – food (пицца)» в сопоставляемых языках. К лексико-семантическим свойствам, прежде всего, относятся явления полисемии, синонимии, омонимии и антонимии у лексически той или иной отрасли.

3.1. Полисемия в лексике наименования «хҶрок (пицца)-food» в таджикском и английском языках

Отличительной особенностью лексики наименования «хҶрок – food (пицца)» от других лексических пластов языка являются быстрый темп семантических изменений, скорость смены составляющих её лексем, широкое употребление этих единиц в переносных значениях, участие в формировании пословиц, поговорок и фразеологических единиц. В системе пищевой лексики за многие тысячелетия её существования происходили изменения лексики, в связи с чем оказалось возможным выявить принципы номинации, как в плане диахронии, так и в нынешнем состоянии языка. Основные принципы номинации особенно отчетливо проясняется на примере названий различного рода кушаний. Эта номинация осуществляется по продуктам, идущим на изготовление пищи, сходству и форме, способам потребления и приготовления, согласно орудия их изготовления, наименований связанные с топонимикой и ономастикой.

Проникновение арабизмов в таджикский язык происходило двумя путями: через литературу (XI в. период правления Саманидов), а также путём непосредственного взаимодействия в хозяйственной деятельности, в производстве, в ремесле, в быту в течение многих веков. Тесная взаимосвязь и взаимовлияния вели к взаимобомену лексики наименования «хҶрок – food (пицца)». По мнению лингвистов, арабские слова настолько прочно вошли в таджикский язык, что

иноязычность их происхождения совсем не ощущается. Большинство арабской лексики наименования «хӯрок – food (пища)» вошли в таджикский язык через письменные источники, где процесс заимствования арабской лексики особенно наблюдается через письменный язык в XI-XIX вв.

Наиболее большой приток арабской лексики в таджикский язык наблюдалось в XII-XIV вв., так как таджикская письменность вплоть до 30-х годов XX в. велась на основе арабской графики и большинство лексики соответствовали формам арабского языка. В этой связи, значительную часть лексики наименования «хӯрок – food (пища)» таджикского народа составляют слова арабского происхождения, такие как: *хамир, фатир, ҳалво, кабоб, таом, гизо, қанд*.

Согласно определению А.А. Реформатского «многозначность» свойственна большинству обычных слов. Слова как названия могут легко переходить с одной вещи на другую или на какой-либо признак этой вещи или на её часть.

Полисемия включает в себя прямое и переносное значение. Еще А.Рудскогер выделял наряду с «понятийными полями» многозначности слова «понятийной сферы» т. е. их близкую совокупность значений (классы) друг к другу [30, с.111].

По мнению Л.И. Баранниковой, в составе слов любого языка выделяется две группы. В первую группу относятся слова, имеющие только одно значение, во вторую – слова, имеющие одновременно несколько значений. Способность слова развивать дополнительные значения и сохранять их в синхронном употреблении наряду с основным значением называется полисемией [21, с.111].

Согласно Л.А. Новикову «Полисемия – одно из важнейших «измерений» лексико-семантической системы, одно из проявлений закономерной связи элементарных лексических единиц, образующих в структуре многозначного слова определенную иерархию взаимообусловленных первичных и вторичных семантических функций. Два или более лексические значения образуют структуру

многозначного слова, если у них тождественные знаки, одна лексема и различные, но связанные значения» [90, с.68].

Далее он отмечает, что «семантический анализ лексики связана с определенным кругом лексики, т.е. с лексико-семантической группой, свойства которых позволяет установить определенную зависимость между лексико-семантическими категориями – полисемии, омонимии, синонимии, антонимии и позволяет установить определенную зависимость ЛСК от текста» [Новиков:1982, с.175].

Исследования дефиниций в словарях позволили выявить полисемию, когда толкование слова представлено несколькими понятиями. Дефиниции многозначной лексики отмечены в данном подразделе пометкой (I, II.), перед определением каждой омонимичной лексики наименования «хӯрок – food (пища)» следует его наименование. Многозначность слова, давно существующая в языке, находится в повседневном употреблении. Так, составители Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ (Толковый словарь таджикского языка) полагают, что в таджикском языке полисемия – это те слова, которые имеют два и более значений.

Лексически связанное значение многозначного слова проявляется по-разному в зависимости от того, в какую лексико-семантическую группу оно входит. Многозначность лексем в таджикском языке выражается следующим образом:

«Гӯшт [170, с.374] – meat (мясо)»: I) ҷисми мулоими сурхранги рӯи устухонҳо ва зери пӯсти ҳайвонот ва паррандагон (мягкое красноватое вещество на костях и под кожей человека животных и птиц): гӯшти гов, гӯшти гӯсфанд, гӯшти лаҳм, гӯшти сахт (нежирное мясо, твердое мясо); II) ҷои мулоими мева ва растаниҳои полизӣ мисли харбуза ва тарбуз ва ғ. (мягкое место фруктов, бахчевых культур, таких как дыни и арбузы и т. д.).

«Какао [170, с.604] – сосоа (какао)»: I) дарахти ҳамешабози хӯдруй, ки дар кишварҳои гармсер парвариш карда мешавад дикое вечнозеленое дерево, которое выращивают в теплых странах. II) гарди (хокаи) баргу донаи дарахти

какао, ки барои тайёр намудани шакалод ва қаҳва истифода бурда мешавад (порошок из листьев и семян какао-дерева, которая используется для приготовления шоколада и кофе); III) навъи нӯшокӣ (вид напитка).

«**Кулча** [170, с.661] – bun (сдобная булка)»: I) нони гирдаи начандон калони танӯрӣ, бештар аз орди гандум бо ширу равған мепазанд (небольшая круглая лепешка испеченная в тануре из пшеничной муки, в основном на молоке и масле); II) нумератив дар шумори собун ва ашъи одатан гирда ё шабеҳи он (нумерация по количеству мыла и предметов обычно круглых или подобных).

«**Қаймоқ** [170, с.688] – cream (сливки)»: I) қабате, ки дар рӯи шир баъди дӯшида мондан пайдо мешавад, бастаи рӯи шир, саршир, чарба – (слой, который появляется на поверхности молока после доения, слой на поверхности молока, сливки); < *Қаймоқи рӯи ширро ноғирифта онро мепазем. Вақте шири пухта каме сард шуд, ба он чурғот ҳамроҳ мекунем* [190, с.10] – *Не сняв каймак (сливки) с поверхности-молока, его варим. Когда прокипяченное молоко остынет, добавляем простоквашу*; II) маҷ. қисми нағз, бартар ва олии ҳар чиз (лучшая часть, лучшая и высшая часть всего).

«**Қаҳва** [170, с.707] – coffee (кофе)»: I) донаҳои (тухми) дарахти тропикие, ки онро дар оташ бирён карда, баъд кӯфта орд карда, истеъмол мекунанд (зерна (семена) тропического дерева, жарят на огне, затем перемалывают в муку и употребляют); II) нӯшидани, ки кӯфта ё хокаи қаҳваро дар об чӯшонида ё боляш оби чӯш рехта, ба он шир ва шакар омехта ва гоҳе бе инҳо мехӯранд (напиток, приготовленный путем измельчения или кипячения кофейного порошка в воде или заливки его кипятком, с молоком и сахаром, а иногда и употребления без него).

«**Шакароб**» [171, с.648] – I) навъи хӯроки миллӣ аз реза буридаи, помидор, қаланфур ва кабудӣ, ки дар он нон ё фатир пора бо чурғот, чакка ё обу равған омехта карда мехӯранд (вид национальной пищи, приготовленный из мелко нарезанных помидоров, болгарского перца и зелени, в котором едят лепешку или

фатир, смешанный с кефиром, кислым молоком или водой и маслом); II) оби бо шакар ширин кардашуда (вода подслащенная сахаром).

«**Cream** – қаймоқ (сливки)»: I) thin cream with little milk fat – қаймоқи тунук бо миқдори ками рағани шир (тонкие сливки с небольшим количеством жирности молока): clotted cream – қаймоқи (креми) лахташуда (взбитые сливки) II) cream of liquidized fruit or vegetables: puree – крем аз мева ва сабзавоти пухта соидашуда: пюре (крем из жидких фруктов или овощей: пюре).

«**Honey** [198] – асал (мёд)»: I) a sweet viscid material elaborated out of the nectar of flowers in the honey sac of various bees – маводи ширин, часпак, ки аз гарди гул дар халтаҳои асали занбӯри асал ба даст меояд (сладкий вязкий материал, полученный из нектара цветов в медовых мешочках различных пчел); II) to sweeten with or as if with honey – гӯё бо асал ширин кардан

«**Soup** – [198] шӯрбо (суп)»: I) a liquid food especially with a meat, fish, or vegetable stock as a base and often containing pieces of solid food – ғизои моеъ, махсусан бо гӯшт, моҳӣ ё шӯрбои сабзавот ҳамчун асос ва аксар вақт дорои порчаҳои ғизои сахт (жидкая пища, особенно с мясным, рыбным или овощным бульоном в качестве основы и часто содержащая кусочки твердой пищи); II) something having or suggesting the consistency or nutrient qualities of soup – чизе, ки дорои сохтор ё хосиятҳои ғизоии шӯрбо аст (что-то имеющее или предполагающее консистенцию или питательные свойства супа); III) an unfortunate predicament that stunt landed her in the soup – як вазъияти ногувор, ки ўро ба шӯрбо овард (неудачное затруднительное положение, из-за которого она попала в суп).

«**Dressing** [198] – хӯриши таом (гарнир)»: I) the act or process of one who dresses – раванди амали шахсе, ки либос мепӯшад (актерский процесс того, кто одевается); II) a sauce for adding to a dish or a salad: a seasoned mixture usually used as a stuffing – (соус для добавления в блюдо или в салат: приправленная смесь, обычно используемая в качестве начинки).

«**Flesh** [198] – гӯшт (мясо)»: I) the soft parts of the body of an animal and especially of a vertebrate especially: the parts composed chiefly of skeletal muscle as distinguished from internal organs, bone, and integument: the condition of having ample fat on the body cattle in good flesh (мягкие части тела животного и особенно позвоночного, особенно части, состоящие в основном из скелетных мышц, в отличие от внутренних органов кость и кожный покров: наличие достаточного количества жира на теле крупного рогатого скота с хорошей плотью); II) edible parts of an animal: flesh of a mammal or fowl eaten as food (съедобные части животного: мясо млекопитающего или птицы, употребляемое в пищу); III) the physical nature of human beings the spirit indeed is willing, but the flesh is weak (физическая природа человека дух действительно желает, но плоть слаба); III) a fleshy plant part used as food also: the fleshy part of a fruit (мясистая часть растения, используемая также в пищу: мясистая часть плода).

В группе таджикских наименований «хӯрок – food (пища)» выявлено в 35 специальных лексем, что составляет 5% от всех анализируемой лексики. В группе английской лексики наименования «хӯрок – food (пища)» многозначными являются 40 специальных лексем, что составляет 6 % от всего массива анализируемых лексем. Таджикские слова «гӯшт», «қанд», «қаҳва», «шакароб» не являются эквивалентами английской лексики.

3.2 Явления омонимии в лексике наименования «хӯрок – food (пища)» в таджикском и английском языках

Специальное явление, важное для природы языка, представляет омонимия. Омонимами называют два или несколько слов, одинаково звучащих и по написанию, но имеющие разные значения. Лексико-семантический способ словообразования представляет собой распад значений многозначного слова. Значения слова расходятся по смыслу настолько далеко друг от друга, что образуют отдельные лексические единицы, в результате чего возникают омонимы.

Рассматривая, вопросы омонимии В.И. Абаев критикует составителей Англо-русского словаря за якобы неправильное установление лексико-грамматических омонимов в современном английском языке. Признавая лексико-грамматическую омонимию слов в русском языке (печь-печь, течь-течь и т.п.), В.И Абаев категорически и бездоказательно отвергает лексико-грамматическую омонимию в современном английском языке. Он считает, например, down одним полисемантным словом, употребляющимся в функциях шести различных частей речи [Абаев: 1957, с.32]. Ошибочность утверждений об употреблении одного и того же слова в функциях различных частей речи была убедительно показана А.И. Смирницким в его статье о конверсии в английском языке [Смирницкий:1953, с.23].

Противоречивый подход В.И. Абаева к лексико-грамматическим омонимам обусловлен четырьмя основными моментами:

1) игнорирование того факта, что в слове может закрепляться ни одно, а несколько понятий, но обязательно с одинаковым логико-грамматическим, категориальным значением (предметности, действия, признака и т.д.). П.С Попов справедливо подчеркивает, что «субстантивацию прилагательных не понять, если не мыслить логически, а следовательно, не фиксировать различия понятий, которые являются продуктом изолирующей абстракцией и абстракции генерализующей» [98, с.40];

2) попытки перенести критерии принадлежности слова к определенному лексико-грамматическому разряду, характерные для русского языка с богатой флексией, на современный английский язык с бедной флексией;

3) отождествление двух понятий: слова и его отдельных форм, что приводит к непоследовательному толкованию лексико-грамматических омонимов;

4) отрицание конверсии, как специфически продуктивный способ словообразования в современном английском языке. Именно слова образованные по конверсии, являются частичными лексико-грамматическими омонимами, т.е.

словами одного и того же словообразовательного гнезда, у которых наблюдается омонимия не только их основ, но и некоторых словоформ, даже изменяемых лексико-грамматических разрядов.

По мнению Б.Н. Головина «Появление омонимов, как уже доказано, обусловлено рядом причин, одной из которых является семантическое расщепление слова, распад полисемантических терминов. Омонимия может возникнуть в результате совпадения звучания, написания и полного или частичного совпадения формоизменения исконного слова и заимствованного» [42, с.102]. Как в английском, так и в таджикском языках существуют огромное количество слов, близкие по звучанию и написанию, но имеющие разные значения. Такие омонимы называются полными.

В лексикологии таджикского и английского языков исследуемая лексика наименования «хӯрок– food (пища)» большей частью составлена на основе общеупотребительной лексики.

Согласно Толковому словарю таджикского языка, составленным таджикскими учёными С. Назарзода, А. Сангиновым, С. Каримовым, Мирзо Ҳасани Султон (Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ) можно предложить следующее толкование лексики, у которых прослеживается явление омонимии.

«**Бедона** [170, с.]– I) quail (перепелка)» паррандаи саҳроии хушовоз, ки аз гунчишк калонтар мебошад, ки шавқмандон онро сайд карда барои овози фораи ё ҳангӣ буданаш дар хонаҳо нигоҳ медоранд (приятная полевая птица, крупнее орла которую энтузиасты ловят и держат дома из-за приятного звука или боеспособности); II) «**бедона**»: мевае, ки донак надорад (аз қабиле ангури кишмиш): хурмои бедона; таджикская лексема «бедона – перепелка» совпадает с английским эквивалентом «quail» представленными своими разными значениями: I) «**quail** [198]– бедона (перепелка)» 1) a small, brown bird that is shot for sport or food, or the meat of this bir – мурғи хурди қаҳваранг, ки барои варзиш ё ғизо сайд карда мешавад ё гӯшти он парранда (маленькая коричневая птица, которую отстреливают для спорта или еды, или мясо этой птицы); 2) (amer. slang) student

(girl); II) «**quail**» to feel or show fear; to want to be able to move away from something because you fear it – ҳис кардан ё нишон додани тарс; аз чизе дур шудан мехоҳед, зеро шумо аз он метарсед (чувствовать или показывать страх; хотеть иметь возможность отойти от чего-то, потому что вы этого боитесь).

Таким образом, лексема «*quail*» представлена в двух значениях в разных отраслях знания (2 дефиниции), как её таджикский эквивалент. Однако сходятся они лишь в дефиниции одного и того же понятия (bird – парранда (птица)).

I) «**Бодранг**»: 1) турунҷ навъе аз афлесун, ки пӯшташ дурушт зард ва хушбӯст (апельсин, разновидность апельсина с твердой желтой и ароматной кожицей); 2) бодиринг, хиёр (огурец); II) «бодранг»: 1) бодмонанд, шабеҳи бод (ветренный, ветроподобный); 2) (переносный): аспӣ бодпо, даванд (быстрая лошадь или конь, бегун).

I) «**Карам** [170, с.621] – cabbage (капуста)» сабзавоти хӯрокии намуди машхураш лӯнда, ки аз баргҳои паҳни ба ҳам печида иборат аст; гулкарам, баргқарам, карамшалам аз намудҳои вай аст (известный съедобный овощ, состоящий из широких переплетенных листьев; цветная капуста, листовая, кольраби); II) «**карам**» – марҳамат, иноят; саховат, ҳиммат, чавонмардӣ (пожалуйста, благодать; великодушие, мужество). Таким образом, лексическая единица «*карам*» представлена менее объемной (2 дефиниции), нежели её эквивалент «*cabbage*» но при этом биологическое содержание этих эквивалентов совпадает. I) «**Нок** – pear (груша)» растани ва меваи он аз чинси мурӯд ва калонтар аз он, амрӯд, нашпотӣ (растение и его плоды относятся к роду груши и крупнее его); II) «**нок**» олуда, нопок, нософ: оиди мушқу анбар ва ғ. (замешенный, загрязнённый, нечистый: о мускусе и т.д.).

I) «**Чакка**» [171, с.545] – ҷои устухони барҷаста, ки дар байни чашму гӯш ҷой гирифтааст (место выступающей косточки, которая находится между глазом и ухом); II) «**чакка**» ҷурғоти зардобаш заҳида ғафшшуда (загустевшая сыворотка):
< – *Дуруст, рӯи дастархони бонуи кӯҳистониро ҳамеша нон, шириниҳои омоданамудаи худӣ, маҳсулоти шири: чакаву ҷурғот, себу мағзу гӯлинг ё*

зардолуи болаззат оро медиҳанд [190, с.10] – Верно, дастархан горной хозяйки всегда украшают хлеб, собственно приготовленные домашние сладости, молочные продукты: яблоки, курага, орехи и вкусные абрикосы; III) «чакка» чакра, катра, андаке аз чизе (капля, немного чего-то); IV) «чакка» канор, гӯшаи чизе (край, угол чего-либо).

I) «**Jam** [199] – мураббо (варенье)» a thick sweet substance made by boiling fruit with sugar, often sold in jars and spread on bread – мураббо, моддаи ширини ғафс, ки аз меваи чӯшон бо шакар тайёр карда мешавад, ки аксар вақт дар зарфҳо гирифта мешавад (варенье – густое сладкое вещество, приготовленное путем варки фруктов с сахаром, часто берут и закрывают в банках); II) «**jam**» a situation in which it is difficult or impossible to move because there are so many people or vehicles in one particular place – вазъияте, ки дар он чо ҳаракат кардан аз сабаби шумораи зиёди одамон ё воситаҳои нақлиёт дар як чой мушаххас душвор ё ғайриимкон аст (ситуация, в которой трудно или невозможно передвигаться из-за большого количества людей или транспортных средств в одном конкретном месте); III) «**jam**» a situation in which a machine does not work because something is stuck in one position – вазъияте, ки дар як мавзеъ часпида будани чизе, дастгоҳ кор намекунад (ситуация, при которой машина не работает, потому что что-то застряло в одном положении); IV) «**jam**» used by the media to describe people who do not have much money to live on – дар ВАО барои тавсифи одамоне истифода мешавад, ки барои зиндагӣ пули зиёд надоранд (используется в СМИ для описания людей, у которых не так много денег на жизнь).

I) «**Date**» [198]: the sweet brownish fruit of, date palm – меваи қаҳваранги ширин; хурмо (сладкий коричневатый плод пальмы; финиковая пальма); II) «date»: 1) the time at which an event occurs – вақти рӯй додани ходиса (время, когда происходит событие); 2) to record the time of the execution or making of – ба кайд гирифтани вақти илро ва ё анҷом додани он (зафиксировать время исполнения или изготовления).

I) «**Pasty**» [198]: pie, (especially with meat) – пирог, пай хусусан бо гӯшт (пирог, пай (особено с мясом): II) «**pasty**»: 1) *pasty, sticky* – хамирӣ, часпак (тестообразный, вязкий); 2) *pale, puffy; unhealthy (of complexion)* – саманд, варам; носолим (рӯй) (бледный, одутловатый; нездоровый (о цвете лица).

В группе таджикских лексем явления омонимии составляют 4,8% от всей рассматриваемой лексики. Среди них наблюдаются следующие лексемы: «бедона», «карам», «нок», «бодранг», «чакка». В группе английских лексем омонимы составляют 8% от всей рассматриваемой лексики. Наиболее активными являются следующие лексемы: «*quail*», «*jam*», «*date*», «*pasty*». Это подтверждает, что лексический состав таджикского языка обширнее и состоятельнее чем словарный состав английского языка; если в таджикском языке для наименования тех же понятий употребляются разные лексемы, то в английском языке одним словом выражаются многие понятия.

3.3. Синонимия в лексике, относящиеся к наименованию «хӯрок – food (пища) в сопоставляемых языках

Синонимы – звучащие по разному, но совпадающие по значению слова. Синонимы и антонимы также тесно связаны с разновидностями семантических полей, считает Л. М. Васильев. Особенно в лексико-семантических группах наблюдается синонимия и антонимия. Впервые синонимы и антонимы в рамках семантического поля были рассмотрены в трудах А. Йоллеса. Мнение А. Йоллеса поддерживает и Ф.П. Филин, который также считает синонимию и антонимию как разновидность ЛСП [30, с.110]. Согласно мнению Л.М. Васильева «семантические классы слов, тождественны по всем лексическим грамматическим семам, которые свойственны доминанту данного класса» [30, с.111].

По мнению М.Г. Шкуропацкой «Слова-синонимы образуют синонимический ряд, в который может входить от двух до десяти и более лексических единиц. Одно из слов в таком ряду, семантически наиболее общее, наиболее употребительнее и обычно стилистически нейтральное, является

стержневым и называется доминантой синонимического ряда. С доминантой соотносятся все остальные члены синонимического ряда. Так, синонимы учтивый, корректный, любезный, обходительный соотносятся со словом вежливый, которое наиболее полно выражает общее значение (внимательное, чуткое отношение к другому человеку) и является наиболее употребительным. Синонимия тесно связана с многозначностью. Каждое из значений многозначного слова может иметь свои синонимы, тем самым оказываясь членом разных синонимических рядов» [138, с.234]. Например: *свежий хлеб – мягкий хлеб, свежее мясо, свежая рыба* и т.д.

В нашем исследовании семантического поля в качестве ядра выступает лексика «хӯрок – food (пища)». Синонимические группы которые находятся в околядерном пространстве, являются частями семантического поля: «нон ва маъсулоти нонӣ (хлеб и хлебобулочные изделия)», «хӯрокҳои якум (первые блюда)», «хӯрокҳои дуум (вторые блюда)», «шириниҳо (сладости)», «шир ва маҳсулоти ширӣ (молоко и молочные продукты)», «нӯшокиҳо (напитки)» и «меваҳо ва сабзавот (фрукты и овощи)».

Использование синонимов в функции их взаимного замещения позволяет избежать повторения одних и тех же слов. Многие понятия имеют в языке для своего обозначения синонимы, при чем их количество в синонимических группах весьма значительно, а состав и функции – разнообразно. По мнению А.П. Евгеньевой «В число синонимов, часто включаются не только слова, обозначающие одно понятие, но также и слова, которые обозначают разные понятия, хотя и близкие между собой» [138, с.235]. Например, слова, которые имеют общее значение *пищи*, включает в себя определенный отдельный оттенок: *суп, хлеб, чай* и т.д.

Л.А. Новиков считает, что «синонимы образуют парадигмы (ряды) слов ЛСВ, которые идентифицируются путём установления их сходства и различия с доминантом. Синонимы могут отличаться друг от друга разными основами, приставками, суффиксами, префиксами» [90, с.229]. Одним из видов вариантных

отношений в лексике является функциональная эквивалентность слов, или синонимия.

Вариантность в лексике функциональная эквивалентность в чем-то схожа с семантическим варьированием, в чем-то противоположена. В группе лексики, относящиеся к наименованиям «хӯрок – food (пища)» в таджикском языке рассматривается явление противоположность вариантных рядов отношений связано с инвариантом, которые определяют вариантный характер других форм.

В данном подразделе можно добавить следующие синонимичные лексики относящиеся к наименованиям пищи таджикского языка: «хӯрок» – «таом» – «ғизо»; «ордбирён» – «атола» – «гардоба»; «гӯитбирён» – «гавурдог» – «қайла»; «шавла» – «ялама» – «шӯла». Небольшая численность синонимичной лексики имеется в группе относящиеся к наименованиям «хӯрок – food (пищи)» в английском языке, таких как «food» – «edibles» – «eatable»; «sweet» – «candy» – «dessert»; «soup» – «broth» – «bullion».

Явление синонимии, следовательно, представлено в системе лексики наименования «хӯрок – food (пищи)» в таджикском и английском языках. В каждой из отобранных синонимических рядов лексем являются исконно английским, либо заимствованным. Как отмечает Л.Л. Нелюбин, синонимические отношения могут объединять ряды или группы слов. Синонимический ряд – это совокупность более или менее одинаковых по значению слов, расположенных в зависимости от интенсивности и оттенков выражаемого значения [160, с.6].

Синонимические ряды лексики в таджикском языке, состоят из 20 лексем, которые составляют 3% от всего массива. Английские синонимичные ряды, образующие из 30 лексики, составляют около 4,6% от общего количества лексем.

Таджикские лексемы: «хӯрок [171, с.491] (пища, еда, корм)»: 1) таом, хӯрданӣ, ғизо: хӯроки пагоҳонӣ, хӯроки шом (еда, съедобный, пища: завтрак, ужин) < Намедонам, ки бе навозиши шавҳари дӯстдорандаву мехрубон хӯроки зан захру закум, пушокаш хори магелон, хонааш зиндон аст [113, с.98]. – Я не знаю, что без любящего и заботливого мужа, еда женщины – яд, её одежда –

шипы калючки магелана, её дом – тюрьма;< Мардаки бедард, нодон! Вай гумон мекунад, ки зан хонаву чояш, хӯроку пӯшокаш муҳайё бошад, хушбахт аст.[113, с.99] – Невежественный мужик! Он считает, что женщина счастлива, если ей обеспечен дом, место, еда и одежда; 2) ем, бедаву, хошоки чорво (зерновой корм для скота; фураж) – (синоним «**таом** (еда, пища)» ҳар чизи хӯрданӣ, хӯрок, ғизо: таоми гарм; обу таом нӯшокӣ ва хӯрокӣ (все съедобное, пища, питание: горячие блюда; питьевая вода и еда) – (синоним «**ҒИЗО** (еда)» чизе, ки хӯрда мешавад ва ба тан қувват медиҳад, хӯрданӣ, хӯрок, таом (то, что съедается и даёт силы телу, съедобное, еда): а) хӯрок додан (кормит); б) чизи барои парвариши растанӣ заруриро (аз қабилу нурию пору) ба замини кишт додан (что-то для выращивания растений, необходимые (такие как удобрения и навоз) на пашню) – (синоним «**ош** (еда, пища)» а) хӯроки пухта, таом, хӯроки гарм (еда, пища, блюдо); б) палав, оши дампухт; оши маслиҳат, зиёфате, ки барои маслиҳатгирӣ аз наздикони худ ораста мешавад (пеш аз тӯй ё маъракаи дигар) (плов, пропаренный плов; обед, организованный для близких родственников с целью консультаций для проведения семейного торжества (до свадьбы и др. мероприятий)): < Гоҳу бегоҳ бо баҳонае ба қойи кори ӯ ба бог мерафт, ба ӯ худаи нону **ош** мебурд, аз ину он гап занон мекард [113, с.100] – Вечерами, под предлогом, ходил к нему на работу в сад, приносил ему лепешки и еду, заводил разговор на разные темы; – «**ордбирён (ордоба)** [171, с.31] (мучной суп, похлёбка)» 1) орди бирён, ки барои пухтани атола, ҳалво истифода мешавад (обжаренная мука, из которой готовят похлёбку, халву); 2) гардсӯз, ордоб (похлёбка) < Пеш аз хобидан, агар ёбам, як коса шӯрбои гарму тунд ё ки **ордоби** гарм мехӯрам, анар наёбам, як чойник чойи гарм менӯшам [113, с.64] – Перед сном, если найду, съем одну чашку горячего острого супа или горячей **похлёбки**, если не найду, то выпью чайник горячего чая; – (синоним «**атола** [170, с.94] (похлёбка)» таоми сабуке, ки бо роҳи қӯшонидани орди бирён дар об тайёр мекунанд (легкое блюдо, приготовленное путём кипячения обжаренной муки в воде): < Дар хона агар ягон **атола** ё гармаке пазанд, бачаҳо ба ин гариб як коса-ним коса бароварда медиҳанд [113, с.63] –

Если дома готовят *похлебку* или *отваренный фасоль*, дети угощают странника *полчаши* этого блюда; – (синоним «**гардоба** [170, с.320] (похлёбка)» гардсӯз, ки аз орду об тайёр карда мешавад (похлёбка, приготовленная из муки и воды).

Английские лексемы: «**food**» 1) something that people eat to keep them alive (то, что люди едят, чтобы поддерживать свою жизнь); 2) the material that people and animals eat (материал, который едят люди и животные) < «*Is the girl's leg made of wood?*» *Scott said through a mouth full of food* [183, с.27] – «Нога у девушки деревянная? – спросил Скотт с набитым *нищем* ртом; (синоним «**edibles**» 1) fit to be eaten: (пригодный для еды: съедобный); 2) a food item (продукт питания) является синонимом лексемы «**eatable**» fit to be eaten, food (пригодный для еды, пища); 2) fit or able to be eaten (подходит или может быть съеден) и лексема «**sweet**» 1) a small piece of sweet food, made of sugar (як пораи хурди ғизои ширине, ки аз шакар тайёр карда мешавад); 2) any food with a lot of sugar in it (ҳама гуна хӯроки дорои шакари баланд) – (синоним «**candy**» a sweet food made from sugar or chocolate, or a piece of this (ғизои ширине, ки бо шакар ё шоколад ё порчае аз он тайёр карда мешавад) и синоним «**dessert**» sweet food eaten at the end of a meal (ширине, ки дар охири таом хӯрда мешавад). В синонимических рядах таджикского языка доминантом является лексемы «*хӯрок*» и «*ордбирён*», а в английском языке лексемы «*food*» и «*sweet*».

Таким образом, синонимические ряды в таджикском языке являлись традиционно исконными и активно употреблялись в течение последних столетий, особенно в горных регионах проживания таджиков. Некоторые лексемы представленные нами из отобранных рядов в английском языке являются заимствованиями, такие как «*candy*» (араб.– ширинӣ, оби набот), «*dessert*» (фр.). От всех рассматриваемых лексем заимствованиями являются 25 лексем, что составляют 4% исследуемого материала.

3.4 Антонимия в лексике наименования «хӯрок – food (пища)» в сопоставляемых языках

Развитие языкознания характеризуется вопросом смысловой структуры слова, системному рассмотрению различных уровней языка и лексики. К явлениям обогащающий язык придающим ему особую выразительность относятся и антонимы.

Само понятие антонимия (от греческого «*anti*» – «против» и «*онума*» – «имя») образуется на основе противопоставления понятий. По сравнению с синонимией, омонимией и полисемией, антонимию следует рассматривать как обычное языковое явление.

Антонимами называются разные по звучанию слова, которые выражают противоположные, но соотносительные друг с другом понятия. Если в синонимии характерно семантическое сходство, то в антонимии характерна семантическая противоположность. О.С. Ахманова антонимию трактует как «семантическая противоположность, противопоставленность» [89, с.67].

Семантическую основу антонимии образует различного рода логическая противоположность внутри одной сущности (качества, свойства, действия, отношения). Одной из главных задач при изучении антонимии является раскрытие понятия противоположности.

В большинстве научных работах антонимы определяются с помощью понятийной противоречивости, противоположности, обратности [Апресян:1994, 286]. Отличительная особенность антонимии заключается в способности задавать парами семантическую ось, которая образует родовое понятие, как например: *тепло – холод*, родовое понятие этой пары является – температура [43, с.23].

В обоих языках, как и в других языках, антонимы, относящиеся к наименованиям «хӯрок – food (пища)» употребляются для обозначения противоположных явлений и вкусовых качеств: *ширин – талх (сладкий – горький)*; *sweet – bitte (сладкий – горький)*:< **Талхи** бодиринги тару тозаро бартараф кардан мумкин аст, агар онро муддате ба шир андохта, андаке шакар

илова намоед [194,38] – *The **bitte** of a fresh cucumber can be removed by soaking it for a while in milk and adding a little sugar* – **Горечь** свежего огурца можно убрать, замочив его на некоторое время в молоке и добавив немного сахара.

Л.А. Новикова разделяет антонимию на 2 вида: контрарная и комплементарная антонимия, «Контрарную противоположность выражают члены упорядоченного множества, между которыми существует средний, промежуточный член», а комплементарная (дополнительность) противоположность характеризуется тем, что между «видовыми понятиями» нет никакого среднего промежуточного члена» [89, с.64]. К первому виду можно отнести: *хунук* – cold (холодный) – *гарм* – warm (теплый), а ко второму виду: *хунук* – cold (холодный) – *гарм* – warm (теплый), *сӯзон* – hot (горячий); *камнамак* – unsalted (малосольный) – *шӯр* – salty (соленый), *сернамак* – salty (соленый) и т. д.

В таджикском языке существительное «маза» указывает на вкусовые качества продукта питания. Путём присоединения префиксов *бе-* и *бо-* к существительному «маза» в таджикском языке образуется следующая пара антонимов: *бомаза* – *бемаза*, в английском языке данная антонимическая пара образуется с помощью префикса *un-*: *tasty* – *untasty* (вкусный – невкусный).

К образованиям антонимических рядов в таджикском языке относятся прилагательные: «*хом*» (сырой, неспелый) и «*пухта*» (спелый); «*сер / пур*» (больше) и «*кам*» (меньше) и т. п., которые участвуют в образовании антонимической сложной лексики и словосочетаний: «*маҳсулоти хом – маҳсулоти нимхом – маҳсулоти пухта*»: < *Дар ҳама ҷо барои коркарди маҳсулоти хом, нимхом ва пухта мизҳои алоҳида ва ҳамчунин, корду тахтачаҳои алоҳида муҳайё бошад*) [192, с.45] – *In all places, there should be separate tables and cutlery for processing raw, semi-raw and cooked products* – *Во всех местах должны быть отдельные столы и столовые приборы для обработки сырых, полусырых и вареных продуктов*); *хомишӯрбо* – vegetable soup (овощной

суп) – *пӯхташӯрбо* – fry-up soup (суп на поджарке); *камнамак* – unsalted (малосольный) – *сернамак*, *шӯр* – salty (солёный).

Не всякое слово конечно может иметь антоним. Для появления антонимии необходимо наличие качественного признака в значении слова, который можно градуировать и доходить до противоположного.

У антонимов сходство в значениях слов совпадает в сфере их лексической сочетаемости. Эти слова в нашем исследовании обнаруживают общую совпадающую сочетаемость со словами одних и тех же лексико-семантических групп: *чайи хунук* – cold tea (холодный чай) – *чайи сӯзон* – hot tea (горячий чай); *қаҳваи хунук* – cold coffee (холодный кофе) – *қаҳваи сӯзон* – hot coffee (горячий кофе).

Антонимичные отношения слов таджикского языка в исследовании выявлены в сочетании существительного с качественными прилагательными, наречия, которые содержат качества, свойства, признак. Например: *қаламфури ширин* – *қаламфури талх* (сладкий перец – горький перец), *шӯрбои гарм* – *шӯрбои хунук* (горячий бульон – холодный бульон), *нони сахт* – *нони мулоим* (черствый хлеб – мягкий хлеб).

Антонимы в таджикском языке бывают разнокорневые. Например: *шӯрбои шӯр* – *шӯрбои бенамак* – salted soup – not salty soup (солёный суп – несоленый суп), *себи пухта* – *себи норасида* – ripe apple – unripe apple (спелое яблоко – неспелое яблоко) и однокоренные: *хӯроки камнамак* – *хӯроки сернамак* – *unsalted food* – *salty food* (малосольная еда – соленая еда). Большинство лексики наименования «хӯрок – food (пища)» выражены при помощи словосочетаний, путём объединения разных частей речи. На этом фоне следует особо подчеркнуть, что антонимичными выглядят реально существующие антонимические пары.

В таджикском и английском языках разным значениям многозначного слова могут соответствовать разные антонимы: «*гӯшти хом*» – raw meat (сырое мясо) – «*гӯшти пухта*» – cooked meat (готовое мясо): < *Корди дар гӯшти хом задаро набояд дар гӯшти пухта истифода баранд, зеро микробҳои гӯшти хом ба ин*

васила ба гӯшти пухта интиқол меёбанд [193, с.45]: < *A knife that has been cut into **raw meat** cannot be used for **cooked meat** because this way the germs from the raw meat are transferred to the cooked meat* – Нож, разрезанный на **сырое мясо**, нельзя использовать для **готового мяса**, потому что таким образом микробы сырого мяса переносятся на приготовленное мясо; «меваи хушк – меваи тар» – dried fruits – fresh fruit (сушеные фрукты – свежие фрукты); «нони сафед – нони сиёҳ» – white bread – brown bread (белый хлеб – черный хлеб); «оби хунук – оби гарм» – cold water – warm water (горячая вода – холодная вода), «оби сӯзон – оби хунук» – hot water – cold water (горячая вода - холодная вода), «оби сӯзон – оби нимгарм» – hot water – warm water (горячая вода - теплая вода): < *Ҳамчунин, онро на дар **оби сӯзон**, балки дар **оби нимгарм** маҳлул кардан зарур аст* [192, с.31] – *It is also necessary to dissolve it not in **boiling water**, but in **warm water*** – Также необходимо растворять его не в **кипятке**, а в **теплой воде**); «black bread – wight bread» – нони сиёҳ – нони сафед (черный хлеб – белый хлеб), «clear soup – thick soup» – пиёба – шӯрбои обаш ғавс (густой суп – бульон) и т. д.

Слова, входящие к числу составной лексики, как правило, теряют свои антонимы, например: «лаблабуи сурх – red beet (красная свекла)», «қаланфури сурх – cayenne (красный перец)», «ҳалвои тар – liquid halva (жидкая халва)» и т. д. И, наоборот слова взятые в словаре могут быть не антономичными, но в нашем исследовании они употреблены не в прямых значениях, а в том или ином контексте они становятся антонимами. Например: «чойи кабуд» – green tea (зеленый чай) – «чойи сиёҳ» – black tea (черный чай); «қаланфури тез» – cayenne (острый перец) – «қаланфури ширин» – bell peper (сладкий перец); «ҳалвои сафедак» - white halva(белая халва) – «ҳалвои сурхак» – red halva(красная халва); «unleavened bread» (пресный хлеб) – «soft bread» (мягкий хлеб); «ripe cheese» (спелый сыр) – «green cheese» (незрелый сыр) и т. д.

Согласно анализу, антонимия – это раздвоенные противоположности одного целого, в результате чего определяет проявления свойства, качества либо состояния признаков. Значительное сходство в значениях слов у антонимов,

совпадает в определенной сфере их лексической сочетаемости, что составляет определенную лексико-семантическую группу: «горячий суп – холодный суп»; «горячий чай – холодный чай»; «холодный борщ – горячий борщ» и т.п.

3.5. Роль заимствованной лексики наименования «хӯрок – food (пища)» в сопоставляемых языках

Лексическое заимствование является результатом контактирования не только языков, но и различных этнических общностей, каждая из которых характеризуется своеобразием культуры. Лексика чутко реагирует на все культурные изменения, поскольку её предназначение – номинация явлений и предметов данной культуры. Если появление новых понятий есть следствие внутреннего развития самой культуры, то все лексические потребности вполне могут быть удовлетворены за счет внутренних возможностей обслуживающего её языка.

Помимо социокультурного аспекта, заимствования содержит собственно социолингвистический аспект, изучение которого зависит от условий и путей проникновения иноязычной лексики. Заимствования, проникшие письменным путём, отличаются большей нормированностью. У устных заимствований часто наблюдаются колебания в формах, которые могут быть связаны с диалектными различиями в языке источнике.

При рассмотрении условий и путей заимствований следует указать, прежде всего на явление билингвизма, в котором различаются два типа: контактно-бытовой, (который считается более массовый) и социокультурный. Заимствования первого типа проникают, как правило, устным путём, а второго – письменным. Последний тип отличается большей нормированностью. У устных заимствований часто наблюдаются колебания в форме, которые могут быть связаны с диалектными различиями в языке – источнике и языке – реципиенте.

Таджикский язык является одним из древних языков, который исторически подвергался многочисленным лексическим внедрениям. Особое заимствование

произошло в период македонского, арабского, тюркского, монгольского нашествий. В каждый период исторического развития словарный состав таджикского языка не только пополнялся, но и подвергся вытеснению и проникновению.

В английский и таджикский языки проникло значительное число иностранных слов, которые разными способами заимствовались в лексический состав. Огромное количество заимствованных слов относятся к различным историческим периодам развития языков.

В различные исторические периоды таджикский язык подвергся влиянию восточных языков, особенно персидскому, арабскому, тюркскому языкам. Особенно арабизмами, таджикский язык пополнился в период экспансии арабами территории Центральной Азии, начиная с VI-VII вв.

Проникновение арабизмов в таджикский язык происходило двумя путями: через литературу (XI в. период правления Саманидов), а также путём непосредственного взаимодействия в хозяйственной деятельности, производстве, ремесле, в быту, продолжавшиеся в течение многих веков. Тесная взаимосвязь и взаимовлияние вели к взаимобмену лексики наименования «хӯрок – food (пища)». По мнению лингвистов, арабские слова настолько прочно вошли в таджикский язык, что иноязычность их происхождения не ощущалась. Большинство арабских слов обозначающие наименования «хӯрок – food (пища)» вошли в таджикский язык через письменные источники. Особенно заимствований арабской лексики через письменный язык наблюдается в XI - XIX вв. Наиболее большой приток арабской лексики в таджикский язык наблюдалось в XII-XIV вв. т. к. таджикская письменность вплоть до 30-х годов XX в. велась на основе арабской графики и большинство слов соответствовали формам арабского языка. В этой связи, в лексику наименования «хӯрок – food (пища)» таджикского народа проникли слова арабского происхождения, такие как: *хамир, фатир, ҳалво, кабоб, таом, гизо, қанд* и т. д.

Одним из факторов проникновения арабизмов в таджикский язык являлась религия, которая устным и письменными путями быстро распространялась.

Исламизация таджикского народа внедрила множество арабской лексики, связанные с обрядовой пищей и религиозными постами, мусульманскими праздниками «*Курбан*» и «*Рамазан*». Устный канал проникновения арабской заимствованной лексики сыграл определенную роль в таджикской обрядовой лексике наименования «хӯрок – food (пища)», например: *оши чил, оши ҳафт, баурсоқ, орзуқ, ҳалво*.

Воздействие восточной лексики, особенно арабской, персидской, тюркской, индийской и китайской на таджикский язык также связан сложившимися многовековыми культурными связями этих народов. Например: «*шербет*» [*араб.*] – восточный напиток из фруктового сока и сахара; сладкое кушанье – густая масса, приготовляемая из фруктов, кофе, шоколада и сахара (часто с орехами); «*тутовник*» (*тут*) [*араб*] – дерево семейства тутовых со съедобными плодами [152, с.524]; «*набат*» [*татарск.*] – crystal sugar, lollipop (кристаллический сахар, леденец), «*лапша*» – угро, тўппа, (noodle); «*чай*» – чой (чай) [*китайс.*] – высушенные и особо обработанные листья некоторых культивируемых вечнозеленых растений сем. чайных, на которых настаивается горячий напиток того же названия [152, с.572]; «*кунжут*» [*перс.kinjut*] – род африканских однолетних растений сем. сезамовых; в семенах кунжута индийского содержится жирное масло, используемое в пищу, а также в кондитерской и парфюмерной промышленности [152, с.273]; «*кумыс*» [*тюрк.*] – кисломолочный напиток из кобыльего молока, распространенный в странах Азии и Востока [152, с.273].

Многовековая связь между не только арабскими и тюркскими языками привели к тому, что в кулинарную лексику таджикского языка прочно вошли слова арабского происхождения, в частности: *кебаб (кабоб), фатир, хамир, лагмон, манту*.

«*Кабоб*» – кушанье из небольших кусочков мяса, зажаренных над горячими угольями на вертелах (шашлычных палочках). Это слово вошло в таджикский

язык из арабского. Оно часто встречается в литературах XIV – XV вв. Это слово встречается и в тюркских языках. Например, в словаре В.В.Радлова «*кебаб*» упоминается как: жаркие куски мяса жаренные на вертеле [165,1190]. В толковом словаре таджикского языка С.Назарзода, А.Сангинова, Р.Ҳошима, Ҳ.Рауфзода слово «*кабоб*» упоминается как – гӯшти бирёнкарда (ба сих гузаронида дар оташ ё дег дар равғани доғ), гӯштбирён [170, с.599] (жареное мясо (обжаренное на огне или в кастрюле в горячем масле), жареное мясо).

«*Хамир*» – тесто, происходит от арабского глагола «*хамара*», что означает квасить, поднимать на дрожжах. Это слово упоминается в памятниках XIV века. В таджикском языке «*хамир*» – орди омехташуда дар об барои пухтани нон (мука смешанная с водой для выпечки хлеба) [152, с.438].

«*Лагмон*» – заимствованное из китайского языка в таджикский язык через тюркские языки (уйгурский) – означает «тянутое тесто» (от китайского слова «*лянь*» (тянуть) и «*мянь*» (тесто)). Это кушанье готовится из резаной лапши или теста, вытянутого в виде крупной круглой лапши, отваренного и сдобренного мясом, овощной подливкой. Китайцы чаще готовят лагман из резанной лапши, а дунгане и уйгуры вытягивают тесто, крутя его так, что оно растягивается под действием силы в длинные шнуры лапши. В двуязычных словарях слово «лагман» толкуется по-русски как «густая лапша с мясом» [161, с.92].

В таджикском языке слово «*лагмон*» – навъи таом, ки аз хаамири тор-тор буридаи дар об пухта ва аз қайлаи гӯшти кима, пиёз, сабзӣ, картошкаю нахӯд тайёр мекунанд [169,740].

«*Манту*» – происходит от китайского «*мянь*» (тесто) и «*тоу*, (круглый), т.е. круглое тесто. В толковом словаре китайского языка «манты» получило определение как «пампушки» из кислого теста с начинкой, сваренные на пару [151, с.1123].

Под словом «*манты*» понимается кушанье в виде колобка из теста, начиняемого в разных местностях различными начинками, всегда приготавливаемое на пару. В другом словаре «*мантоу*» – это пельмени на пару

[146, с.677]. В таджикском языке слово «манту» – номи таоми маъруф, ки гӯштро кӯфта, ба хаамири тунук печонда, дар буғ мепазанд [170, с.791] (название известного блюда, представляющего собой мясной фарш, завернутый в тонкое тесто и приготовленный на пару)

В таджикский язык из тюркского языка заимствованы названия блюд, в зависимости от орудия их приготовления «қазон кабоб» – жаренное в казане жаркое, а также в зависимости от способа их приготовления – «лӯлакабоб» – трубочные кебабы, от основного ингредиента – «бедонакабоб» (кебаб из перепелки).

Большинство арабских заимствований глубоко проникли в лексическую систему таджикского языка и не подверглись фонетической адаптацией, например: заимствованное из арабского в таджикского языков: *qand* – қанд (сахар), *shurbet* – шарбат (шербет), *qahva* – қахва (кофе), *khamir* – хамир (тесто), *fatir* – фатир (пресная лепешка).

Словарный состав языка можно разделить на две большие группы: исконно «собственные» и «чужие». Заимствованные или чужие слова пополняли лексику не только разговорного, но и литературного таджикского и английского языков, в процессе ассимиляции народов, которых называют иноязычными заимствованиями.

В английский и таджикский языки проникло огромное количество заимствованной лексики из тюркских языков, например: Заимствованное «*pilav*» (кушанье из риса, крутая рисовая каша) из тюркского [152, с.524] путём фонетического изменения в таджикском языке приобрело форму *палав*; «*тут*» (*тутовник*) из арабского, *тарбуз* (*арбуз*) из татарского [21, с.144]; «*набат*» (кристаллический сахар, леденец) из арабского [21, с.144] путем фонетического изменения в таджикском языке – *набот*. Из латинского в английский язык заимствовано «*wine*» (вино), «*pear*» (груша), «*butte*» (масло), «*dinner*» (обед), «*supper*» (ужин), «*pepper*» (перец) [21, с.144].

Освоение заимствованных слов, наряду с вышеуказанными типами имеет также фонетический аспект. В таджикский язык много заимствований проникло из языков, с носителями которых было длительное постоянное общение, и которые подверглись фонетической адаптации, в частности, из персидского: «*kishmish*» [kesmes] (изюм) – кишмиш, «*kinjut*» [konjed] (кунжут) – кунчид, «*limun*» [limu] (лимон) – лимӯ [147, с.221,245, 253].

На таджикскую современную кухню повлияли и особенности русской и европейской кухни, в частности английская, французская, испанская, итальянская: «*бутерброд*» [нем.butterbrot] – хлеб с маслом –ломтик хлеба с маслом, сыром, колбасой [152, с.95]; «*бульон*» [франц.] – оби шӯрбо (clear soup), «*майонез*» [франц. *mayonnaise*]: 1) соус из яичного желтка, растительного масла, уксус и различных приправ;2) холодное кушанье из птицы или рыбы политое таким соусом [152, с.296]; «*маргарин*» [франц.*margarine*] – твердый пищевой жир, имеющий вид коровьего масла приготавливаемый из различных животных и растительных жиров и молока с добавлением соли, сахара, красителей, ароматизаторов [152, с.301]; «*ананас*» [исп. *ananas*] – плод тропических растений сем. борелевых; один из видов культивируют ради крупных, сочных плодов (точнее соплодий) того же названия [152, с.37]; «*кокос, кокосовый орех*» [исп. *cocos*, от *cocos*] – сочный плод кокосовой пальмы, из мякоти кокоса получают пищевое и техническое масло; кокосовое молоко – хорошо утоляет жажду [152, с.239]; «*мандарин*» – [исп.mandarin] – цитрусовое дерево семейство рутовых с небольшими оранжевыми ароматичными плодами того же названия; «*грейпфрут*» [англ.grape-fruit] – субтропическое плодовое дерево семейство рутовых с крупными кисло-горькими плодами, напоминающими по внешнему виду и вкусу апельсин [152, с.147]; «*коктейль*» [англ.cocktail] – букв. петушиный хвост – смесь из спиртных напитков, с добавлением сахара, пряностей, фруктов [152, с.240]; «*помидор*» [италь. *pomod`oro*] – букв. «золотые яблоки» [172, с.323]; «*кисель*» [русск. *kisel*] – студенистое жидкое кушанье. (молочный, клюквенный, овсянный) [162, с.244].

Из латинского языка в английскую лексику проникла лексика, связанная с торговлей и религией. В результате датского завоевания Англии в IX в. английский язык проникла не очень большая группа заимствований, очень частотные слова. Скандинавские заимствования трудно отличить от собственно английских слов, поскольку датский и древнеанглийский языки были близкородственными.

В XI в. Англия была завоевана норманнами. Из нормандского языка в английскую лексику проникло огромное количество (около 100 тыс. слов) заимствований связанные с различными сферами жизнедеятельности человека, государственного управления, с военным делом, с организацией церкви англичан.

Значительное количество заимствований наблюдается в английской кухне, особенно в лексике наименований различных блюд. Нормандцы являются гурманами, и на территории Англии было распространено наименования различных французских мясных блюд. Из французской кухни в английский язык заимствовано наименования следующих мясных блюд: «*beef*» (говядина), «*mutton*» (баранина), *pork* (свинина), *veal* (телятина) и т. п.

Жизнь заимствованных слов отличается от жизни их в языке источника, они в языке «берущим» осваиваются, ассимилируются, претерпевая при этом звуковые изменения согласно природе фонетической системы заимствовавшего языка. Заимствованные слова в сопоставляемых языках можно разделить на три типа: 1) лексический, 2) морфологический, 3) словообразовательный [Головин: 1977, с.105].

В таджикском языке наблюдаются случаи выделения и присоединения заимствованного аффикса к словам «берущего» языка, например: *бе*+дона, *бе*+мазза, *бе*+намак.

Необходимо отметить, что большинство кулинарной лексики внедряются в современный язык народов быстрыми темпами. Если в 20-е годы XX в. основным источником пополнения таджикской лексики был арабо-персидский языки, то после 50-х годов прошлого столетия наблюдалось огромное количество

проникновения лексики из русского языка в таджикский язык: *борщ* – карамшӯрбо, борщ [144, с.73]; *пирог* – пирог, санбӯса [144, с.728]; *картошка* – картошка [144, с.382]; *голубцы* – дӯлма [144, с.182].

3.6. Репрезентация лексики наименования «хӯрок – food (пища)» в фразеологизмах, пословицах и поговорках в таджикском и английском языках

Обогащение словарного состава любого языка происходит не только путем образования новых слов, но и за счет пополнения его новыми устойчивыми выражениями, фразеологизмами. Фразеологизм, или фразеологическая единица – устойчивое по структуре, лексически целое по значению словосочетание, осуществляющее функцию отдельной лексемы. Основные функции фразеологии – придание речи особой выразительности, неповторимого своеобразия, меткости и образности.

По мнению И.А. Молоткова «Термин фразеология в современной лингвистике употребляется в двух значениях: как научная дисциплина, изучающая фразеологизмы, или фразеологические единицы языка, и как сам состав, или совокупность таких единиц в языке» [85, с.16].

Фразеологизмы, в основном рождаются и живут среди народа. Фразеологизмы являются особенностью языка, без изучения его структуры, особенно семантики они не могут появляться. Большинство лингвисты рассматривают фразеологию, как раздел языкознания, изучающий лексико-семантическую сочетаемость. Как отмечает В.В. Виноградов это связано с речевой деятельностью, в которой «сложное фразеологическое целое выступает как особая семантическая категория» [33,120].

Среди лингвистов существуют определенные мнения по поводу анализа фразеологических единиц. Согласно Л.А.Новикова: «До сих пор устоявшиеся термины как: устойчивые словосочетания, идиомы, слова-эквиваленты многими лингвистами толкуются по-разному. В.В. Виноградов, А.В. Кунин, А.И.

Смирницкий, И.В. Арнольд, Н.Н. Амосова по разному подходят к понятию фразеологические единицы» [90, с.64].

Академик В.В. Виноградов предложил семантическую классификацию фразеологических единиц на фразеологические сращения (идиомы), фразеологические единства, фразеологические сочетания [36, с.24]. Предложенная классификация В.В. Виноградова сразу не была принята всеми учеными.

А.В. Кунин отмечает, что «фразеологическая единица – это сочетание потенциальных слов с полностью переосмысленным значением и сочетание потенциальных слов с действительными словами с частично переосмысленным значением». «Большой англо-русский фразеологический словарь» А.В. Кунина разделяет фразеологические единицы или идиомы на субстантивные, адекватные, наречные, глагольные, междометные, вводные, со структурой предложения (поговорки и пословицы). Также в словаре представлены английские и американские неологизмы. Фразеологический словарь А.В. Кунина также включает большое количество английских жаргонизмов [153, с.45].

Согласно А.И. Смирницкому «фразеологические единицы – это устойчивые сочетания, которые в отличие от идиом, не обладают экспрессивностью или эмоциональной окраской. Он понимает идиоматичность как семантическую целостность фразеологических единиц» [107, с.206]. По мнению Х. Маджидова «в признаке знака» т.е. во внутренней форме фразеологических единиц в буквальном смысле фразеологического знака заложены признаки идиоматичности. Истинную природу фразеологического знака можно выявить только на основе лексико-структурной целостности фразеологических единиц [76, с.53].

И.В.Арнольд считает, что «фразеологизмы относятся только к устойчивым выражениям, которые, напротив, являются экспрессивными и эмоционально окрашенными» [15, с.43].

Н.Н. Амосова полагает, что «термин фразеологизм применим только к тому, что она называет устойчивые контекстуальные единицы, т.е. единицы, в которых

невозможно заменить ни один из имеющихся компонентов, без того, чтобы изменить значение не только всего единства, но также и те элементы, которые остаются неповрежденными» [9, с.65].

«Советские лингвисты предлагали рассмотреть фразеологию как раздел языкознания, в частности знаток среднеазиатских языков, – отмечает Е.Д. Поливанов, – предложил необходимость выделения фразеологию как особый раздел науки о языке» [91, с.133].

Согласно мнению В.В. Виноградова, «все фразеологические единицы – это выражения, в которых значение одного элемента зависит от значения другого» [36, с.14].

А.В. Кунин отмечает, что «Фразеологизмы в английском языке в своем большинстве являются исконно английскими оборотами, авторы которых неизвестны. Они закрепились в разговорной речи, и приобрели характерный, английский колорит, который отражает особенности английской культуры. Они все связаны с традициями, обычаями и поверьями английского народа, а также с преданиями и историческими фактами» [153, с.13].

По мнению А.В. Павловской: «Самым употребляемым в Англии напитком, согласно национальной традицией является чай, который был завезен из Индии. Англичане очень трепетно относятся к приготовлению чая и к процессу чаепития. Расширение компонентного состава фразеологизма становится причиной приобретения нового оттенка: «*an old cup of tea*» – старушка; «*an unpleasant cup of tea*» – неприятный человек; «*to be one's cup of tea*» – нравиться [95, с.115].

По мнению С. Логана: «Фразеология – одно из самых ценных наследий любого народа. Английские фразеологизмы могут дать нам ключ к национальной кухне народа Великобритании, к его веками сложившейся культуре и истории. Пицца – также является источником появления английских идиом» [69, с.126]. Например: «*to eat a humble pie* – сар хам кардан (унижаться)» [153, с.266]; «*cakes and ale* – хубихои рӯзгор (веселье, развлечение)» [153, с.120], «*save one's bacon* – чон ба саломат бурдан (спасать себя, свою шкуру)» [153, с.657].

Фразеологизмы могут выступать в качестве идиом, однако не каждая идиома может быть фразеологизмом. Большинство идиом было рождено у англичан на кухне: «*to have a finger in the pie* – иштирок доштан (дар коре) [155, с.606] (быть замешанным в деле); «*to be in a stew* – дар хаячон будан [155, с.790] (быть, как на иголках). Также много идиом, связанных с маслом: «*to add oil to the flame* – ба алангае касе бод задан (подлить масло в огонь)» [155, с.16].

Как отмечает таджикский лингвист Х.М. Маджидов в зависимости от того каким образом отражается языковая сущность фразеологизма, считается целесообразным подразделить все дифференциальные признаки фразеологических единиц на главные и второстепенные. Главные дифференциальные признаки отражают действительную сущность фразеологических единиц, её суть и знаковую форму и семантику [76, с.134].

Многие фразеологизмы связанные с лексикой наименования «хӯрок – food (пища)» отражают человеческую суть, его семейную жизнь, потомство и т.д. Ведь не зря говорят: «*Like father, like son* – гандум аз гандум барояд, чав зи чав (яблоко от яблони не далеко падает; посеешь пшеницу – вырастет пшеница, посеешь ячмень – вырастет ячмень)» [77, с.95].

Во фразеологии отражается и передается образ жизни и образ мышления, характерная для конкретного данного общества. Именно фразеология представляет собой бесценные ключи к пониманию культуры и менталитета определенного народа. Традиции и обычаи, ассоциативность, особенности образности мышления и история народа считаются негласными основоположниками возникновения фразеологизмов в речи и учитываются при переводе фразеологических единиц на сопоставляемый язык. Например: «*As like as two peas* – як себи ду кафон [155, с.594](похожи как две капли воды)» [153, с.570]; «*As you make your bed so you must lie on it* – хар чӣ корӣ, ҳамон мегириӣ (что посеешь, то и пожнешь) [153, с.73].

Проблема перевода фразеологических единиц и идиоматических выражений является одним из важнейших объектов лингвистического исследования.

Основная сложность заключается в передаче смысла высказывания, его эмоциональной окраски, национально-культурной специфике и соблюдениях, при этом, всех правил переводящего языка, и создании, в итоге, текста, максимально доступного читателю перевода.

Относительно классификации и свойств фразеологизмов лингвист В.В. Виноградов отмечает следующее: «К фразеологическим сращениям (идиомам) – относятся фразеологизмы с высокой степенью семантической спаянности компонентов, наделенные целостным, немотивированным значением. Основным признаком сращения, является его семантическая неделимость, абсолютная не выводимость значений целого из компонентов» [36, с.23].

Существуют и другие точки зрения: одни исследователи считают основным критерием идиом их эквивалентность к слову, другие указывают на неполноту этого критерия, т.к. часть фразеологизмов – идиом нельзя передать одним словом. [41, с.12].

Н.М. Шанский считает, что «фразеологические сращения – это семантически неделимый фразеологический оборот, в котором его целостное значение совершенно не соотносительно со значениями его компонентов. Значение такого рода фразеологизмов является таким же немотивированным, как и значение слов с непроемной основой» [131, с.58].

Наиболее общепринятым способом перевода с английского на таджикский язык является фразеологические аналогии, которые совпадают по семантике и стилистической направленности, но различающиеся по лексика - структурному составу. Например: «*Nothing venture, nothing win* – Аз гунчишк тарсӣ, арзан макор – Волка боишя в лес не ходи. [69, с.67].

А.В. Павловская указывает, что «В Лондоне находится крупнейшая в мире фондовая биржа. Возможно, этим обуславливается наличие в английском языке множества фразеологизмов, пословиц и поговорок, лексики наименования «хӯрок – food (пища)»: «*No bees, no honey; no work, no money* – нет мёда без пчел, нет денег без работы; без труда не вынешь и рыбку из пруда – бе мехнат роҳат нест»

[155, с.365]. Некоторые фразеологизмы в таджикском языке имеют разные художественные свойства. Например: «*Нони касеро нимта кардан* – to take the bread out of somebody's mouth – отбивать хлеб у кого-либо; заразить, обанкротить кого-либо» [155, с.116].

Коммуникативные фразеологические единицы, к которым относятся фразеологизмы, имеют форму предложения. Такие обороты, в свою очередь делятся на пословицы и поговорки. Поговорка – это коммуникативная фразеологическая единица не пословичного характера. Такие поговорки структурно-семантического типа часто встречаются в повествовательных предложениях как в таджикском, так и в английском языках. Например: «*Тарбуз аз багал афтонидан* – The answer is a lemon (Сильно разочароваться)» [121, 109].

Фразеологические единицы английского языка лексики наименования «хӯрок – food (пища)» в соответствии отнесенности с частями речи имеют различную структуру. Наиболее простая ФЕ является модель сочетание глагола с существительным (**v+n**): «*Eat humble-pie* – сар хам кардан; обрӯи касеро резондан [155,277,415] (унижаться) [155, с.277].

Начиная с древнейших времен человечество, является основным создателем не только фразеологизмов, но и пословиц и поговорок, которые рождались на базе жизненного опыта людей, среди народов. В своей книге «Культура первобытного человека» (1871) английский ученый Э. Тейлор отмечает: «в течение своего развития каждый народ проходит исторический этап, где сюжеты образы и персонажи имеют своё сходство» [69, с.54]. Пословица – это кратко выраженная мудрость. Большинство паремиологов объединяют пословиц и поговорки в единое понятие. Таджикский паремиолог Б. Тилавов отмечает, что: «Как один из лучших творений народа пословицы и поговорки требуют к себе особое пристальное внимание» [119, с.9]. По этому явлению В.В. Виноградов указывает, что: «Пословицы и поговорки имеют структуру предложения и не являются семантическими эквивалентами слов» [33, с.85].

Пословицы и поговорки – это то достояние человека, которое передает точную мысль. Перевод фразеологизмов, пословиц и поговорок сложен и сопряжен с определенными трудностями. В большинстве своём пословицы глубоко народны, они отражают национальные черты быта, материальной и духовной культуры. Таджики как один из древних народов, в большинстве своих трудах, которые написаны в стихотворной форме охватывают всю жизнедеятельность человека. Среди пословиц стихотворного стиля, наиболее распространенными являются те, которые состоят из одного бейта (двух строк):

«Одам аз хок аст, кай монад ба хок?»

Ҳеҷ ангуре намемонад ба ток» [20, с.550].

«Adam is (made) of earth, (but) how should he resemble earth?»

No grape resembles the vine» [20, с.473].

Таджикский лингвист А. Мирзоев выделил 3 вида образования источников пословиц: пословицы, появившиеся среди народа; заимствованные пословицы; высказывания известных деятелей, которые вошли в народное употребление в виде пословиц и поговорок [81, с.7].

Я.И. Калонтаров отмечает, что «пословицы различных народов соответствуют друг другу по значению, содержанию, но могут не соответствовать по условиям употребления и типу построения. Например, таджикская пословица: *«Агар кӯҳи ӯроф нон шавад ва дарёи Амӯ шӯрбо, гурусначашм сер намешавад»* выражает насколько ироническое отношение к такому пороку, как жадность и ненасытность» [55, с.73]. Перевод этой пословицы на русский язык без сопутствующих толкований не передаёт её содержание, а подмена точного смыслового перевода соответствующим русским эквивалентом: «В воде по горло, а воды просит».

В английском языке данная пословица имеет следующий аналог: *«A hungry belly has no ears – гурги гурусна бо шер мечангад* [155, с.416] (голодное брюхо не имеет ушей)».

А.В. Кунин полагает, что «главным лингвистическим признаком пословиц, впрочем, как и других фразеологических единицах, является устойчивость:

структурно-семантическая устойчивость, устойчивость употребления, лексическая устойчивость, семантическая устойчивость, морфологическая и синтаксическая устойчивость – «*Остаться без хлеба*» [153, с.132].

Наиболее многочисленные группы рассматриваемых фразеологических единиц таджикского и английского языков в совокупности составляют семантические поля, которые в свою очередь характеризуют все возможные отношения между людьми, например: «*Даҳони касеро ширин кардан – give somebody free hand, crop somebody's feathers – оказать помощь кому-либо*».

Анализ глагольных фразеологических единиц в составе семантического поля «пища» позволяет выяснить их структурно-семантические особенности, раскрыть внутренние связи, выявить источники образования этих фразеологизмов. Например: «*Ба лаби об ташна бурда ташна овардан – обвести кого-либо вокруг пальца – turn (или twist) somebody round one's (little) finger*» [100, с.104].

Согласно мнению Х.М. Маджидова «В таджикском языке пословицы в форме сложноподчиненных предложений с придаточным подлежащим, находящимся как объект речи в подчинении главного предложения, начинаются с конструкции «*ҳар кӣ*», «*ҳар чӣ*» (любой, каждый). В структуре некоторых сложноподчиненных предложений с придаточным подлежащим наблюдаются лексические единицы, добавленные или замененные с целью придания повествованию экспрессивно-эмоционального эффекта, присущего разговорной речи» [156, с.87]. Например, использование пословицы «*Ҳар чи корӣ, ҳамон даравӣ*» созданной по аналогии известной таджикской пословицы «*Аз гандум гандум рӯяд аз ҷав – ҷав*», способствовало стилизации речи персонажа и приданию ей мелодичности: «*Аз гандум – гандум рӯяд, аз ҷав – ҷав – As you make your bed, so you must lie on it*» [155, с.66]; «*Гандум зи гандум бирӯяд, ҷав зи ҷав – Drink as you have brewed* [155, с.118]; «*As the call, so the echo* [155,132] (Что посеешь, то и пожнёшь)» [156, с.143]; «*Бо ҳалво, ҳалво гуфтан, даҳон ширин намешавад – Fine words butter no parsnips* [155, с.325] ((букв.: сказав халва-халва

сладость не почувствуешь; разговорами сыт не будешь или соловья баснями не кормят)» [153, с.225].

Из материалов исследования по структуре фразеологических единиц, построенных в виде предложений, можно выделить следующие фразеологизмы: «*Аз шир сӯхтӣ ба об нуф кун* – One bitten twice shy [155, с.100]- (Обжегшись на молоке, будешь дуть и на воде; пуганая ворона куста боится)» [554, с.153]; «*Асал на барои даҳони ҳар кас* – Honey is not for the ass`s mouth [155, с.408] (Слишком тонкое блюдо, для грубого вкуса; понимает как свинья в апельсинах)» [153, с.408]. «*Нон дар дандон, калидаш дар осмон* – Honey is sweet, but the bee stings [155, с.408] (Мёд сладок, да пчелка жалит)» [153, с.393].

Среди лингвистов до сих пор нет единства во взглядах относительно определения фразеологических единиц, видов, специфичных признаков, функциональных особенностей т.д. Интерес лингвистов к проблеме распознавания и классификации фразеологических единиц, принадлежности пословиц и поговорок к фразеологическим единицам, изучения их структурной, семантической организации «изнутри» с учетом компонентного состава все больше возрастает и это создает условия для успешного решения сложных переводческих проблем.

Большинство красочных идиом было рождено на кухне у англичан, например: «*to have a finger in the pie* – иштирок доштан (дар коре) (быть замешанным в деле)» [155, с.606]; «*to be in a stew* – дар ҳаяҷон будан [155, с.790] (быть, как на иголках) [153, с.393].

Вывод по третьей главе

Анализ полисемии, омонимов, синонимов, антонимов исследуемого материала показал, что омонимия неизбежный результат исторического развития языка, подобно полисемии, многозначности. Омонимия, как и полисемия – это источник наших понятий о вещах и отношениях между ними. В нашем

исследовании на материале семантического поля «хӯрок – food (пища)» было рассмотрено огромное количество синонимов (34 единицы), антонимов (26 единицы), омонимов (31 единица) в сопоставляемых языках. В результате установлено, что число синонимов, часто включаются не только слова, обозначающие одно понятие, но также и слова, которые обозначают разные понятия, близкие между собой. Специфические свойства лексического и фразеологического значения могут быть полностью выявлены после того, когда будет раскрыта подлинная сущность лингвистического знака применительно к слову и фразеологизму. Вместе с тем не подлежит сомнению, что сущность фразеологического знака обусловлена характером целостности значения фразеологической единицы. До сих пор среди языковедов нет единого мнения во взглядах относительно определения фразеологических единиц, видов, специфичных признаков, функциональных особенностей. Лингвисты по разному подходят к проблеме распознавания и классификации фразеологических единиц, принадлежности пословиц и поговорок к фразеологическим единицам, изучения их структурной, семантической организации «изнутри» с учетом компонентного состава все больше возрастает и это создает условия для успешного решения сложных переводческих проблем.

Заключение

При определении актуальности предпринятого нами исследования мы руководствовались двумя критериями: теоретическим и практическим. Пройдя долгий и сложный путь развития, такая реалья материальной культуры как пища, является неотъемлемой частью жизни общества, чертой национальной самобытности, показателем национальной идентификации. Это тот элемент жизнеобеспечения, в котором более других сохраняются традиционные черты, с ним более всего связаны представления народа о своей национальной специфике. Такая реалья, как пища, является источником сведений о быте истории и развитии каждого народа.

При проведении структурно-семантического анализа лексики наименования «хӯрок – food (пища)» таджикского и английского языков были использованы методы структурно-семантического анализа с применением элементов сопоставительного, синхронно-диахронического и этимологического методов, проведена этимологизация лексического материала.

Исследуемая лексика была дифференцирована по классам, системам и группам в зависимости от периода её появления и развития в сопоставляемых языках.

В первой части 2 главы был проанализирован языковой материал лексики наименования «хӯрок – food (пища)» методом сплошной выборки таджикско-английских, англо-таджикских словарей – более 1071 лексики, а также из поваренных книг таджикского и английского языков.

С позиции тематической соотнесенности лексический материал 2 главы был распределен на 6 больших лексико-семантических групп, которые включают в себя историю становления лексики наименования «хӯрок – food (пища)» и словообразовательный анализ лексики наименования «хӯрок – food (пища)» в таджикском и в английском языках, роль конверсии в образовании лексики наименования «хӯрок – food (пища)» в таджикском и английском языках.

Номинации пищи дают информацию о лингвистических тенденциях, обусловленных как собственно языковыми, так и экстралингвистическими факторами. Наименования пищи в таджикском и английском языках образуют обширную тематическую группу – более 580 номинаций в таджикском языке и 489 лексических единиц в английском языке вошедших в Приложение 1 и Приложение 2.

В подгруппу «Систематизация лексики наименования «хӯрок – food (пища)» в таджикском и английском языках» проведен структурный анализ однокомпонентной лексико-семантической группы «нон ва маҳсулоти нонӣ – bread and products made of bread (хлеб и хлебобулочные изделия)», вклад указанной лексики в таджикском и английском языках составляет 4,8%; «хӯроҳои якум – first dish (первые блюда)» вклад указанной лексики в таджикском языке составляет 7,5%; «хӯроҳои дуюм – second dishes (вторые блюда)» вклад указанной лексики в таджикском и английском языках составляет 7%; структурный анализ ЛСП «шириниҳо – desserts (десерты)» в таджикском и английском языках составляет около 6,8%; «шир ва маҳсулоти ширӣ – milk and dairy produce (молоко и молочные продукты)», вклад указанной лексики в таджикском и английском языках составляет 4,6%; «нӯшокиҳо – beverages (напитки)» вклад указанной лексики в таджикском и английском языках составляет 7%.

Проведенное исследование охватывает отличия в источниках становления и развития лексики, их краткую историю появления, а также структурные и семантические особенности. Из всего количества рассматриваемой лексики было выделено 620 таджикской и 459 английской лексики наименования «хӯрок – food (пища)». Анализ отобранной лексики позволяет утверждать, что в таджикском и английском языках имеются лексические единицы, которые соответствуют полностью по структуре. Большой объем материала позволил достигнуть высокой степени объективности исследования. В процессе анализа полевой подход нашел свое отражение не только при исследовании лексики, но был применен и при

изучении пословиц и поговорок, а также фразеологических единиц, что, как нам кажется, еще раз подтверждает универсальность полевого подхода при изучении самых разнообразных явлений языка.

1) Анализ лексико-семантических и фразеологических единиц, семантического поля «хӯрока – food (пища)» в таджикском и английском языках исследуемого материала показал, что омонимия неизбежный результат исторического развития языка, подобно полисемии, многозначности. Омонимия, как и полисемия – это источник наших понятий о вещах и отношениях между ними. В нашем исследовании на материале лексики наименования «хӯрок – food (пища)» было рассмотрено огромное количество синонимов (34 единиц), антонимов (26 единиц), омонимов (31 единица) в сопоставляемых языках. В результате установлено, что число синонимов, часто включаются не только слова, обозначающие одно понятие, но также и слова, которые обозначают разные понятия, хотя и близкие между собой.

2) Анализ рассматриваемых полисемии (многозначных слов) фразеологизмов показал, что рассмотренные фразеологические единицы составляют достаточно стройную семантическую систему в структуре таджикского и английского языков. Во многих случаях фразеологические единицы таджикского и английского языков отличаются образностью, своей внутренней формой, источниками происхождения. Однако, несмотря на это, в рассмотренных фразеологических системах наблюдается наличие большого количества аналогий.

3) В процессе анализа антонимов относящиеся к лексике наименований «хӯрок – food (пища)» установлено, что больше всего антонимов наблюдается у качественных прилагательных и наречий, которые в основном содержат вкусовые качества, что в общеязыковом употреблении закреплено противопоставлением.

4) В процессе проведенного структурно-семантического и историко-этимологического анализа выявлено, что в количественном соотношении арабская лексика с наименованием «хӯрок – food (пища)» в исследуемом

материале составляет 10%, лексика тюркского происхождения 8%, лексика славянского происхождения 0,4% от всей лексики, отобранные для диахронического исследования на основе выборки из этимологических глоссариев и словарей.

Сравнительный анализ общего количества лексем рассматриваемых языков показал наличие сходства лексических единиц с наименованиями блюд и напитков.

Таким образом, анализ языкового материала показал, что использование заимствований со схожей фонетикой, вопреки мнению некоторых лингвистов, не только приемлемо, но и подтверждает идею о том, что в будущем многие языки могут быть похожими. Лексика наименования «хӯрок – food (пищи)» в таджикском и английском языках показало относительное единство восприятия двумя народами такого основополагающего фрагмента языковой картины мира как пища. Однако в таджикском языке отразилось более глубокое и пристальное внимание народа к пище как явлению материальной культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Абаев, В.И. О подаче омонимов в словаре / В.И. Абаев // Вопросы языкознания. – 1957. – №3. – С.31-44.
2. Абдина, Р. П. Лексико-семантическое описание продуктов и блюд из зерна и муки в хакасском языке / Р.П.Абдина // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы IV Всероссийской научно-практической. – 2020. – С. 68-73.
3. Абуали ибн Сина. (Авиценна). Канон врачебной науки. / А. Сина. – Ташкент. Кн.1., 1981. – 552 с
4. Абуали ибн Сина. (Авиценна). Трактат о гигиены. – Кн.2. –Ташкент, 1985. – 48 с.
5. Абуисхок Аьтима. Девон. «Канз-ул-иштиъо» – Книга 1-2. – Чорджоу. – 1304 х.
6. Адмони, В.Г. Основы теории грамматики / В. Г. Адмони – М – Л.:1964. – 432 с.
7. Айнӣ, С. Еддоштхо. Т. 1–2. / С. Айнӣ. – Душанбе: Ирфон, 1987. – 1329 с.
8. Алимова, Б.М.. Пища и культура питания тюркоязычных народов Дагестана в XIX-нач. XX в. (Общее и особенное в свете генетических истоков этнокультурных взаимодействий) : Махачкала, Дис. д-ра ист. наук: 2003 – 429 с.
9. Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии / Н.Н. Амосова. – Л.: ЛГУ, 1963, – 208 с.
10. Андреев, М.С. Таджики долины Хуф / М.С.Андреев. Вып.2. – Сталинабад.:1958.Тр. АН Тадж. ССР. Т.61. – 247 с.
11. Апресян, Ю.Д. Лексические антонимы / Ю.Д. Апресян // Избранные труды. М.: Языки русской культуры; Восточная литература, 1994. Т. 1: Лексическая семантика. Семантические средства языка. – С. 284–315.
12. Арандаренко, Г.А. Дарваз и Каратегин / Г.А.Арандаренко// Досуги в Туркестане. – СПб., 1899. –174с.
13. Аракин, В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков / В.Д. Аракин. – Л.: Просвещение, 1989. – 259с.

14. Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка / И.В.Арнольд. – М.: 1959. – 351с.
15. Арнольд, И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. Сборник статей / И.В. Арнольд. – Спб.: Изд-во С - Петерб. ун-та, 1999. – 444 с.
16. Ахманова, О.С. К вопросу о различии сложных слов от фразеологических единиц / О.С. Ахманова. М.: - Труды ин-та языкознания АН СССР, 1954,т.4. – 345 с.
17. Ахманова, О.С. Определение значения по методу «семантического поля»/ О. С.Ахманова // Очерки по общей и русской лексикологии. – М.,Уч. пед.изд.1957. – С.78-81.
18. Байхаки, Абу Фазл. История Масъуда / Абу Фазл Байхаки // Вступительная статья, перевод и прим.А.К.Аредса. –М.: 1969. – 265с.
19. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языкознания / Ш. Балли. – М.: 1955. – 412 с.
20. Балхӣ, М.Љ.М. Маснавии маънавӣ. Бар асоси матни Р. Никольсон ва муқобила бо нусхаҳои дигар / Мавлоно Чалолуддин Муҳаммади Балхӣ. – Теҳрон: Нашри замон, 2001. – 728 с.
21. Баранникова, Л.И. Введение в языкознание / Л.И. Бараникова,- Саратов: 1973. –383 с.
22. Бахтина, С.И. Заимствованная лексика в составе тематической группы «пища и напитки» XVIII - начала XXI вв. дис. канд. филол. наук: 10.02.20. / Светлана Ивановна Бахтина. - Казань, 2008. – 199 с.
23. Башарина, А. К. Понятие «семантическое поле» / А.К. Башарина // - Якутск: Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2007. Т. 4. № 1. – С. 93-96.
24. Беленко, Е.В. Концептосфера «продукты питания» в национальной языковой картине мира. Дисс. кан. фил. наук. Челябинск., 2006. –243с.
25. Берунӣ, Абу - Райхон. Осор-ул-Бокия. – Душанбе 1990. –346 с.

26. Бонк, Н.А., Котий Г.А., Лукьянова Н.А. Учебник английского языка / Н.А. Бонк, Г.А. Котий, Н.А. Лукьянова. – М.: ч.1.,ДЕКОНТ +ГИС. 2014. – 639 с.
27. Буянова, Л.Ю. Савельева, О.Г. Концепт «Еда» в семантическом пространстве языка: социально-культурная значимость // Язык в современных общественных структурах (социальные варианты языка-IV). – Нижний Новгород, 2005. – С. 90-93.
28. Вайсгербер, Й.Л. Родной язык и формирование духа / Й. Л. Вайсбергерг. Изд-е 3-е. - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». – 2009. – 232 с.
29. Ванукевич, А. Аминов С. Шарипов Х. Таджикские национальные сладости/ Ванукевич, С. Аминов, Х. Шарипов. –Душанбе: Ирфон, 2 – е изд.1978. –112 с.
30. Васильев, Л.М. Теория семантических полей/Л.М Васильев // Вопросы языкознания. – М.: 1971. –№ 5. – С.105-113.
31. Васильев, Л.М. Современная лингвистическая семантика: учеб.пособие / Л.М. Васильев. – М.: Высш. шк., 1990. –175 с.
32. Виноградов, В.В. О формах слова/ В.В. Виноградов // Известия АН СССР. – М.: ОЛЯ.т.3,вып.1., 1944. – С.31-53.
33. Виноградов, В.В. Основные типы лексических значений слова / В.В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука. 1977. – 312 с.
34. Виноградов В.В. О некоторых вопросах русской исторической лексикологии // В.В. Виноградов – М.: ИАН ОЛЯ. 1953. – 312 с
35. Виноградов, В.В. Основные типы лексических значений слова / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. –1953. №5 . –С. 3-30.
36. Виноградов, В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / А.А. Шахматов // Сборник статей и материалов. – М. – Л.: 1947.– С. 23 – 41.
37. Винокуров, Л.П. Грамматика английского языка / Л.П.Винокуров. – Л.: 1954, – 338 с.

38. Возех, Кори Рахматулло. Кони лаззат ва хони неъмат / Кори Рахматулло Возех – Бухара. – 1880-1881. – 671с.
39. Всеволодова, М.В. Поля, категории и концепты в грамматической системе языка. Вопросы языкознания., т.3.№ 3, 2009. – С. 76-99.
40. Высочинский, Ю.И. Конверсия – один из способов пополнения словарного состава современного английского языка: на материале отыменных глаголов, образованных в первой половине XX столетия. / Ю.И. Высочинский. – Киев: Дисс к.ф.н. 1969. – 222с.
41. Глухов, В.М. Образование многозначных глагольных фразем / В.М.Глухов // Проблемы образования фразеологических единиц. – Тула: 1976. –121 с.
42. Головин, Б.Н. Введение в языкознание / Б.Н. Головин. - М.:Высшая школа. Учебн. пос. для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов., изд.3.,1977. – 310с.
43. Греймас, А.Ж. Структурная семантика/А.Ж. Греймас.– М.: Наука, 2004.– 368 с.
44. Гулямова, Н.Г. Русские лексические заимствования в узбекском языке / Н.Г.Гулямова. – Ташкент: Фан. Узб. ССР. 1985, – 111 с.
45. Гухман, М.М. Исторические и методические основы структурализма / М.М.Гухман // Основные направления структурализма. – М.: 1964. –187с
46. Дегтерева, Т.А. Структурализм и принципы марксистского языкознания– М.:1964. – 321с.
47. Денисенко, В. Н. Функциональная структура семантического поля / В.Н.Денисенко // Филологические науки.– М.: 1999. № 1. – С. 11
48. Ершов, Н.Н. Пища. Таджики Каратегина и Дарваза. Под общ. ред. Н.А.Кислякова. – Душанбе. 1970. – С.225-258.
49. Загоруйко, А.Я. Конверсия – морфолого-синтаксический способ словообразования// А.Я. Загоруйко. Автореф. Дис канд. фил. наук. – Ростов на Дону: 1960. – 23 с.

50. Загоруйко, А.Я. Грамматическая сочетаемость – одно из словообразовательных средств конверсии / А.Я.Загоруйко // Вопросы английской филологии. – Ростов – на – Дону.: 1966. – С.39-44.
51. Звегинцев, В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях// В.А. Звегинцев. – М.: Просвещение, ч.1, 1960, – 406 с.
52. Звегинцев, В.А. Семасиология / В.А. Звегинцев. – М.: Изд-во МГУ,1957. – 320 с.
53. Икрамова, Н.М. Узбекская кулинарная лексика/Н.М. Икрамова. – Ташкент, Фан. 1989. – 69 с.
54. Инихов, Г.С. Скородумова А.М. Молочная пища. Раздел Молоко, масло, сливки, сметана, сыры. – М., 1962 . – 419с.
55. Калонтаров, Я.И. О переводе русских пословиц на таджикский язык / Некоторые вопросы таджикского языкознания. – Душанбе: 1964. –147с.
56. Камьянова, Т. Практический курс английского языка. / Т. Камьянова. - М.: Изд-во «Дом славянской книги», 2012. – 384 с.
57. Капранов, В.А. «Луғати фурс» Асади Туси и его место в истории таджикской (фарси) лексикография / В.А. Капранов //АНТадж. ССР. – Душанбе.: 1964. – 212 с.
58. Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография / В.А.Караулов. –М.: Наука, 1976. – 356 с.
59. Караулов, Ю. Н. Структура лексико-семантического поля / Ю.Н. .Караулов // Филологические науки. 1972, № 1. – С. 57-68.
60. Касаткин, Л.Л. Клобуков Е.В. Лекант П.А. Современный русский язык. / Л.Л..Касаткин, Е.В. Клобуков, П.А. Лекант. – М.: Просвещение. 2010. – 303 с.
61. Кацнельсон, С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. / С. Д. Кацнельсон// Общее и типологическое языкознание. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1986. – 297 с.

62. Качалова, К.Н. Израилевич Е.Е. Практическая грамматика английского языка с упражнениями и ключами / К.Н. Качалова, Е.Е. Израилевич. – Санкт-Петербург: КАРО. – 2016. – 608с.
63. Кезина, С. В. Семантическое поле как система. Филологические науки. – 2004. - № 4. – С. 79-86.
64. Кисляков, Н.А. Писарчик, А.К. Пицца. Таджики Каратегина и Дарваза. АН Тадж. ССР. Дониш. – Душанбе.1970. – С.225-258.
65. Кубарьков, Г.Л. Тимошук В.А. Сборник новых тем современного английского языка / Г.Л. Кубарьков, А.В. Тимошук – Ростов на Дону.: изд-во «БАРА», 2015. –1184 с.
66. Курбанова, М.Б. Традиционная пицца узбеков и таджиков Бухарского оазиса(конец XIX- начало XXвв). Автореферат диссертации на соиск. уч. ст.канд.фил.наук. – Ташкент, 1994. – 24с
67. Куренкова, Т.Н. Лексико-семантическое поле «Еда» в произведениях Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, М.А. Булгакова / Куренкова Дисс. канд. фил. наук. – Красноярск, 2008. –248 с.
68. Куренкова, Т.Н. Микрополе «Weinsorte» как часть лексико-семантического поля «das Essen» в произведении Э. М. Ремарка «Der schwarze Obelisk» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 3. – С. 149-154.
69. Логан, П. Смит. Фразеология английского языка. - М.: Учпедгиз, 1959. –206 с.
70. Мадрахимов, А. Узбекская кухня / А.Мадрахимов. Изд-во «Ижоди уй». - Ташкент: 2016. – 316 с.
71. Майтдинова, Г. Негмати А. Система и культура питания таджиков. Очерки древней и древневековой истории. – Душанбе.1993. –?
72. Мартынова, Т.А. Функционирование лексики с семантической доминантой «еда» в английском языке (на примере романа Дж. Харрис «Chocolat»). Исследовательский потенциал молодых ученых: взгляд в будущее:

- сборник материалов XVI Региональной научно-практической конференции магистрантов, аспирантов и молодых ученых. Тула: Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого. – 2020. – С. 247-250.
73. Мардонова, А. Традиционные похоронно-поминальные обряды таджиков Гиссарской долины (конца XIX - нач. XXвв)// А.Мардонова – Душанбе. 1998. – 223 с.
74. Маслов, Ю. С. Введение в языкознание / Ю.С.Маслов. –М.: Высшая школа, 1987. – 272 с.
75. Махмудов, К. Узбекский плов. –Ташкент: 1979. –111 с.
76. Мачидов, Х. М. Фразеологическая система современного таджикского литературного языка / Х. Мачидов.– Душанбе.: Деваштиль. 2006. – 406 с.
77. Мачидов, Х.М. Фразеологияи забони ҳозираи тоҷик. – Душанбе. 1982. – 104с.
78. Мельничук, А.С. Понятия системы и структуры языка в свете диалектического материализма / А.С.Мельничук // История советского языкознания. Хрестоматия. Изд. 2-е. – Москва.: Высшая школа.1988. –С.91-99.
79. Мешков, О.Д. Словообразование современного английского языка. – М., Наука., 1976. –246 с.
80. Мирзоев, А. Зарбулмасалҳои тоҷикӣ / – Сталинобод.: 1949. – 47 с.
81. Мирзоева, З. Д. Концепт «хлеб/нон» в русском и таджикском языках: дисс. канд. филол. наук. Таджикский национальный университет. – Душанбе, 2016. – 168 с.
82. Митричева, Т.Н. Структурно-семантическая соотнесенность наименований пищи в русском и французском языках: автореф. Дис. канд. филол. наук: 10.02.20/ Татьяна Ивановна Митричева. – М.: 2009. –27с.
83. Михайлов, В.С. Могильный Н.П. Трушкина Л.А. Пицца простая и полезная. М.,Моск. рабочий, 1988. – 173.

84. Молотков, И.А. Основы фразеологии русского языка / И.А.Молотков. – Л.: – 1977 . – 284 с.
85. Мясникова, И.И. Семантическое поле: история и современность / И.И. Мясникова. – М.:Наука, Елецкий государственный университет, 1968. – С. 136-141.
86. Назарзода С. Истилоҳоти збони тоҷикӣ: таърих,гаройиш ва дурнамо.- ЧДММ. «Дақиқӣ», Душанбе.2014. -370 с.
87. Народы Средней Азии и Казахстана. – М.-1962. Т.1. Разд. «Таджики» – Подразд. «Пища». – С. 604-609.
88. Наршахӣ, А. История Бухары / Наршахӣ Абубакр/ – Душанбе, Пайванд.2012, – 766 с.
89. Новиков, Л.А. Лексическая антонимия / Л.А.Новиков // Антонимия в русском языке. – М.: 1973. – 289 с
90. Новиков, Л.А Семантика русского языка. / Л.А. Новиков // Учеб.пособие. – М.: Высшая школа, 1982. – 292 с.
91. Нодирова, С.С. Социолингвистические и лингводидактические воззрения Е. Д. Поливанова / С.С. Нодирова. Материалы межд. науч. конф. «Рус.яз.в совр. реалиях». – Душанбе, 2018. – С. 133-143.
92. Нодирова, С.С. Сопоставительный анализ лексических единиц хлебобулочных изделий в таджикском и английском языках / С.С. Нодирова. – Бохтар.: Вестник Бохтарского госуниверситета им. Носира Хисрава. – 2021. №1(83) – С. 67-70.
93. Норматов, М. Забоншиносии умумӣ // М. Норматов. – Душанбе. Маориф., 1991. –160 с.
94. Павловская, А.В. Англия и англичане / А.В. Павловская. – М.: Издание Московского Университета, 2004. – 132с.
95. Павловская, А.В. Человек и еда: к истории зарождения традиций питания/А.В. Павловская// Вестник Московского университета. Серия 19., Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М.: 2014. №2. – С. 72-81.

96. Пещерова, Е.М. Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые связанные с ним обычаи / Е.М. Пещерова // В кн. По Таджикистану. – Вып.1. – Ташкент.: 1927. – С.42-59.
97. Погожих, Г.Н. Английская грамматика в таблицах и схемах / Г.Н. Погожих. – Москва: ЭКСМО. 2013. –192 с.
98. Попов, П.С. Значение слова и понятие / П.С. Попов // Вопросы языкознания. – М.: 1956, №6. – С. 38-47.
99. Пьянкова, К. В. О каше-разгонихе и киселе-выгонщике / К.В. Пьянкова Живая старина. – 2008. – № 2. – С. 23-25.
100. Резник, Д.Г. Пословицы и поговорки таджиков Кулябской области как диалектологический материал / Д.Г. Резник // – Куляб: КГПИ. Учёные Записки, № 2. 1957. – С. 102 – 128.
101. Реформатский, А.А. Принципы синхронного описания языка / А.А. Реформатский // О соотношении синхронного анализа и исторического изучения языков. – М.: 1960. –С. 20-42.
102. Рустамов, Ш. Калимасозии исм дар забони адабии ҳозираи тоҷик / Ш. Рустамов. – Душанбе.: Дониш, 1972. – 77 с.
103. Савельева, О.Г. Концепт «еда» как фрагмент языковой картины мира: лексико семантический и когнитивно-прагматический аспекты (на материале русского и английского языков): дис. канд. фил. наук.: 10.02.19 / Ольга Георгиевна Савельева. – Краснодар. 2006. – 270 с.
104. Садриддин Айни. Смерть ростовщика / С. Айни.–Душанбе.: Адиб.,1987. – 224 с.
105. Саймиддинов, Д.Форсии бостон. –Душанбе: Пайванд, 2007. – 190с.
106. Серебренников, Б.А. Общее языкознание. Внутренняя структура языка / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1972. – 564 с.
107. Смирницкий, А.И. Лексикология английского языка / А.И. Смирницкий. – М.: 1956. – 260 с.

108. Смирницкий, А.И. Конверсия и чередование звуков в английском языке / А.И. Смирницкий. – М.: Иностранные языки в школе. 1953, №5. – С.21-31.
109. Смирницкий, А.И. Лексическое и грамматическое в слове. / А.И. Смирницкий // Сб. Вопросы грамматического строя. – М.: изд-во АН СССР, 1955. – С.16-21.
110. Солодуб, Ю. П. Современный русский язык / Ю. П. Солодуб // Лексика и фразеология (сопоставительный аспект): Учеб. для студ. филол. фак. – М.: Наука, 2003. – 264 с.
111. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де. Соссюр. – Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 1999. – 432 с.
112. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де. Соссюр; [пер. с фр.] – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.
113. Сотим Улугзода. Восеъ / С.Улугзода. – Душанбе.: Адабиёти бачагона, 2018. – 318 с.
114. Стернин, И.А. Лексическое значение слова в речи / И.А.Стернин. – Воронеж.: 1985. – 137 с.
115. Степанов, Ю.С. Основы общего языкознания / Ю.С.Степанов. – М.: Просвещение. 1975. –271 с.
116. Степанов, Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М: 2020.- 312 с.
117. Страбон, География. В 17-ти книгах / Страбон// Перевод А. Стратановского. –М.:1964, кн.2. –944с
118. Таомнома. Номгӯи таомҳо барои тарабхонаҳо, ошхонаҳо, чойхонаҳо ва қаҳвахонаҳо. Кумитаи забон ва истилоҳоти назди Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон. – Душанбе, 2018. – 16 с.
119. Тилавов, Б. Современный пословичный репертуар таджикского народа. – Душанбе.: АДД. 1975. – 44 с (С.9).
120. Третьякова, М.В. К вопросу об английской кухне второй половины XVI в. / М.В. Третьякова // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. – М.: 2013, №8(151). Выпуск 26. – С 41-48.

121. Турсунов, Ф.М. Сопоставительное исследование безэквивалентной лексики в лингвокультурном и переводческом аспектах (на материале английского и таджикского языков): / Ф.М.Турсунов // дис. д-ра филол. наук. 10. 02. 01. – Душанбе. – 2016. – 354 с.
122. Успенский, Б.А. Структурная типология языков / Б.А.Успенский // – М.: Наука, 1965. – 288 с.
123. Уфимцева, А.А. Опыт изучения лексики как системы / А. А. Уфимцева. - М.: АН СССР, 1962. – 288 с.
124. Уфимцева, А.А. О типологическом изучении лексики / А.А.Уфимцева // Структурно-типологическое описание современных германских языков. – М.: 1966. – С.218-235.
125. Уфимцева, А.А. Теории семантического поля и возможности их применения при изучении словарного состава языка // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. – М., 1961, – С. 30-63.
126. Хасани Султон Забони тоҷикӣ ва хувияти миллӣ. –Душанбе: -Дониш, 2021. – 226с.
127. Хамиджанова, М.А. Пицца / М.А. Хамиджанова // Материальная культура таджиков верховьев Зерафшана. – Душанбе.: изд-во Дониш. 1973. – 179 с.
128. Ходжиев, В. Пловы / В. Ходжиев // Таджикская кухня. – Душанбе. – 1989.
129. Шаниязов, К. О традиционной пище узбеков. Этнографическое изучение быта и культуры узбеков. – Ташкент – 1977.
130. Шанский, Н.М. Лексикография современного русского языка / М.: 1996. – 192 с.
131. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М.Шанский. – М.: Высшая школа, 3 – е изд. 1985. – 160 с.
132. Шафиков, С. Г. Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц / С.Г.Шафиков //Учебное пособие.– Уфа.: Изд-во БашГУ, 1999. – 88 с.
133. Шафиков, С.Г. Семантические универсалии в лексике. / С. Г. Шафиков. – Уфа, 1996. – 196 с.

134. Шахобова, М.Б. Опыт сопоставительного исследования строя таджикского и английского языков / М.Б.Шахобова. – Душанбе.: Изд-во Дониш,1985. – 252 с.
135. Щедровицкий, Г.П. Проблемы методологии системного исследования/ Г.П. Щедровицкий. –М.: 1964. – 48 с.
136. Щерба, Л.В. Опыт общей теории лексикографии / Л.В.Щерба // Известия АН СССР.-М: Отд-ние лит-ры и языка, 1940, №3. – С. 116-129.
137. Широков, О.С. Введение в языкознание / О.С.Широков. – М.: Изд-во Моск. ун-та. 1985. –264с.
138. Шкуропацкая, М.Г., Цепелева Н.В. Семантическое поле и проблема синонимии / М.Г.Шкуропацкая, Н.В. Цепелева // Вестник КемГУ. №3(51). 2012. – С. 233-239.
139. Шмелев, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелев. – М.: 1973. – 280 с.
140. Шовалиева, М. История кулинарной культуры таджикского народа /М.Шовалиева. – Душанбе.: Дониш. 2015, – 168 с.
141. Щур, Г.С. Теория поля в лингвистике / Г.С. Щур. – М.: Наука, 1974, – 256 с.
142. Щур, Г.С. О терминах «поле» и «система» в лингвистике. General Linguistikas.1967.v, 7. №2. – С.129-143.
143. Эмомалӣ Раҳмон Забони миллат - ҳастии миллат. Китоби 1.-Душанбе: Эр-граф, 2016; -492 с.; Китоби 2, -Душанбе: Нашрияи муосир; -2020.- 432 с.

Словари:

144. Асимов, М.С. Русско-таджикский словарь. – М.:Рус. яз., 1985. – 1280 с.
145. Большой толковый словарь русского языка / Д.Н. Ушаков.– М., 2008. – 1268 с.
146. Бурхан, Шахиди. Уйгуро-русско-китайский словарь. – Пекин.1953. – 987с.

147. Воскоян, Г.А. Русско – персидский словарь. – М., Русский язык.1986. – 832 с.
148. Джоматов, С. Словарь лингвистических терминов: английский-русский-таджикский / С. Джоматов. – Душанбе.: Шуджоиён, 2011. –250 с.
149. Калонтаров, Я.И. Краткий таджикско-русский словарь / Я.И. Калонтаров. 2-изд. – Душанбе.: Маориф.1988. – 494 с.
150. Карантиров, С.И. Новый англо-русский и русско-английский словарь / С.И.Карантиров. – М.: ООО «Дом славянской книги», 2011. – 992 с.
151. Каримова, У. Толковый словарь китайского языка / У.Каримова. – Шанхай.: 1946. – 1646 с.
152. Комарова, Л.Н. Словарь иностранных слов / Л. Н. Комарова. – М.: Русский язык. 18-е изд. 1989, – 624 с.
153. Кунин, А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин. 4-е изд. – М.: Русский язык, 1984. – 944 с.
154. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2 -е изд. – М.: 1981. –709 с.
155. Мамадназаров, А. Фарханги англисӣ-тоҷикӣ. Эр-граф, – Душанбе, 2019. – 1016 с.
156. Мачидов, Ҳ.М. Фразеологияи забони ҳозираи тоҷик / Х.М.Мачидов. – Душанбе, 1982. – 544 с.
157. Мухаммад, Г. Гиёс-ул-лугот: в трех томах. –Душанбе. Т. 1. 1987. - 480 с.;Т. 2. 1988. – 416 с.;Т.3. 1989. – 309 с.
158. Мухаммад, Хусайн Бурҳон. Бурҳони қотеъ. / Мухаммад Хусайн. Т.1.– Душанбе.: Адиб. 1993. – 416 с.
159. Мюллер, В.К. Новейший англо-русский русско-английский словарь. – Москва. ООО «Хит-книга», 2017. –768 с.
160. Нелюбин, Л.Л. Толковый переводческий словарь. – М.: Флинта. Наука. 2003. – 320 с.
161. Новгородский, В.А. Уйгуро – русский словарь / В.А. Новгородский. – М.: 1939. – 1281с.

162. Нодирова, С. С. Луғати номгӯи таомхо, хӯрокхо, хӯришхо, ғизохо ва нӯшокиҳои тоҷикӣ - русӣ - англисӣ ва англисӣ - русӣ - тоҷикӣ.// С.С.Нодирова / – Душанбе: Эр-граф. 2019. – 68с
163. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: 57 000 слов. Под ред. Н. Ю. Шведовой. 13 –е издание, испр. – М., Русский язык, 1981. –816 с.
164. Похлебкин, В. В. Кулинарный словарь. – М. Центрполиграф, 2007. – 503 с.
165. Преображенский, А.Г. Этимологический словарь русского языка. В двух томах. Отв. ред. С.П. Обнорский. – М.: ЛКИ. 2010. – 1256 с.
166. Радлов, В.В. Опыт словаря тюрских наречий. / В. В. Радлов. – СПб, т.2.,ч.2, 1899. – 1432с.
167. Расторгуева, В. С.,Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков: в 4-х т. – М., Издательская фирма «Восточная литература» РАН, Т.1., 2000 – 327 с.; Т.2., 2003 – 502 с.; Т.3. , 2007 –493 с.; Т.4., 2011 – 415 с.
168. Русско-таджикский словарь. Под ред. М. С. Асимӣ. –М.: Русский язык.1985. – 1280 с.
169. Саймиддинов, Д. Гуломова Б.,Назарзода С.,Султонов М., Хоҷаев Д. Фарҳанги имлои забони тоҷикӣ. – Душанбе. Шарқи озод. 2013. –320 с.
170. Сайфиддин Назарзода, Аҳмадҷон Сангинов, Саид Каримов, Мирзо Њасани Султон, Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ (Толковый словарь таджикского языка). Ҷ.1.(А-Н). – Душанбе.2010, ҶДММ «Шуҷоӣён». – 996 с.
171. Сайфиддин Назарзода, Аҳмадҷон Сангинов, Саид Каримов, Мирзо Хасани Султон, Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ (Толковый словарь таджикского языка). Ҷ. 2. (О-Я). – Душанбе.2010, ҶДММ «Шуҷоӣён». – 1095 с.
172. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Под ред.Б. А. Ларина; пер. снем. О. Н. Трубачева. – 4-е изд., стереотип. – М.: АСТ, 2009. – Т. I. – 592 с.; Т. II – 672 с.; Т. III. – 832.; Т. IV. – 864 с. — (BIBLIO)
173. Фозилов, М. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик. Ҷилди 1. –Душанбе: Ирфон, 1963. – 953с.

174. Фозилов, М. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик. Ҷилди 2. – Душанбе: Ирфон, 1964. – 971с.
175. Чамшедов, П. Фарҳанги тоҷикӣ ба англисӣ. – Душанбе. Второе издание. – 2008. – 978 с.
176. Ярцева, В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь. – М: Изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1990. – 683 с.

Литература на английском языке:

177. Arnold, I.V. The English World / I.V. Arnold. – Moscow: High School, 1986. – 295 p.
178. Ipsen, G. Der Alte Orient und die Indogermanen. Festschrift für W. Streitberg. Heidelberg, 1924. – p. 30-45
179. Jespersen, O.A. Modern English Grammar on Historical Principles. Copenhagen, 1942, Part VI. – 187 p.
180. Marchand, H. Op. cit. Zwirk R. Essays on the English Language: Medieval and Modern. – Ind., 1968. – 321 с
181. Miller, G.A. Empirical methods of the study of semantics / G.A. Miller // Semantics. – Cambridge, 1971. – 265p.
182. Nicholas, Evans. The Horse Wisperer. – Tehron.: Nashr-e Eshtiyag., 1998. – 90 p.
183. Popper, A. New Book of Cookerry. Электронный ресурс: <http://www.medievalcookery.com>. Transcription of Reuning W.K. Joy and Freude. Swarthmoke, 1941. – 141 p.(146)
184. Porzig, W.W. Substantial meanings / W.W. Porzig // Contributions to the history of the German language and literature., 1934. – P. 70–97.
185. Trier, J. The German vocabulary in the mind of Srim / J. Trier. – Heidelberg: Winter, 1931. – 347 p.
186. Trier, J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes Die Geschichte eines sprachlichen Feldes // Von der Anfängen bis zum Beginn des 13. Jahrhunderts Bd. I, Heidelberg, 1931. – p. 1-26.

187. Weisgerber, L. Basic principles of meaningful grammar / L. Weisgerber. – Duesseldorf, 1962. – 241 p.
188. Fillmore, Ch. J. Topics in Lexical Semantics // Current Issues in Linguistic Theory / ed. by R. W. Cole. Bloomington - L.: Indiana University Press, 1977. – P. 76-138.

Газеты, журналы и другая периодическая печать на таджикском языке:

189. Бонувони Тоҷикистон. Женский республиканский журнал. – Душанбе.: Орбита. 2019. декабр.№ (157). – 51с. (на тадж. яз.).
190. Бонувони Тоҷикистон. Женский республиканский журнал. – Душанбе.: Орбита. 2020. январ.№ (158). – 51с. (на тадж. яз.).
191. Бонувони Тоҷикистон. Женский республиканский журнал. – Душанбе.: Орбита. 2020. феврал.№ (159) (на тадж. яз.).
192. Бонувони Тоҷикистон. Женский республиканский журнал. – Душанбе.: Орбита. 2020. апрел.№ (161) – 51с. (на тадж. яз.).
193. Бонувони Тоҷикистон. Женский республиканский журнал. – Душанбе.: Орбита. 2020. декабр.№ (169). – 51с. (на тадж. яз.).
194. Бонувони Тоҷикистон. Женский республиканский журнал. – Душанбе.: Орбита. 2021.№ (174). – 51с. (на тадж. яз.).

Электронные ресурсы:

195. Merriam-Websterdictionary. Интернетресурс. Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com>.
196. Collins English dictionary. Интернетресурс. Режим доступа: <http://www.collinslanguage.com/>.
197. Толковый англо-английский словарь. Cambridge Academic Dictionary. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://dictionary.cambridge.org/>.
198. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Longman, 1999
199. <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>
200. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, 2002;
201. www.etymonline.com. Online Etymology Dictionary
202. Интернет-ресурс. <https://eng911.ru/lexicon/eda-na-anglijskom.html>Еда на английском языке с переводом.
203. Честертон, Г.К. «Записки Пиквикского клуба». Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.fantlab.ru/work239673>.

204. Haward N. Traditional food in Britain. Bridge. 2006. P. 26–29.
http://www.bridge-online.cz/wp-content/uploads/2016/09/36_food_uk_usa_austr_newzel_cz.pdf
205. <https://www.readkong.com/page/traditional-food-in-britain-4876289>
206. Источник: <http://www.novostioede.ru/article/avicenna/> (Авиценна)
<https://elibrary.ru>
207. Источник: <https://infourok.ru/statya-po-angliyskomu-yaziku-na-temukonversiya-2343829.html>

Приложение 1.**Таджикские словосочетания, относящиеся к модели N+Adj**

Таджикский	Английский	Русский
кулчаи равганин	Bun	сдобная булка, кекс
кулчаи ширин (нони равганин)	doughnut	пончик, пышка
нони занчабилӣ	gingerbread	Имбирный пряник
нони кунчидӣ (кунчутӣ)	flat bread with sesame	лепёшка с кунжутом
нони қад-қад	puffed flat bread fried oil	слоённая лепёшка жареная в масле
нони қатлама	layer cake	слоена лепёшка
нони самарқандӣ	samarkand flat	самаркандская лепёшка
нони сафед	white bread	белый хлеб
нони сиёъ	brown bread	черный хлеб
нони хонагӣ	home-baked bread	домашняя лепёшка
нони хушк(қоқ)	dry bread	черствый хлеб
нони чавин	barley bread	ячменный хлеб
самбӯсаи варақӣ	puff – pastry	самбуса слоёная
чалпаки ширӣ	pancakes, fritters	оладьи, блины

Приложение 2.**Английские словосочетания, относящиеся к модели Adj+N**

Английский	Таджикский	Русский
brown bread	нони сиёъ	черный хлеб
unleavened bread	фатир	пресная лепешка
white bread	нони сафед	белый хлеб

Приложение 3.**Таджикские словосочетания, относящиеся к модели N+N:**

Таджикский	Английский	Русский
кулчаи ширмол	crumpet	пышка, сдобная пышка
нони зарғора	flat bread from corn meal	лепёшка из кукурузной муки
Нонифатир	azygous; unleavened bread	лепёшка из пресного теста
нони чазза	flat bread with fat cracklings	лепёшка со шкварками

Приложение 4.**Английские словосочетания, относящиеся к модели N+N:**

Английский	Таджикский	Русский
apple pie	пирог бо себ	яблочный пирог
french bread	нони (батон) фаронсавӣ	французский батон
meat pie	пайи гӯшти	мясной пирог
pork pie	пирог бо гӯшти хук	пирог со свиной

Приложение 5.**Таджикские словосочетания, относящиеся к модели N+Adj**

Таджикский	Английский	русский
гӯшти обпаз	Boiledmeat	отварное мясо
оши бурида	soup with noodles and greens	суп с лапшой и зеленью
оши туппа	meat noodles soup	мясной суп с лапшой

Приложение 6.**Английские словосочетания, относящиеся к модели Adj+N**

Английский	Таджикский	Русский
clear soup	пиёба	Бульон
thick soup	шӯрбоиғафс, камоб	густой суп
vegetarian soup	пиёба	вегетарианский суп

Приложение 7.**Таджикские словосочетания, относящиеся к модели N+N:**

Таджикский	Английский	Русский
оби шӯрбо	clear soup	бульон
оши гӯча	wheat soup	суп из пшеницы
оши кашк	semolina	ячменная крупа
оши сиёъалаф	showy onion soup	суп с луком Розен Баха

Приложение 8.**Английские словосочетания, относящиеся к модели N+N:**

Английский	Таджикский	Русский
beef tea	супи обакӣ	суп, бульон
chicken soup	мурғшӯрбо	куриный суп

fish soup	моњи шўрбо	суп рыбный, уха
onion soup	пиёзоба	луковый суп

Приложение 9..

Таджикские словосочетания, относящиеся к модели *N+Adj*

Таджикский	Английский	русский
гӯшти дампаз	stewedmeat	тушеное мясо
кабоби буғӣ	shish kebab cookeon steam	шашлык приготовленный на пару
кабоби дегӣ	the shish kebabprepared in a copper	шашлык приготовленный в котле
кабоби чўпонӣ	shepherd style shish kebab	шашлык по пастушьему
котлетаи кӯфта	Chop	отбивная котлета
кулчакабоби танӯрӣ	the roast in pastry baked in a tandur	жаркое в тесте, запеченное в тандуре
мантуи алафӣ	dumplings filledwith edible grass	манты с съедобными травами (зеленью)
мантуи кадугӣ	pumpkin dumplings	манты с тыквой
палави афғонӣ	afghan pilaf	афганский плов
палови мавиздор	pilaf with raisins	плов с изюмом
палови нахуддор	with chickpeas pilaf	плов с горохом
палави самарқандӣ	samarkand pilaf	самаркандский плов
палави сerratған	fat pilav	жирный плов
сихкабоби кӯфта	shish kebab fromminced meat	шашлык из фарша
тўппаи табақӣ	puffed vermicelli	слоенная вермишель
чўчабирёни тобағӣ	char grilled chickens	курица–гриль

Приложение 10.

Английские словосочетания, относящиеся к модели *Adj+N*

Английский	Таджикский	Русский
roast beef	гӯштбирён аз гӯшти гов	жаркое из говядины
roast chicken	Мурғбирён	жареный цыпленок

Приложение 11.**Таджикские словосочетания, относящиеся к модели N+N:**

Таджикский	Английский	Русский
кабоби мурѓ	chicken broil	жаркое из курицы
оши палав	Pilav	плов

Приложение 12.**Английские словосочетания, относящиеся к модели N+N:**

Английский	Таджикский	Русский
mashed potatoes	хамирай картошка, пюре	картофельное пюре
mutton chop	гӯшти гӯсфанди кӯфта	отбивная баранина

Приложение 13.**Таджикские словосочетания, относящиеся к модели N+Adj**

Таджикский	Английский	русский
мураббои зардолугӣ	apricot jam	абрикосовое варенье
мураббои кадугӣ	pumpkin jam	варенье из тыквы
торти мевагӣ	tart with fruits	фруктовый торт
ҳалвои донагӣ	halva donagimade from sugar,almonds and flavors	Халва донаги изготавливается из сахара миндаля и ароматизирующее вещество
ҳалвои кунчу(и)тӣ	sesame halva, made from sugar syrup, beaten eggwhites and sesameseeds	халва кунжутная приготовленная из сахарного сиропа взбитых яичных белков кунжутных семян
ҳалвои сафедак	halvo safetag, made from sugar, flour, fat and spices	Халва сафедак изготавливается из сахара, муки, жира и Специй
ҳалвои руста	halva rusta-madefrom sugar,egg whites soap root, nut kernels, raisins and peas	халва руста изготовится из сахара, яичных белков, мыльного корня, ядра ореха, изюм и гороха

ҳалвои тар	liquid halva made from grape juice, flour and almonds	Жидкая халва, готовится из виноградного сока, муки и миндаля
ҳалвои ҳилолӣ	khalva hiloli – made from sugar, sesame and soap root	халва хилоли изготавливается из сахара мыльного кунжута и корня

Приложение 14

Английские словосочетания, относящиеся к модели *Adj+N*

Английский	Таджикский	Русский
brown sugar	шакари қахваранг	желтый сахар
icing sugar	хокаи қанд	сахарная пудра
granulated sugar	Шакар	сахарный песок

Приложение 15.

Таджикские словосочетания, относящиеся к модели *N+N*:

Таджикский	Английский	Русский
ҳалвои лавз	halva lavz, made from dense sugar syrup and wheat flour	халва лавз, изготавливается из плотного сахарного сиропа и пшеничной муки

Приложение 15.

Английские словосочетания, относящиеся к модели *N+N*

Английский	Таджикский	Русский
granulated sugar	Шакар	сахарный песок
grape-sugar fruit	қанди ангур	виноградный сахар
loaf sugar	қанд, шакар	сахар, сладость
vanilla pudding	Пудинги ванилӣ	ванильный пудинг

Приложение 16.

Таджикские словосочетания, относящиеся к модели *N+Adj*

Таджикский	Английский	Русский
панири мулоим	processed cheese	плавленый сыр
панири нарм	cream-cheese	сливочный сыр

панири пухта	ripe cheese	спелый сыр
шири бурида	curd, sour milk	творог, свернувшееся молоко
шири моеъ	conden sedmilk	сгущенное молоко
шири хушк	dried milk	сухое молоко

Приложение 17

Английские словосочетания, относящиеся к модели *Adj+N*

Английский	Таджикский	Русский
fresh milk	шири навдӯш	парное молоко
green cheese	панири сабз/норасида	молодой сыр
heavy cream	қаймоқи серравған	жирные сливки
ripe cheese	панири пӯхта, расида	спелый сыр
single cream	саршир барои қаҳва	сливки простые для кофе
sour cream	қаймоқ, ширқиём	сметана
sour milk	Чурғот	простокваша, кефир
strong cheese	панири тез	острый сыр

Приложение 18

Таджикские словосочетания, относящиеся к модели *N+N*:

Таджикский	Английский	Русский
шири гӯсфанд	sheep cheese	овечьё молоко
равғани маска	Butter	сливочное масло
ширу шакар	milk with sugar, sweetening milk	

Приложение 19

Английские словосочетания, относящиеся к модели *N+N*:

Английский	Таджикский	Русский
curd cheese	шири далмашуда	творог - мягкий сыр
dairy spread	хамираи ширӣ	молочная паста (для намазывания)
dairy produce	маъсулоти ширӣ	молочные продукты
half cream	қаймоқи камравған	сливки низкой жирности
pigeon`s milk	шири мурғ	птичьё молоко
sheep cheese	панири гӯсфандӣ	сыр из овечьего молока

sheep's milk	шири гӯсфанд	овечье молоко
whole milk	шири холис	цельное молоко

Приложение 20.

Таджикские словосочетания, относящиеся к модели *N+Adj*

Таджикский	Английский	русский
коктейли ширӣ	milk shake	молочный коктейль
оби минералӣ	mineral water	минеральная вода
чойи алафӣ	herbal tea	травяной чай
чойи кабуд	green tea	зеленый чай
чойи сиёҳ	black tea	черный чай

Приложение 21.

Английские словосочетания, относящиеся к модели *Adj+N*

Английский	Таджикский	Русский
cold water	оби хунук	холодная вода
high tea	чой ва хӯроки сабуки пешин	чай с высоким содержанием ЧЕГО???, крепкий чай
hot chocolate	шоколади гарм, нӯшокӣ	горячий шоколад
light soda	оби газдори сабук	лёгкая газировка
red wine	бодаи сурх	красное вино

Приложение 22.

Таджикские словосочетания, относящиеся к модели *N+N*:

Таджикский	Английский	Русский
афшураи афлесун	orange juice	апельсиновый сок
оби ангур	grape juice	виноградный сок
оби мева	fruit juice	фруктовый сок
оби себ	Cider	яблочный сок
оби чав	beer	пиво
чойи чуворӣ	sorg(h)t, sorghum	сорго

Приложение 23.

Английские словосочетания, относящиеся к модели *N+N*:

Английский	Таджикский	Русский
barley broth	Оби лъави сахттаъсир	крепкое ячменное пиво

cream tea	чой бо қаймоқ	чай со сливкой
grape juice	оби ангур	виноградный сок
ginger beer	обчавизанчабилӣ	имбирное пиво
herbal tea	чои алафӣ	травинной чай
mineral water	оби газнок	минеральная вода
orange juice	шарбати афлесун	апельсиновый сок
peach juice	шарбати шафтолу	персиковый сок
pineapple juice	афшураи ананас	ананасовый сок
soft drink	нӯшобаи ғайриалкулі	безалкогольный напиток
tomato juice	Афшураи помидор	томатный сок

Приложение 24.

Таджикские словосочетания, относящиеся к модели *N+Adj*

Таджикский	Английский	русский
ангури тойфӣ	toifi grapes	виноград тойфи
ангури хусайнӣ	husaini grapes	виноград хусайни
бодиринги майда	Gherkin	мелкий огурец
картошкаи чавон	new potatoes	молодой картофель
қаланфури хиндӣ	Cayenne	красный стручковый перец
қалан(м)фурибулғорӣ	Capsicum	болгарский перец
қаланфури сурх	Cayenne	красный стручковый перец
лаблабӯи сурх	red beet	красная свекла
мавизи сиёҳ	black raisins	черный изюм
мавизи бедона	seedless raisins	изюм без косточек
меваи хушк	dried fruit	сухофрукты
олуи қоқ	Prune	чернослив
пиёзи сабз	scallion	зеленый лук
тутизаминӣ	Strawberry	земляника, клубника
чормағзи заминӣ	Peanut	арахис, земляной орех.

Приложение 25.

Английские словосочетания, относящиеся к модели *Adj+N*

Английский	Таджикский	Русский
black cherry	гелос	вишня
blackcurrant	қоти сиёҳ	черная смородина
black mulberry	тути сиёҳ	черная шелковица

bok choy	карами хитой	китайская капуста
butternut squash	Каду	тыква
cherry plum	Олуча	алыча
citrus fruits	мевахои цитрусӣ	цитрусовые плоды
dried fruit	мевахои хушк	сухофрукты
green beans	лӯбиёи сабз	зеленая фасоль
green meat	сабзавот, кабудӣ	овощи, зелень
green onion	пиёзи сабз	зеленый лук
green vegetables	Сабзавоти Сабз	зеленые овощи
hot pepper	қаланфури тез	острый перец
new potatoes	каотошкаи чавон	молодой картофель
red beet	лаблабӯи сурх	красная свекла
red cabbage	карами сурх	красная капуста
red currant	қоти сурх	красная смородина
red onion	пиёзи сурх	красный лук
sharon fruit	Хурмо	хурма
sour cherry	Олуча	вишня
sweet pepper	қаланфури булғорӣ	болгарский перец
sweetpotato	картошкаи ширин	сладкий картофель
white radish	шалғами сафед	белая редька
white raisin	мавизи сафед	белый изюм

Приложение 26.

Таджикские словосочетания, относящиеся к модели N+N:

Таджикский	Английский	Русский
ангури кишмиш	Kishmish	кишмиш
лаблабӯи қанд	sugar beet	сахарная свекла
лаблабӯи сурх	red beet	красная свекла
пиёзи анзур	onion anzur	лук анзур
хӯшаи ангур	a bunch of grapes	гроздь винограда

Приложение 27

Английские словосочетания, относящиеся к модели N+and+N

Английский	Таджикский	Русский
bacon and eggs	тухмбирён бо гӯштихук	яичница с беконом
bread and butter	нон бо равған	хлеб с маслом

bread and cheese	нон бо панир	хлеб с сыром
fish and chips	моҳӣ бо картошкабирён	рыба и картофель фри
meat and drink	хӯрок ва нушидани, нонуоб	еда и напиток

Приложение 27.

Таджикские словосочетания, относящиеся к модели N+Prep+N+N

Таджикский	Английский	Русский
угро бо гӯшти буз	soup with goat meat and noodles	суп-лапша с козьим мясом
угро бо гӯшти гов	soup with beef meat and noodles	суп-лапша с говяжьим мясом
угро бо гушти мурғ	soup with chicken meat and noodles	суп-лапша с куриным мясом
угро бо гушти гӯсфанд	soup with mutton meat and noodles	суп-лапша с бараньим мясом
хомшӯрбо бо гӯшти гов	vegetable soup with beef meat	овощной суп с говяжьим мясом
хомшӯрбо бо гушти гӯсфанд	vegetable soup with mutton meat	овощной суп с бараниной
шӯрбо бо гӯшти гов	beef soup	суп из говядины
гӯштбирён аз гӯштибуз	roasted meat, roast from mutton meat	жаркое из баранины
кабоб аз боли мурғ	kebab from chicken wings	шашлык из куриных крылышек
кабоб аз гӯштигов	shish kebab from beef meat	шашлык из говядины
кабоб аз гӯштигӯсфанд	shish kebab from mutton meat	шашлык из баранины
кабоб аз гӯштихаргӯш	roast from hare meat	жаркое из заячьего мяса
кабоб аз цигарибуз	shish kebab from goat liver	жаркое из козьей печени
кабоб аз цигаригов	shish kebab from beef liver	шашлык из говяжьей печени
кабоб аз цигаригӯсфанд	shish kebab from ram liver	шашлык из бараньей печени
қабурғакабоб аз гӯшти гӯсфанд	shish kebab from mutton meat on rib	жаркое из ребра баранины

лӯлакабоб аз гӯшти гов	lulakebab from mutton meat	шашлык из говядины
палав бо гӯшти мурғ	pilaf with chicken	плов с курицей
палав бо себи биҳӣ	pilaf with quince	плов с айвой
резакабоб аз гӯшти гов	roast from pieces of beef meat	жаркое из кусков говядины
сихкабоб аз гӯшти гӯсфанд	shish kebab mutton meat	шашлык из баранины
сихкабоб аз гӯштимурғ	shish kebab chicken meat	шашлык из курицы

Приложение 28.

Таджикские словосочетания, относящиеся к модели *N+Adj+Prep+N*

Таджикский	Английский	Русский
чалпаки ширӣ бо асал	pancakes, fritters with honey	оладьи, блины с медом
чалпаки ширӣ бо гӯшт	pancakes, fritters with meat	оладьи, блины с мясом
чалпаки ширӣ бо мураббо	pancakes, fritters with jam	оладьи, блины с вареньем
ҳалвои хосагӣ аз бодом	halva hosagi made from almonds, made from sugar, citric acid, almond kernels and flavorings	халва хосаги из миндаля, изготавливается из сахара, лимонной кислоты, ядра миндаля и ароматизирующие вещества

Приложение 29.

Таджикские словосочетания, относящиеся к модели: *N+Prep+N+Adj*

Таджикский	Английский	Русский
чалпаки ширӣ бо шири бурида	pancakes, fritters with colostrum	оладьи блины с молозивом
мастоба бо гӯштиреза	mustoba-soup with rice and pieces of meat filled with sour milk	мастоба-суп с рисом и кусочками мяса и с простоквашей)
шӯрбо бо бодиринги шӯр	meat or fish soup with pickled cucumber	суп с соленым огурцом и мясом

Приложение 30.

Таджикские словосочетания, относящиеся к модели: *N+Prep+N*:

Таджикский	Английский	Русский
гӯшт бо замбӯруғ	meat with mushrooms	мясо с грибами
палав бо зардчӯба	pilaf from a turmeric yellow ginger	плов с желтым имбирем
палав бо сирпиёз	pilaf with garlic	плов с чесноком